

Перевод с англ. кандидата психологических наук М. Р. Гинзбурга
Рекомендована Министерством образования Российской Федерации в качестве учебного
пособия по практической психологии

Фрейд А.

Психология Я и защитные механизмы-

Пер с англ.—М.: Педагогика, 1993—144 с

Книга Анны Фрейд (дочери и последовательницы Д. Фрейда) относится к классическим исследованиям заложившим основы детского психоанализа. Развиваемые А. Фрейд идеи о механизмах психологической защиты проявляющихся при столкновении ребенка с социальным миром, открывают пути для понимания процесса становления личности в детстве и оказания ребенку психологической помощи.

Для психологов, педагогов, а также читателей, интересующихся вопросами практической психологии личности

Русский перевод, Л1. Р. Гинзбург 1993 © Художественное оформление
В. И. Сидоренко, 1993 ' © Вступительная статья, А. Г. Асмолова, 1993

Детский психоанализ

Судьба Анны Фрейд (1895—1982), и личная, и профессиональная, неразрывно связана с развитием оригинального направления практической психологии — детского психоанализа. Дочь классика психоанализа Зигмунда Фрейда, начав свою карьеру в 1912 г. с работы учительницы, уже в 1923 г. становится преподавателем и директором Венского института по подготовке детских психоаналитиков. Вначале в Австрии, а после эмиграции в 1938 г. в Великобритании Анна Фрейд самоотверженно занимается вопросами развития личности ребенка и помощи ребенку в полной драм жизни. Ее перу принадлежат такие пользующиеся популярностью труды, как «Введение в детский психоанализ» (1927), «Психоанализ для учителей и родителей» (1931), «Война и дети» (1944), «Норма и патология в детстве» (1966). Широкий спектр исследований Анны Фрейд—почетного доктора Университета Кларка (США) и Венского университета (Австрия), посвященных психоанализу детства, образованию, социальной работе, детской психиатрии и педиатрии, наиболее полно отражен в 8-томном собрании ее трудов (1971—1980, США). Мировую известность А. Фрейд принесла ее работа «Психология Я и защитные механизмы», открывшая путь к пониманию и преодолению конфликтов детской души.

«Во мне сидит черт. Можно ли его вынуть?» В этом вопросе шестилетней девочки к Анне Фрейд сфокусированы конфликты детской души, над разрешением которых в течение 70 лет бьется детский психоанализ. Каковы внутренние резервы детского Я в поединке с полным противоречий миром? Как рождаются защитные механизмы личности, позволяющие сохранить устойчивость поведения ребенка в веере различных жизненных ситуаций? Сколь велика магия слова мастера детского психоанализа, приходящего на помощь к испытывающему страхи и живущему не в ладу с самим собой и окружающими людьми растущему человеку? Ответы на эти и многие другие вопросы позволили Анне Фрейд по праву встать в одном историческом ряду с основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом, а не просто остаться дочерью знаменитого отца. В отличие от традиционного психоанализа психологические воззрения Анны Фрейд проникнуты верой в силу человеческого Я, и созданное ею теоретическое направление не случайно вошло в историю науки под именем «Эго-психология».

Книгу А. Фрейд «Психология Я и защитные механизмы», увидевшую свет в 1936 г., ожидала судьба классических работ. Над идеями о механизмах психологической защиты и их роли в развитии личности ребенка оказалось не властно неумолимое время. Нет сомнения в том, что психологи, педагоги и врачи познакомившись с этой замечательной книгой, откроют для себя одно из самых оригинальных направлений практической психологии—детский психоанализ.

Александр Асмолов,
вице-президент Общества психологов

А

Теория защитных механизмов

І. Я как точка наблюдения

Определение психоанализа. В развитии психоаналитической науки были периоды, когда теоретическое исследование индивидуального Я было не слишком популярным. Многие аналитики считали, что в анализ) ценность научной и терапевтической работы прямо пропорциональна глубине затрагиваемых психически; слоев. Всегда, когда интерес смещался от глубоких к более поверхностным психическим слоям, т. е. всегда, когда исследование отклонялось от Оно к Я, возникало ощущение, что это начало отхода от психоанализа в целом. Считалось, что термин психоанализ должен быть сохранен для новых открытий, относящихся к бессознательной психической жизни, например к исследованию подавленных инстинктивных импульсов, аффектов и фантазий. Такими же проблемами, как приспособление детей и взрослых к внешнему миру, такими понятиями, как здоровье и болезнь, добродетель и порок, психоанализ не занимается. Он должен посвятить свои исследования исключительно детским фантазиям, сохранившимся во взрослой жизни, воображаемому удовлетворению и ожидаемому в качестве возмездия за него наказанию.

Такое определение психоанализа достаточно часто встречалось в психоаналитических работах и, по-видимому, подкреплялось его практическим использованием, при котором психоанализ и глубинная психология всегда рассматривались как синонимы. Более того некоторые основания для такого определения имеются и в прошлом психоанализа, поскольку можно сказать, что с самых первых лет нашей науки ее теория, построенная на эмпирической основе, была преимущественно психологией бессознательного, или, как мы сказали бы сейчас, психологией Оно. Но это определение немедленно утрачивает все претензии на точность, как только мы прикладываем его к психоаналитической терапии. Анализ как терапевтический метод с самого начала имеет дело с Я и его отклонениями; исследование Оно и его способа действия всегда было лишь средством для достижения цели. А цель всегда одна и та же: коррекция этих отклонений и восстановление Я в его целостности.

Когда работы Фрейда, начиная с «Group psychology and the analysis of the Ego»(1921) и «Beyond the pleasure principle» (1920), приняли новое направление, на исследованиях Я перестала лежать печать аналитической неортодоксальности, и интерес окончательно сосредоточился на образованиях Я. С тех пор термин «глубинная психология» не покрывает всей области психоаналитического исследования. В настоящее время мы, по-видимому, определили бы задачу анализа следующим образом: получить максимально полное знание обо всех трех образованиях, из которых, как мы считаем, состоит психическая личность, и изучить их отношения между собой и с внешним миром. Иными словами, по отношению к Я — исследовать его содержание, границы и функции, проследить историю его зависимости от внешнего мира, Оно и Сверх-Я; по отношению к Оно—дать описание инстинктов, т. е. содержания Оно, и проследить их трансформации.

Оно, Я, Сверх-Я в самовосприятии. Все мы знаем, что эти три психических образования доступны наблюдению в разной степени. Наше знание об Оно— которое раньше называлось системой Ucs.— может быть получено лишь на основании производных этой системы, проявляющихся в системах PCS и CS. Если внутри Оно преобладает состояние покоя и удовлетворения, при котором в поисках удовлетворения ни один инстинктивный импульс не вторгается в Я и не вызывает в нем чувств напряжения и страдания, то мы ничего не можем узнать о содержании Оно. Отсюда следует, по крайней мере теоретически, что Оно открыто для наблюдения не при всех условиях.

Со Сверх-Я дело обстоит иначе. Его содержания большей частью осознаны и, следовательно, прямо доступны эндопсихическому восприятию. Тем не менее наше описание Сверх-Я всегда начинает становиться неопределенным, когда между ним и Я существуют гармоничные отношения. В этом случае мы говорим, что они совпадают, т. е. в такие моменты Сверх-Я недоступно наблюдению как отдельное образование ни для самого субъекта, ни для внешнего наблюдателя. Его очертания становятся ясными лишь тогда, когда оно относится к Я враждебно либо критично. Сверх-Я, как и Оно, становится видимым через состояния, которые оно продуцирует в Я, например через чувство вины, вызванное его критическим отношением.

Я как наблюдатель. Это означает, что собственно полем нашего наблюдения всегда является Я. Это, так сказать, опосредующее звено, через которое мы пытаемся обрисовать два других образования.

Когда отношения между двумя соседними силами—Я и Оно—спокойны, первая из них превосходно выполняет свою функцию наблюдателя за второй. Различные инстинктивные импульсы постоянно прокладывают себе путь из Оно в Я, где они получают доступ к моторному аппарату, посредством которого и достигают удовлетворения. В благоприятных случаях Я не протестует против «пришельца», а предоставляет в его распоряжение свою собственную энергию и ограничивается наблюдением; оно отмечает начало инстинктивного импульса, величину напряжения и чувства страдания, которыми он сопровождается, и, наконец, исчезновение напряжения при достижении удовлетворения. Наблюдение над всем процессом даёт нам ясную и неискаженную картину инстинктивного импульса, количества либидо, которым он наделен, и цели, к которой он стремится. Если Я находится в согласии с импульсом, то оно в эту картину вообще не входит.

К сожалению, переход инстинктивного импульса от одного образования к другому может сигнализировать о самых различных конфликтах, в результате чего наблюдение Я прерывается. На своем пути к удовлетворению импульсы Оно должны пройти через территорию Я, а там они будут в чуждой среде. В Оно преобладают так называемые первичные процессы: здесь нет синтеза идей, аффекты подвержены вытеснению, противоположности не являются взаимоисключающими и могут даже совпадать, а конденсация вполне естественна. Ведущим принципом, управляющим психическими процессами, является принцип достижения удовольствия. В Я, напротив, ассоциация идей осуществляется в соответствии со строгими условиями, которые мы обозначаем общим термином «вторичные процессы»; кроме того, инстинктивные импульсы уже не могут стремиться к непосредственному удовлетворению—они должны учитывать требования реальности, и более того, они должны подчиняться этическим и моральным правилам, при помощи которых Сверх-Я стремится контролировать поведение Я. Следовательно, эти импульсы рискуют навлечь на себя неудовольствие в основном чуждых по отношению к ним образований. Они подвержены критике, отвержению и самым различным изменениям. Мирные отношения между соседствующими силами прекращаются. Инстинктивные импульсы продолжают стремиться к своим целям с присущими им упорством и энергией и совершают враждебные вторжения в Я, надеясь одержать над ним верх при помощи внезапной атаки. Я со своей стороны становится подозрительным; оно контратакует и

вторгается на территорию Оно. Его цель заключается в том, чтобы постоянно держать инстинкты в бездейственном состоянии при помощи соответствующих защитных мер, призванных обезопасить его собственные границы.

Картина этих процессов, получаемая нами при помощи способности Я к наблюдению, более неопределенна, но в то же время и более ценна. Она показывает нам два психических образования в действии в один и тот же момент. Мы видим уже не искаженный импульс Оно, а импульс Оно, измененный определенными защитными мерами со стороны Я. Задача анализирующего наблюдателя заключается в том, чтобы разделить картину, представляющую собой компромисс между различными образованиями, на ее составляющие: Оно, Я и, возможно, Сверх-Я.

Вторжения Оно и Я, рассматриваемые как материал для наблюдения. Во всем этом нас поражает тот факт, что вторжения с той и с другой стороны совершенно неравноценны с позиции наблюдения. Все защитные меры Я против Оно срабатывают тихо и незаметно. Самое большое, что мы можем сделать,—это ретроспективно реконструировать их; мы никогда не можем видеть их в действии. Таков, например, случай успешного вытеснения. Я ничего о нем не знает; мы осознаем его лишь впоследствии, когда становится очевидным, что чего-то недостает. При этом я имею в виду, что, когда мы пытаемся сформировать объективное суждение о конкретном индивиде, мы обнаруживаем, что некоторые импульсы Оно, проявления которых в Я в поисках удовлетворения мы могли бы ожидать, отсутствуют. Если они вообще не появляются, мы можем лишь предположить, что доступ в Я для них постоянно закрыт, т. е. что они подверглись вытеснению. Но это ничего не говорит нам о самом процессе вытеснения.

Это же относится и к успешному реактивному образованию, которое является одной из наиболее эффективных мер, предпринимаемых Я в качестве постоянной защиты против Оно. Такие образования появляются в Я почти незаметно в ходе детского развития. Мы даже не можем сказать, что внимание Я было предварительно сосредоточено на противоположных инстинктивных импульсах, которые замещаются реактивным образованием. Как правило, Я ничего не знает ни об отвержении импульса, ни обо всем конфликте, в результате которого возникает новое образование. Анализирующий наблюдатель мог бы легко принять это образование за результат спонтанного развития Я, если бы не его чрезмерный характер, указывающий на наличие долговременного конфликта. В данном случае также наблюдение конкретного вида защиты ничего не говорит о процессе, при помощи которого он осуществляется,

Отметим, что вся приобретенная нами важная информация была получена при изучении вторжений с противоположной стороны, а именно со стороны Оно в Я. Скрытое содержание вытеснения становится явным при обращении движения, т. е. когда вытесненное содержание возвращается, как это можно видеть при неврозе. Здесь мы можем проследить каждую стадию конфликта между инстинктивным импульсом и защитой Я. Точно так же реактивные образования могут быть изучены при их распаде. В этом случае вторжение Оно приобретает форму подкрепления либидозного катексиса первичного инстинктивного импульса, скрывающегося за реактивным образованием. Это позволяет импульсу проложить путь в сознание, и на время инстинктивный импульс и реактивное образование видны в Я бок о бок. Возникающее благодаря другой функции Я—стремлению к синтезу—это состояние дел, чрезвычайно благоприятное для аналитического наблюдения, длится лишь не сколько мгновений. Затем возникает новый конфликт между производным Оно и активностью Я, в котором решается, кто из них одержит верх или какой компромисс будет достигнут. Если благодаря подкреплению ее энергетического катексиса защита, созданная Я, оказывается успешной, вторгшаяся из Оно сила изгоняется, и в душе вновь воцаряется покой—ситуация, максимально затрудняющая наши наблюдения.

II. Применение аналитической техники к исследованию психических образований

В главе 1 я описала условия, при которых должно осуществляться психоаналитическое наблюдение психических процессов. Теперь я хочу описать, как наша аналитическая техника по мере своего развития приспособлялась к этим условиям.

Гипнотическая техника в доаналитический период. В гипнотической технике доаналитического периода Я все еще приписывалась полностью негативная роль. Целью гипнотизера было получить доступ к содержанию бессознательного, и он рассматривал Я в основном как помеху в своей работе. Было уже известно, что при помощи гипноза можно элиминировать или, во всяком случае, преодолеть Я пациента. Новой особенностью техники, описанной в «*Studies on hysteria*» (1893—1895), было то, что врач извлекает выгоду из устранения Я, получая доступ к бессознательному пациента—сейчас известному как Оно,—путь к которому был ранее перекрыт Я. Таким образом, целью было раскрытие бессознательного; Я было помехой, а гипноз —способом временно ее устранить. Когда в гипнозе прояснялась часть содержания бессознательного, врач вводил ее в Я, и результатом этого введения в сознание было прояснение симптома. Но Я не принимало участия в терапевтическом процессе. Оно переносило чужака лишь в течение того времени, когда само оно находилось под влиянием врача, вызвавшего гипнотическое состояние. Затем оно восставало и начинало новую борьбу, чтобы защитить себя от навязанного ему элемента Оно, и в результате с трудом достигнутый терапевтический успех исчезал. Таким образом, наибольший триумф гипнотической техники — полное устранение Я на период исследования — оказался неэффективным в достижении постоянных результатов, что привело к разочарованию в ценности данной техники.

Свободные ассоциации. Даже в свободных ассоциациях — методе, заменившем гипноз,— роль Я все еще остается отрицательной. Правда, Я пациента больше не устраняется насильственно. Вместо этого ему предлагают самоустраниться, воздержаться от критики ассоциаций и пренебречь требованиями логической связности, которые в другое время должны соблюдаться. От Я требуют молчания, а Оно предлагают говорить и обещают ему, что его производные не встретятся с обычными трудностями, если они появятся в сознании. Конечно же, нельзя обещать, что, возникнув в Я, они достигнут своей инстинктивной цели, какой бы она ни была. Договор справедлив только для их перехода в словесную форму; он не дает им права на контроль над моторным аппаратом, что является их истинной целью. Действительно, по строгим правилам аналитической техники этот аппарат заранее выводится из игры.

Таким образом, мы играем с инстинктивными импульсами пациента в двойную игру, с одной стороны, поощряя их проявление, а с другой — неуклонно отказывая им в удовлетворении—процедура, которая порождает одну из многочисленных трудностей в овладении аналитической техникой.

Даже в наши дни многие начинающие аналитики считают, что главное—это добиться, чтобы их пациенты действительно выдавали все свои ассоциации без изменения или торможения, т. е. безоговорочно выполнить основное правило анализа. Но, даже если такой идеал и достигается, в этом нет никакого прогресса, поскольку в конечном счете это означает попросту возобновление устаревшей ситуации гипноза, с ее односторонней концентрацией врача на Оно. К счастью для анализа, такое послушание со стороны пациента практически невозможно. Основное правило никогда не может быть соблюдено далее определенной границы. Я временно хранит молчание, а производные Оно пользуются этой паузой, чтобы проложить себе путь в сознание. Аналитик спешит уловить их последовательности. Затем Я вновь встряхивается, отвергает установку пассивной терпимости, которую оно вынуждено было принять, но при помощи одного из своих привычных защитных механизмов вмешивается в поток ассоциаций. Пациент нарушает основное правило анализа, или, как мы говорим,

обнаруживает «сопротивление». Это значит, что вторжение Оно в Я уступило место контратаке Я против Оно. Аналитик при этом наблюдает, как Я предпринимает против Оно одну из тех уже описанных мною защитных мер, которые столь незаметны, и теперь он должен сделать ее предметом своего исследования. Он отмечает также, что с изменением предмета внезапно меняется ситуация анализа.

При анализе Оно его задача облегчается спонтанной тенденцией производных Оно достичь поверхности: его усилия и стремления материала, который он пытается анализировать, однонаправлены. При анализе защитных операций Я такой общности цели, конечно же, нет. Бессознательные элементы Я не стремятся стать сознательными и не получают от этого никакой выгоды. Поэтому анализ Я намного труднее анализа Оно. Его приходится осуществлять окольным путем, он не может непосредственно исследовать активность Я. Единственная возможность заключается в том, чтобы реконструировать эту активность на основе ее влияния на ассоциации пациента. Исходя из природы этого влияния—это может быть пропуск в ассоциациях, их перестановка, смещение смысла и т.д.—мы надеемся установить, какого типа защита была использована Я при его вмешательстве. Таким образом, первоочередной задачей аналитика является опознание защитного механизма. Сделав это, он тем самым произвел часть анализа Я. Его следующая задача заключается в том, чтобы исправить то, что было сделано защитой, т. е. обнаружить и восстановить на своем месте то, что было вытеснено, исправить смещение и поместить то, что было изолировано, обратно в его истинный контекст. Восстановив разорванные связи, аналитик вновь переключает свое внимание с анализа Я на анализ Оно.

Таким образом, нас интересует не соблюдение основного правила анализа ради него самого, а порождаемый им конфликт. Лишь тогда, когда наблюдение направлено поочередно то на Оно, то на Я, а интерес раздвоен, охватывая обе стороны находящегося перед нами человека, мы можем говорить о психоанализе, отличающемся от одностороннего гипнотического метода.

Другие средства, используемые в аналитической технике, теперь легко могут быть классифицированы в зависимости от того, на что направлено внимание наблюдателя.

Толкование сновидений. Ситуация интерпретации сновидений нашего пациента и ситуация, в которой мы слушаем его свободные ассоциации,—это одна и та же ситуация. Психическое состояние спящего мало отличается от состояния пациента во время анализа. Подчиняясь основному правилу анализа, пациент произвольно приостанавливает некоторые функции Я; у спящего это происходит автоматически под влиянием сна. Пациент укладывается аналитиком на кушетку, чтобы у него не было возможности удовлетворить свои инстинктивные желания в действии; точно так же во сне моторная система приводится в состояние бездействия. А влияние цензуры, перевод скрытых желаний в явное содержание сна, с искажениями, сгущениями, смещениями, перестановками и пропусками соответствуют искажениям, возникающим в ассоциациях в результате сопротивления. Таким образом, интерпретация сновидений помогает нам в исследовании Оно в той мере, в какой она позволяет обнаружить скрытые намерения (содержание Оно), а также в исследовании Я и его защитных операций в той мере, в какой она позволяет нам реконструировать предпринятые цензором меры по их воздействию на содержание сновидения.

Толкование символов. Побочный продукт толкования сна—понимание символов сна—во многом обуславливает успешность нашего исследования Оно. Символы представляют собой постоянные и универсально значимые связи между конкретными содержаниями Оно и отдельными представлениями слова или предмета.

Знание этих отношений позволяет нам на основании сознательных проявлений делать достоверные выводы относительно лежащего за ними бессознательного содержания, не прибегая предварительно к трудоемкому рассмотрению предпринятых Я защитных мер.

Техника перевода символов—это прямая дорога к пониманию, или, точнее, способ перейти от высших слоев сознания к низшим слоям бессознательного, не задерживаясь на промежуточных слоях предшествующей активности Я, которая могла заставить определенное содержание Оно приобрести конкретную форму Я. Знание языка символов имеет для понимания Оно такую же ценность, как знание математических формул—для решения типичных задач. Такие формулы могут быть выгодно использованы, несмотря на то что неизвестно, как именно они были получены. Однако, хотя они и помогают решать задачи, они ничего не дают для понимания математики. Точно так же, интерпретируя символы, мы можем выявить содержание Оно, не придя при этом к более глубокому психологическому пониманию индивида, с которым мы имеем дело.

Парапраксии. Время от времени мы можем наблюдать проблески бессознательного и другим образом — в тех проявлениях Оно, которые известны как парапраксии. Насколько нам известно, это случается не только в ситуации анализа и может наступить в любое время, когда при некоторых особых обстоятельствах бдительность Я ослаблена или отвлечена и бессознательный импульс (опять-таки при особых обстоятельствах) внезапно подкрепляется. Такие парапраксии, особенно в форме обмолвок и забывания, могут произойти и в ходе анализа, когда они, подобно вспышке, освещают некоторые стороны бессознательного, которые мы, возможно, долго старались проинтерпретировать аналитически. На ранних этапах развития аналитической техники подобные неожиданные удачи приветствовались как неопровержимое доказательство существования бессознательного для пациентов, маловосприимчивых к аналитическому толкованию. В таких случаях аналитики были счастливы предоставившей Я возможности продемонстрировать на легко понятных примерах действие различных механизмов, таких, как замещение, конденсация и пропуск. Но вообще-то важность этих случайных событий для аналитической техники невелика по сравнению с теми вторжениями Оно, которые специально вызываются в ходе аналитической работы.

Перенос. То же самое теоретическое различие между наблюдением Оно, с одной стороны, и наблюдением Я, с другой, может быть осуществлено, пожалуй, и для наиболее мощного инструмента в руках аналитика: интерпретации переноса. Под переносом мы понимаем все те импульсы, переживаемые пациентом в его отношениях с аналитиком, которые не создаются вновь объективной аналитической ситуацией, а имеют свои истоки в ранних,—точнее, очень ранних—связях с объектом, а сейчас лишь оживают под влиянием вынужденного повторения. Поскольку эти импульсы не возникают вновь, но представляют собой повторение, они обладают исключительной ценностью как средство получения информации о прошлых аффективных переживаниях пациента. Мы увидим, что можно выделить различные типы переноса в зависимости от степени его сложности.

а) Перенос либидозных импульсов. Первый тип переноса очень прост. Пациент обнаруживает, что его отношения с аналитиком осложняются пылкими эмоциями, например любовью, ненавистью, ревностью, тревогой, которые не оправданы фактами реальной ситуации. Сам пациент сопротивляется этим эмоциям и чувствует стыд, унижение и т. д., когда они проявляются помимо его воли. Часто нам удается проложить им путь к сознательному выражению, настаивая лишь на соблюдении основного правила анализа. Дальнейшее исследование обнаруживает истинный характер этих эмоций—они представляют собой вторжения Оно. Их источник находится в старых аффективных конstellациях, таких, как эдипов комплекс и комплекс кастрации, и они становятся понятными и оправданными, если мы отделим их от ситуации анализа и поместим в определенную детскую аффективную ситуацию. Поставленные на свое собственное место, эти эмоции помогают нам заполнить амнестический провал в прошлом пациента и дают нам новую информацию о его детской инстинктивной и аффективной жизни. Обычно пациент охотно сотрудничает с нами в ходе интерпретации,

поскольку сам чувствует, что перенесенный аффективный импульс представляет собой вторгшееся чужеродное тело. Помещая этот импульс на его место в прошлое, мы тем самым освобождаем пациента в настоящем от импульса, чуждого его Я, что помогает ему совершить анализ. Следует отметить, что интерпретация этого первого типа переноса способствует лишь наблюдению Оно.

б) Перенос защиты. Иначе обстоит дело, когда мы переходим ко второму типу переноса. Навязчивое повторение, преобладающее у пациента в ситуации анализа, затрагивает не только предшествовавшие импульсы Оно, но также и предшествовавшие защитные меры против инстинктов. Таким образом, пациент переносит не только неискаженные детские импульсы Оно, которые подвергаются вторичной цензуре со стороны взрослого Я, лишь когда они проложили себе путь к сознательному выражению; он также переносит импульсы Оно во всех тех искаженных формах, которые они приобрели, когда он был еще ребенком. В крайнем случае может быть так, что сам инстинктивный импульс вообще не участвует в переносе; в нем участвует лишь определенная защита, принятая Я против некоторых позитивных или негативных установок либидо, как, например, реакция бегства от позитивной фиксации любви при скрытой женской гомосексуальности или пассивная, мазохистская установка женского типа, на которую Вильгельм Райх обращал внимание у пациентов-мужчин, чьи отношения с отцами некогда характеризовались агрессивностью. Я считаю, что мы несправедливы к нашим пациентам. Если описываем такие переносные защитные реакции, как «камуфляж», или говорим, что пациенты «втирают аналитику очки» или каким-то иным образом разочаровывают его. И действительно, мы зря будем настаивать на неуклонном соблюдении основного правила, т. е. требовать, чтобы пациенты были искренними и выдали импульс Оно, скрытый за проявленной в переносе защитой. Пациент искренен, когда он выражает импульс или аффект единственным доступным ему путем, а именно—в искаженной защитной форме. Я думаю, что в таком случае аналитик не должен опускать ни одной из тех промежуточных стадий трансформации, которые претерпел инстинкт, и стараться любой ценой прийти к исходному инстинктивному импульсу, против которого Я установило свою защиту, а также ввести его в сознание пациента.

Самым правильным методом будет изменение центра внимания в анализе, его переключение с инстинкта на конкретный защитный механизм, т. е. с Оно на Я. Если мы сумеем проследить путь, проделанный инстинктом при его различных трансформациях, то выигрыш в анализе будет двойным. Явление переноса, которое мы интерпретировали, распадается на две части, обе берущие начало в прошлом: либидозный или агрессивный элемент, принадлежащий Оно, и защитный механизм, который мы должны приписать Я в наиболее поучительных случаях—Я того самого периода в детстве, в котором впервые возник импульс Оно. Мы не только заполняем провал в памяти пациента касающийся его инстинктивной жизни, как мы это делаем и при интерпретации первого, простого типа переноса, но мы также дополняем и заполняем провалы в истории развития его Я, или, иначе говоря, истории трансформаций, которые претерпевает инстинкт.

Интерпретация второго типа переноса более плодотворна, чем интерпретация первого типа, но именно она лежит в основе большинства технических трудностей, возникающих между аналитиком и пациентом. Пациент не ощущает реакций переноса второго типа как чужеродное тело, и это не удивительно, если учесть, какую большую роль в их продуцировании играет Я—даже если это Я первых лет жизни. Нелегко убедить пациента в повторяющейся природе этого явления. Форма, в которой эти реакции возникают в его сознании, синтонна Я. Искажения, требуемые цензурой, были осуществлены задолго до этого, и взрослое Я не видит причин, по которым оно должно было бы остерегаться их появления в свободных ассоциациях. При помощи рационализации пациент легко закрывает глаза на расхождения между причиной и

следствием, которые так заметны для наблюдателя и показывают со всей очевидностью, что у переноса нет объективных оснований. Когда реакции переноса приобретают такую форму, мы не можем рассчитывать на добровольное сотрудничество пациента, как при реакциях первого типа. Едва лишь интерпретация затрагивает неизвестные элементы Я, его действия в прошлом, как Я полностью противодействует работе анализа. Это ситуация, которую мы обычно описываем не очень удачным термином «анализ характера».

С теоретической точки зрения явления, обнаруженные посредством интерпретации переноса, распадаются на две группы: содержания Оно и действия Я, которые в любом случае были внесены в сознание. Аналогично могут быть классифицированы результаты интерпретации свободных ассоциаций пациента: непрерывный поток ассоциаций освещает содержание Оно; появление сопротивления—защитные механизмы, используемые Я. Единственное различие заключается в том, что интерпретация переноса относится исключительно к прошлому и может одномоментно осветить целые периоды из прошлой жизни пациента, тогда как содержание Оно, выявляемое в свободных ассоциациях, не связано ни с каким конкретным временным периодом, а защитные действия Я, проявляющиеся в ходе анализа в форме сопротивления свободным ассоциациям, могут относиться и к его жизни в настоящем.

в) Действие в переносе. Важный вклад в понимание нами пациента вносит третья форма переноса. При интерпретации сновидений, в свободных ассоциациях, интерпретации сопротивления и в двух уже описанных формах переноса мы видим пациента включенным в ситуацию анализа, т. е. в неестественном эндопсихическом состоянии. Относительная сила двух образований изменена: баланс нарушен в пользу Оно в одном случае под влиянием сна, а в другом — благодаря соблюдению основного правила анализа. Сила факторов Я, когда мы встречаемся с ними—будь то в форме цензуры сновидений или в форме сопротивления свободным ассоциациям,—уже уменьшена, и ее воздействие ослаблено, и нам часто бывает исключительно трудно обрисовать их в их естественной величине и силе.

Мы все знакомы с обвинениями, часто выдвигаемыми против аналитиков, в том, что они могут хорошо знать бессознательное пациента, но плохо судят о его Я. Эта критика, по-видимому, в значительной степени оправданна, поскольку аналитики имеют недостаточно возможностей наблюдать целостное Я пациента в действии.

Возможно такое усиление переноса, при котором пациент на время перестает соблюдать строгие правила аналитического лечения и начинает проигрывать в своем повседневном поведении как инстинктивные импульсы, так и защитные реакции, включенные в его перенесенные аффекты. Это известно как действие в переносе—процессе, при котором, строго говоря, границы анализа уже оставлены позади. С точки зрения аналитика это поучительно, поскольку психическая структура пациента автоматически проявляется в своих естественных пропорциях. Когда мы интерпретируем это «действие», мы должны разделить действия переноса на их составляющие части и тем самым обнаружить количество энергии, используемой в данный конкретный момент различными образованиями. В отличие от наблюдений, проводимых при продуцировании пациентом свободных ассоциаций, эта ситуация показывает нам как абсолютное, так и относительное количество энергии, используемой каждым образованием.

Хотя интерпретация «действия» в переносе и обеспечивает нам достаточно существенное понимание, терапевтический выигрыш обычно невелик. Введение бессознательного в сознание и осуществление терапевтического воздействия на отношения между Оно, Я и Сверх-Я зависят от создания ситуации анализа, которая конструируется искусственно и напоминает гипноз в том отношении, что активность образований Я снижена. Пока Я продолжает функционировать свободно или же если оно действует заодно с Оно и просто выполняет его приказы, для

эндопсихических замещений и осуществления воздействий извне имеется мало возможностей. Поэтому для аналитика работать с этой, третьей формой переноса, которую мы называем действием, еще труднее, чем с переносом различных типов защиты. Так что естественно, что он попытается в максимальной степени ограничить ее посредством даваемых им аналитических интерпретаций и накладываемых неаналитических ограничений.

Связь между анализом Оно и анализом Я. Я достаточно подробно описала, как явление переноса осуществляется в трех формах: перенос либидозных тенденций, перенос защиты и действие в переносе. Моей целью было показать, что технические трудности анализа относительно невелики, когда речь идет о том, чтобы ввести в сознание производные бессознательного, и что они очень велики, когда нам приходится иметь дело с бессознательными элементами в Я.

Это можно выразить следующим образом: трудность заключается не в нашей аналитической технике как таковой; она ничуть не меньше годится для введения в сознание бессознательных частей Я, чем для введения в сознание бессознательных частей Оно или Сверх-Я. Вот только мы, аналитики, меньше знакомы с трудностями анализа Я, чем с трудностями анализа Оно. Аналитическая теория более не утверждает, что: понятие Я тождественно понятию системы чувственного сознания; иначе говоря, мы осознали, что существенные части образований Я сами бессознательны и нуждаются в помощи анализа для того, чтобы стать осознанными. В результате анализ Я приобрел в наших глазах намного большее значение. Все, что включается в анализ со стороны Я,— это такой же качественный материал, как и производные Оно. Мы не вправе рассматривать его лишь как помеху я анализу Оно. Но конечно же, все, исходящее от Я, является также сопротивлением в собственном смысле слова: силой, направленной против всего, исходящего из бессознательного, а тем самым и против работы аналитика.

Таким образом, для нас будет делом чести научиться осуществлять анализ Я пациента — пусть и против воли самого этого Я—с не меньшей точностью, чем анализ Оно.

Односторонность аналитической техники и трудности, к которым она приводит. Из того, что было сказано ранее, нам известно, что, если мы сосредоточиваем наше внимание на свободных ассоциациях пациента и скрытых стремлениях его сновидений, на толковании символов и содержания переноса, воображаемого либо осуществленного в действии, мы можем продвинуться в нашем исследовании Оно, но этот анализ является односторонним. Наряду с этим исследование форм сопротивления, работы цензуры сновидений и различных перенесенных типов защиты против инстинктивных импульсов и фантазий помогает нам в изучении неизвестных действий Я и Сверх-Я, но этот метод также является односторонним. Если верно, что лишь сочетание этих двух линий исследования, без уклонения в ту или иную сторону, может дать полную картину психики субъекта, то верно также и то, что, если мы предпочтем один из способов аналитического исследования в ущерб всем остальным, результатом будет искаженная или, по меньшей мере, неполная картина психической личности — карикатура на действительность.

Например, техника, которая ограничивается исключительно интерпретацией символов, рискует высветить материал, представляющий собой исключительно содержание Оно. Используя эту технику будет склонен игнорировать или, по крайней мере, считать менее значимыми те бессознательные элементы в образованиях Я, которые могут быть введены в сознание лишь с помощью других методов анализа. Эта техника может быть оправдана тем, что она позволяет обойтись без окольных путей и, не анализируя Я, прямо подойти к подавленной инстинктивной жизни. Однако ее результаты будут все же неполными. Лишь анализ бессознательных защитных операций Я позволяет нам реконструировать те изменения, которые претерпели инстинкты. Не зная их, мы можем, конечно, открыть многое относительно

содержания подавленных инстинктивных стремлений и фантазий, но мы по-прежнему будем знать мало — или вообще ничего — относительно осуществившихся с ними преобразований и различных путей, которыми они входят в структуру личности.

Техника, отклоняющаяся слишком далеко в сторону анализа сопротивлений пациента, также дает неполные результаты—но в прямо противоположном смысле. Такой метод представит нам полную картину Я субъекта, но за счет отказа от глубины и полноты анализа его Оно.

Аналогичными будут и результаты техники, которая чрезмерно концентрируется на переносе. Нет сомнений в том, что пациенты, находясь в состоянии интенсифицированного переноса, которому этот метод благоприятствует, продуцируют обильный материал из глубочайших слоев Оно. Но при этом они переходят границы ситуации анализа. Я больше не остается вовне, его энергия не уменьшена, сила не снижена, оно не сохраняет позицию объективного наблюдения, при которой не принимает активного участия в происходящем.

Напротив, оно захвачено, затоплено, погружено в действие. Даже если под воздействием навязчивого повторения оно ведет себя полностью как детское Я, это не меняет того факта, что оно действует, вместо того чтобы анализировать. Но это означает, что подобная техника, с использованием которой были связаны надежды достичь более глубокого понимания наших пациентов, с терапевтической точки зрения приводит к разочарованию, которого с теоретической точки зрения следовало ожидать в результате действия в переносе.

Кроме того, техника детского анализа, которую я сама отстаивала (А. А. Фрейд, 1927), также является хорошим примером опасностей одностороннего подхода. Если мы отказываемся от свободных ассоциаций, в недостаточной мере используем интерпретацию символов и начинаем интерпретировать перенос лишь на поздней стадии лечения, то для нас оказываются закрытыми три важных пути раскрытия содержания Оно и действий Я.

В этом случае возникает вопрос, на который я собираюсь ответить в следующей главе: как преодолеть все эти недостатки и, несмотря ни на что, проникнуть глубже поверхностных слоев психической жизни?

III

Защитные действия Я,

рассматриваемые как объект анализа

Отношение между Я и аналитическим методом. Детальные и утомительные теоретические рассуждения, содержащиеся в предыдущей главе, для практических целей могут быть резюмированы в нескольких простых предложениях. Задача аналитика заключается в том, чтобы ввести в сознание все, что является бессознательным, независимо от того, какому психическому образованию оно принадлежит. Аналитик объективно и равномерно распределяет свое внимание между бессознательными элементами всех трех образований. Иначе говоря, когда он принимается за работу по разъяснению, он выбирает себе позицию, равноудаленную от Оно, Я и Сверх-Я.

К сожалению, однако, различные обстоятельства препятствуют этой равноудаленности. Беспристрастность аналитика не встречает отклика; различные образования реагируют на его усилия по-разному. Мы знаем, что сами по себе импульсы Оно не склонны оставаться неосознанными. Они естественным образом устремлены вверх, постоянно пытаются проложить себе путь в сознание и тем самым достичь удовлетворения или, по крайней мере, направить свои производные на поверхность сознания. Как я показала, работа аналитика осуществляется в том же направлении и подкрепляет эту устремленную вверх тенденцию. Тем самым для подавленных элементов в Оно аналитик выступает как помощник и освободитель.

С Я и Сверх-Я дело обстоит иначе. В той мере, в какой образования Я стремятся ограничить импульсы Оно собственными способами, аналитик выступает как возмутитель спокойствия. В ходе своей работы он уничтожает старательно созданные вытеснения и разрушает компромиссные образования, воздействие которых патологично, но форма которых полностью синтонна Я. Цель аналитика, заключающаяся во введении бессознательного в сознание, и усилия образований Я по овладению инстинктивной жизнью противоречат друг другу. Следовательно, за исключением случаев понимания пациентом своей болезни, образования Я рассматривают цель аналитика как угрозу.

Следуя линиям изложения, намеченным в предыдущей главе, мы должны описать отношение Я к работе анализа как тройственное. Реализуя способность к самонаблюдению, о которой я говорила, Я делает общее с аналитиком дело; эта его способность находится в распоряжении аналитика, и Я передает ему картину других образований, созданную на основе их производных, вторгшихся на его территорию. Я антагонистично аналитику в том отношении, что в своем самонаблюдении оно ненадежно и тенденциозно. Сознательно регистрируя и передавая одни факты, Я фальсифицирует и отбрасывает другие, препятствуя их освещению, а это полностью противоречит методам аналитического исследования, настаивающим на том, что рассмотрено должно быть все, что возникает, без всякой дискриминации. Наконец, Я само является объектом анализа в том отношении, что постоянно осуществляемые им защитные действия реализуются бессознательно и могут быть введены в сознание лишь ценой значительных усилий, подобно бессознательной активности любого из вытесняемых инстинктивных импульсов.

Защита против инстинкта, проявляющаяся в форме сопротивления. В предыдущей главе я попыталась провести теоретическое различие между анализом Оно и Я, которые в нашей практической работе неразрывно связаны друг с другом. Результат этой попытки еще раз подтвердил тот вывод, к которому привел нас опыт: в исследовании материал, помогающий анализировать Я, выступает в форме сопротивления анализу Оно. Факты настолько самоочевидны, что объяснение кажется почти излишним. Я в анализе становится активным, когда оно пытается при помощи противодействия воспрепятствовать вторжению Оно. Поскольку цель анализа заключается в том, чтобы облегчить доступ в сознание идеаторным представлениям подавленных инстинктов, т. е. способствовать вторжениям Оно, защитные действия Я против этих представлений автоматически приобретают характер активного сопротивления анализу. А поскольку для того, чтобы обеспечить соблюдение основного правила анализа, позволяющего этим представлениям всплывать в свободных ассоциациях пациента, аналитик использует свое личное влияние, то и защита, воздвигаемая Я против инстинктов, приобретает форму прямого сопротивления самому аналитику. Враждебность по отношению к аналитику и усиление мер, которые должны воспрепятствовать всплыванию импульсов Оно, совпадают друг с другом. Когда в определенные моменты анализа защита снимается и инстинктивные представления могут беспрепятственно проявиться в форме свободных ассоциаций, отношение Я к аналитику на это время освобождается от искажений.

Конечно, кроме этой конкретной формы существует множество других форм сопротивления в анализе. Как нам известно, помимо так называемых сопротивлений Я существуют перенесенные сопротивления, а также те противодействующие, с трудом преодолеваемые в анализе силы, чей источник лежит в навязчивом повторении. Таким образом, мы не можем сказать, что всякое сопротивление есть результат защитных действий со стороны Я. Но каждая такая защита против Оно, воздвигаемая в ходе анализа, может быть обнаружена лишь в форме сопротивления работе аналитика. Анализ сопротивлений Я дает хорошую возможность наблюдать и вводить в сознание бессознательные защитные действия Я.

Защита против аффектов. Помимо случаев столкновения между Я и инстинктом у нас есть и другие возможности для наблюдения действий Я. Я находится в конфликте не только с теми производными Оно, которые пытаются пробиться на его территорию, чтобы получить доступ к сознанию и достичь удовлетворения, Я не менее энергично и активно защищается также от аффектов, связанных с этими инстинктивными импульсами. Отвергая требования инстинктов, Я в первую очередь должно уладить дело с этими аффектами. Любовь, вожделение, ревность, разочарование, страдание и печаль сопутствуют сексуальным желаниям; ненависть, гнев и ярость сопутствуют импульсам агрессии; если инстинктивные импульсы, с которыми они связаны, должны быть отражены, то эти аффекты должны подвергнуться всем тем различным мерам, к которым прибегает Я в усилении овладеть ими, т.е. они должны претерпеть метаморфозу. Где бы ни происходила трансформация аффекта—в анализе или вне его,—она является результатом работы Я, и нам предоставляется возможность исследовать его действия. Мы знаем, что судьба аффекта, связанного с инстинктивным требованием, не тождественна судьбе его идеаторного представления. Очевидно, однако, что одно и то же Я может иметь в своем распоряжении лишь ограниченное количество способов защиты. В отдельные периоды жизни и в соответствии со своей собственной конкретной структурой индивидуальное Я выбирает то один, то другой способ защиты—это может быть вытеснение, смещение, перестановка и т. д.—и может использовать его как в своем конфликте с инстинктами, так и в защите от высвобождения аффекта. Если мы знаем, как конкретный пациент стремится защититься от всплывания своих инстинктивных импульсов, т. е. какова природа его обычных сопротивлений Я, мы можем составить представление о его возможной установке по отношению к собственным нежелательным аффектам. Если же у какого-либо пациента ярко выражены конкретные формы трансформации аффектов, такие, как полное вытеснение эмоций, отрицание и т. д., нас не удивит, если он применит те же самые способы для защиты от своих инстинктивных импульсов и свободных ассоциаций. Я остается одним и тем же, и во всех своих конфликтах оно более или менее последовательно в использовании имеющихся в его распоряжении средств.

Явление постоянной защиты. Другой областью, в которой могут исследоваться защитные действия Я, является феномен, описанный Вильгельмом Райхом в его заметках о «последовательном анализе сопротивления» (1935). Телесные характеристики, такие, как скованность и напряженность, такие особенности, как постоянная улыбка, высокомерное, ироничное и дерзкое поведение,— все это остатки очень сильных защитных процессов в прошлом, которые оторвались от своих исходных ситуаций (конфликтов с инстинктами или аффектами) и превратились в постоянные черты характера, «броню характера» (как говорит Райх, *Charakter-panzerung*). Когда в анализе нам удастся проследить возникновение этих остатков, вплоть до их исторического источника, они вновь обретают подвижность и перестают блокировать доступ к защитным действиям, в которые Я активно вовлечено в данный момент. Поскольку эти способы защиты стали постоянными, мы не можем связать их возникновение или исчезновение с возникновением или исчезновением инстинктивных требований и аффектов изнутри или же с появлением и прекращением искушающих ситуаций и аффективных стимулов извне. Поэтому их анализ—чрезвычайно трудоемкий процесс. Я убеждена, что их выдвигание на передний план оправдано лишь в том случае, если мы не можем обнаружить никаких следов текущего конфликта между Я, инстинктом и аффектом. Я полагаю также, что под «анализом сопротивления» следует понимать не только анализ этого конкретного явления, но и анализ всех видов сопротивления.

Формирование симптома. Анализ сопротивления Я, его защитных действий, предпринимаемых против инстинктов и трансформаций, претерпеваемых аффектами, выявляет и вводит в сознание ц динамике те же самые способы защиты, которые предстают перед нами в

застывшем состоянии, когда мы анализируем «броню характера». В еще большей степени и также в фиксированном состоянии мы преодолеваем их, когда мы изучаем формирование невротических симптомов. Это так, поскольку роль, выполняемая Я в формировании этих компромиссов, которые мы называем симптомами, заключается в постоянном использовании особого метода защиты при столкновении с конкретным инстинктивным требованием и в точном повторении этой же процедуры всякий раз, когда подобное требование возникает в своей стереотипной форме. Нам известно*, что имеется постоянная связь между конкретными невротическими симптомами и особыми способами защиты, как, например, между истерией и вытеснением или между неврозом навязчивости и процессами изоляции и уничтожения. Такую же постоянную связь между неврозом и защитным механизмом мы обнаруживаем, когда исследуем способы защиты, которые пациент использует против своих аффектов, и форму сопротивления, принятую его Я. Отношение конкретного индивида к его свободным ассоциациям в анализе

* Это отмечено в работе З. Фрейда «Торможения, симптомы и тревожность», См. также с. 37, где этот отрывок цитируется,

, и тот способ, при помощи которого, будучи предоставлен самому себе, он овладевает требованиями своих инстинктов и отражает нежелательные аффекты, позволяют нам а priori сформулировать природу формирования у него симптома. При этом исследование последнего позволяет нам а posteriori сделать заключение относительно структуры его сопротивления и защиты от своих аффектов и инстинктов. Этот параллелизм наиболее знаком нам в случаях истерии и невроза навязчивости, где он отчетливо проявляется в отношении между симптомами пациента и формой его сопротивления. Формирование симптома истерических больных в их конфликте со своими инстинктами основано главным образом на вытеснении: они исключают из сознания идеаторные представления своих сексуальных импульсов. Аналогична и форма их сопротивления свободным ассоциациям. Ассоциации, вызывающие защитную реакцию Я, попросту изгоняются. Все, что пациент ощущает,— это пустота в сознании. Он умолкает; можно сказать, что в потоке его ассоциаций наступает такой же разрыв, как и в его инстинктивных процессах при формировании симптомов. Наряду с этим мы узнаем, что способом защиты, применяемым при формировании симптома Я человека страдающего неврозом навязчивости, является изоляция. Я попросту вырывает инстинктивный импульс из контекста, хотя и сохраняет его при этом в сознании. Соответственно и сопротивление таких пациентов при обретает иную форму. Пациент с навязчивостью не умолкает; он говорит, даже находясь в состоянии сопротивления. Но при этом он разрывает связи между своими ассоциациями и изолирует мысли от аффектов, так что его ассоциации кажутся такими же бессмысленными в малом масштабе, как его симптом - в большом.

Аналитическая техника и защита от инстинктов и аффектов. Молодая девушка обратилась ко мне по поводу состояний острой тревоги, которые нарушали ее повседневную жизнь и мешали регулярно посещать школу. Хотя она и пришла по настоянию своей матери, она не проявляла нежелания говорить мне о своей жизни—как в прошлом, так и в настоящем. Ее отношение ко мне было дружелюбным и искренним, однако я отметила, что в разговоре она тщательно избегает малейшего намека на ее симптом. Она никогда не говорила о приступах тревоги, имевших место в перерывах между аналитическими сеансами. Если я настаивала на анализе какого-либо симптома или давала интерпретации ее тревоги, основанные на ее же ассоциациях, дружелюбное отношение девушки ко мне менялось. Каждый такой случай заканчивался градом презрительных и насмешливых замечаний. Попытка установить связь между отношением пациентки и ее связью с матерью окончилась полной неудачей. Как в сознании, так и в бессознательном эта связь была совершенно иной. В результате этих повторяющихся вспышек

презрения и насмешки аналитик оказалась в тупике и пациентка на время стала недоступной для дальнейшего анализа. Однако, когда анализ продвинулся глубже, мы обнаружили, что эти аффекты не являются реакцией переноса в собственном смысле слова и вообще не были связаны с ситуацией анализа. Они указывали на привычное отношение пациентки к самой себе, когда эмоции нежности, желания или тревоги готовы были всплыть в ее аффективной жизни. Чем сильнее аффект овладевал ею, тем сильнее и злее она себя высмеивала. Аналитик стала адресатом этих защитных реакций лишь вторично, поскольку она поощряла стремление пациентки к осознанной проработке своей тревожности. Интерпретация содержания тревоги, пусть даже и правильно выведенная на основе другого общения, не приводила к результату столь долго, сколь долго каждый подход к аффекту лишь усиливал защитные реакции. Было невозможно сделать это содержание сознательным до тех пор, пока мы не ввели в сознание—и тем самым не нейтрализовали—способ защиты пациентки от своих аффектов при помощи презрительного унижения—процесса, ставшего привычным во всех областях ее жизни. Исторически этот способ защиты при помощи насмешки и презрения объяснялся ее идентификацией с покойным отцом, который пытался воспитать у маленькой девочки самоконтроль, делая насмешливые замечания, когда ею овладевали эмоциональные вспышки. Способ стал стереотипом благодаря памяти об отце, которого она горячо любила. С точки зрения техники, необходимой для понимания этого случая, нужно было начать с анализа защиты пациентки от ее собственных аффектов и продолжать, идя к разъяснению ее сопротивления в переносе. И лишь после этого можно было перейти к анализу тревоги и ее истоков.

С технической точки зрения этот параллелизм между защитой пациента от своих инстинктов и аффектов, формированием симптомов и сопротивлением очень важен, особенно в детском анализе. Наиболее очевидным дефектом в нашей технике анализа детей является отсутствие свободных ассоциаций. Обходиться без них очень трудно, и не только потому, что на основе идеаторных представлений инстинктов пациента, возникающих в его свободных ассоциациях, мы получаем большинство наших знаний об Оно. В конце концов существуют другие способы получить информацию об импульсах Оно. Сновидения и мечты детей, активность их фантазии в игре, рисунки и т.д. выявляют тенденции Оно в более открытой и доступной форме, чем у взрослых, и в анализе могут заменить проявление производных Оно в свободных ассоциациях. Однако, когда мы обходимся без основного правила анализа, конфликт, связанный с его соблюдением, также исчезает, а именно из этого конфликта мы черпаем наши знания о сопротивлениях Я, когда анализируем взрослых,— наши знания о защитных действиях Я против производных Оно. Поэтому есть риск, что детский анализ может дать массу информации относительно Оно, но мало знаний о детском Я.

В игровой технике, разработанной для анализа маленьких детей в английской школе психоанализа (М.Кlein, 1932), отсутствие свободных ассоциаций компенсировано самым непосредственным образом. Эти аналитики считают, что детская игра эквивалентна свободным ассоциациям взрослого, и интерпретируют игру таким же образом. Свободный поток ассоциаций соответствует ненарушаемому развитию игры; прерывания и торможения в игре приравниваются к перерывам в свободных ассоциациях. Отсюда следует, что, если мы анализируем перерыв в игре, мы обнаруживаем, что он представляет собой защитное действие со стороны Я, сопоставимое с сопротивлением в свободных ассоциациях.

Если по теоретическим соображениям, например, испытывая колебания при доведении интерпретации символов до ее крайних границ, мы не можем принять это полное уравнивание между свободными ассоциациями и игрой, то мы должны попытаться не пользоваться в детском анализе некоторые новые технические методы, помогающие нам в исследовании Я. Считаю, что анализ трансформаций, претерпеваемых аффектами ребенка, может заполнить пробел.

Аффективная жизнь детей менее сложна и более прозрачна, чем аффективная жизнь взрослых; мы можем наблюдать, что вызывает у них аффекты, будь то внутри аналитической ситуации или вне ее. Ребенок видит, что другому уделяется больше внимания, чем ему,—он неизбежно почувствует обиду и ревность. Исполняется давнее желание—это наверняка его обрадует. Он ожидает наказания — при этом чувствует тревогу. Ребенку отказывают в предвкушаемом и обещанном удовольствии или откладывают его — результатом наверняка будет чувство разочарования и т. д. Мы ожидаем, что ребенок будет обычно реагировать на данные конкретные события конкретными аффектами. Но в противоположность ожиданиям наблюдение может показать нам совершенно иную картину. Например, ребенок может проявлять безразличие там, где мы ожидали разочарования, быть в веселом настроении вместо огорчения, проявлять чрезмерную нежность вместо ревности. Во всех этих случаях произошло что-то, что нарушило нормальный процесс; Я вмешалось ** послужило причиной трансформации аффекта. Анализ и введение в сознание конкретной формы этой защиты от аффекта — будь то обращение, перемещение или полное вытеснение — говорят нам о конкретной технике, принятой Я данного ребенка, и, подобно анализу сопротивления, позволяют нам сделать заключение о его отношении к своим инстинктам и о природе формирования его симптома. Исключительно важным фактом в детском анализе является то, что, наблюдая аффектные процессы, мы в значительной степени не зависим от сотрудничества ребенка и от степени правдивости того, что он нам говорит. Его аффекты выдают себя помимо его воли.

Вот пример того, о чем я говорила. У одного маленького мальчика была привычка испытывать приступы военного энтузиазма всегда, когда имелась причина для тревоги кастрации: он надевал военную форму, вооружался игрушечной саблей и другим оружием. Понаблюдав за ним в ряде таких случаев, я предположила, что он обращает свою тревогу в ее противоположность, а именно в агрессивность. После этого мне было нетрудно прийти к заключению о том, что за всеми его приступами агрессивного поведения лежит тревога кастрации. Более того, для меня не было неожиданностью, когда я обнаружила, что он страдает неврозом навязчивости, т. е. что в его инстинктивной жизни имеется тенденция обращать нежелательные импульсы в их противоположность. Одна маленькая девочка, казалось бы, не проявляла никакой реакции на ситуации разочарования. Единственное, что было заметно,—это подергивание уголка ее рта. Таким образом она выдавала способность ее Я подавлять нежелательные психические процессы и замещать их физическими. В этом случае не будет неожиданностью обнаружить, что у пациентки в ее конфликте с ее инстинктивной жизнью имеется тенденция к истерическому реагированию. Другая девочка настолько полностью вытеснила свою зависть к пенису ее младшего брата — аффект, полностью доминировавший в ее жизни,— что даже в анализе было исключительно трудно обнаружить его малейшие следы. Единственное, что мог заметить аналитик,—это то, что в тех случаях, когда она могла завидовать своему брату или ревновать его, она начинала играть в странную воображаемую игру, в которой она выполняла роль волшебника, способного изменять весь мир при помощи своих жестов. Этот ребенок обратил зависть в ее противоположность—в приписывание себе магических сил. При помощи этого она избегала болезненного осознания того, что полагала своим физическим недостатком. Ее Я прибегало к защитному механизму обращения, к тому типу формирования реакции против аффекта, который одновременно выдает ее навязчивую установку по отношению к инстинкту. После того как это было понято, аналитику было несложно прийти к выводу о связи волшебной игры с завистью к пенису. Мы видим, таким образом, что применение этого принципа служит для перевода защитных действий Я, и такой метод почти в точности соответствует разрешению сопротивлений Я, возникающих в свободных ассоциациях. Наша цель—такая же, как и при анализе сопротивления. Чем более

полно мы сможем ввести в сознание как сопротивление, так и защиту против аффектов и тем самым сделать их бездействующими, тем быстрее мы сможем продвинуться к пониманию Оно.

IV защитные механизмы

Психоаналитическая теория и защитные механизмы. Термин «защита», которым я так свободно пользовалась в предыдущих трех главах, является самым первым отражением динамической позиции в психоаналитической теории.

Он впервые появился в 1894 г. в работе Фрейда «Защитные нейропсихозы» и был использован в ряде его последующих работ («Этиология истерии», «Дальнейшие замечания о защитных нейропсихозах») для описания борьбы Я против болезненных или невыносимых мыслей и аффектов. Позже этот термин был оставлен и впоследствии заменен термином «вытеснение». Отношения между двумя понятиями, однако, остались неопределенными. В приложении к работе «Торможения, симптомы и тревожность» (1926) Фрейд возвращается к старому понятию защиты, утверждая, что его применение имеет свои преимущества, «поскольку мы вводим его для общего обозначения всех техник, которые Я использует в конфликте и которые могут привести к неврозу, оставляя слово «вытеснение» для особого способа защиты, лучше всего изученного нами на начальном этапе наших исследований». Здесь прямо опровергается представление о том, что вытеснение занимает среди психических процессов исключительное положение и в психоаналитической теории отводится место другим процессам, служащим той же цели, а именно «защите Я от инстинктивных требований». Значение вытеснения сведено до «особого метода защиты».

Это новое представление о роли вытеснения требует исследования других конкретных способов защиты и сопоставления таких способов, открытых и описанных исследователями, работающими в психоаналитической традиции.

В том же приложении к «Торможениям, симптомам и тревожности» высказывается предположение, на которое я ссылалась в предыдущей главе, о том, что «дальнейшие исследования могут показать, что имеется тесная связь между конкретными формами защиты и конкретными заболеваниями, как, например, между вытеснением и истерией». Регрессия и реактивное изменение Я (формирование реакции), изоляция и «уничтожение»—все они рассматриваются как защитные техники, используемые при неврозах навязчивости.

Двигаясь в этом направлении, нетрудно пополнить список защитных методов Я способами, описанными в других работах Фрейда. Например, в «Ревности, паранойе и гомосексуальности» (1922) интроекция, или идентификация, и проекция указываются как важные защитные способы, используемые Я при болезненных эмоциях данного типа, и характеризуются как «невротические механизмы». В своей работе по теории инстинкта (1915) Фрейд описывает процессы борьбы Я с самим собой и обращения, обозначая их как «изменения инстинкта». С точки зрения Я эти два последних механизма также могут быть зачислены в рубрику защитных средств, поскольку истоки всех превращений, которым подвергаются инстинкты, лежат в определенной активности Я. Если бы не вмешательство Я или внешних сил, которые представляет Я, каждый инстинкт знал бы только одну участь—удовлетворение.

К девяти способам защиты, которые очень хорошо знакомы на практике и исчерпывающе описаны в теоретических работах по психоанализу (регрессия, вытеснение, формирование реакции, изоляция, уничтожение, проекция, интроекция, борьба Я с самим собой и обращение), мы должны добавить десятый, который относится, скорее, к изучению нормы, а не к неврозу: сублимацию, или смещение инстинктивных целей.

Насколько нам известно на данный момент, в своих конфликтах с производными инстинктов и с аффектами Я имеет в своем распоряжении эти десять способов. Задачей практикующего аналитика является определить, насколько они эффективны в процессах сопротивления Я и формирования симптома, которые он имеет возможность наблюдать у

разных людей.

Сопоставление результатов, достигнутых с помощью разных механизмов в отдельных случаях. В качестве иллюстрации я рассмотрю случай молодой женщины, работавшей в детском учреждении. Она была средним по возрасту ребенком из нескольких братьев и сестер. В детстве она страдала от необузданной зависти к пенису, связанной с ее старшим и младшими братьями, и от ревности, которая повторно вызывалась беременностями ее матери. И наконец, к зависти и ревности добавилась сильная враждебность по отношению к матери. Но, поскольку детская фиксация любви была не слабее, чем ненависть, жестокий защитный конфликт с отрицательными импульсами последовал вслед за начальным периодом непокорности и непослушания. Она боялась, что из-за проявлений своей ненависти она утратит любовь матери, которую она не хотела терять. Она боялась также, что мать накажет ее, и еще сильнее критиковала себя за свои запретные желания отмщения. Когда она вошла в подростковый возраст, эта ситуация тревожности и конфликта стала становиться все более и более острой и ее Я пыталось овладеть ее импульсами различными способами. Для того чтобы разрешить проблему амбивалентности, девочка сместилась к одной стороне своего амбивалентного чувства. Мать продолжала оставаться для нее любимым объектом, но с этого времени в жизни девочки всегда была вторая важная фигура женского пола, которую она жестоко ненавидела. Это облегчало дело: ненависть к более удаленному объекту не сопровождалась столь безжалостно чувством вины, как ненависть к своей матери. Но даже перемещенная ненависть оставалась источником сильных страданий. По прошествии определенного времени стало ясно, что в качестве способа овладения ситуацией это первое перемещение было неадекватным.

Тогда Я маленькой девочки прибегло ко второму механизму. Оно обратило вовнутрь ненависть, которая до этого была связана исключительно с другими людьми. Ребенок начал мучить себя самообвинениями и чувством неполноценности. В течение всего детства и подросткового возраста вплоть до взрослой жизни она делала все, что могла, чтобы поставить себя в невыгодное положение и повредить своим интересам, всегда подчиняя собственные желания требованиям других. После принятия такого способа защиты по всем своим внешним проявлениям она стала мазохисткой.

Но эта мера также оказалась неадекватной в качестве способа овладения ситуацией. Тогда пациентка прибегла к механизму проекции. Ненависть, которую она испытывала по отношению к объектам любви женского пола или их заменителям, трансформировалась в убеждение, что они ненавидят, унижают и преследуют ее саму. Ее Я освободилось от чувства вины. Непослушный ребенок, питавший грешные чувства по отношению к окружающим людям, превратился в жертву жестокости, пренебрежения и преследования. Но использование этого механизма привело к тому, что на характер пациентки наложился постоянный параноидальный отпечаток, который стал для нее источником очень больших трудностей как в юности, так и в зрелые годы,

Пациентка была уже взрослой, когда пришла на анализ. Те, кто знал ее, не считали ее больной, но ее страдания были тяжелыми. Несмотря на всю ту энергию, которую ее Я затратило на свою защиту, ей так и не удалось действительно овладеть своей тревожностью и чувством вины. В каждом случае, когда возникала опасность активизации зависти, ревности и ненависти, она прибегала ко всем своим защитным механизмам. Однако ее эмоциональные конфликты так и не пришли ни к какому разрешению, которое оставило бы в покое ее Я, не говоря уже о том, что конечный результат всей ее борьбы был крайне скудным. Ей удалось сохранить иллюзию того, что она любит свою мать, но она осталась переполненной ненавистью и из-за этого презирала себя и не доверяла себе. Ей не удалось сохранить чувство того, что она любима: оно было разрушено механизмом проекции. Не удалось ей также избежать наказаний, которых она боялась в детстве; обернув свои агрессивные импульсы вовнутрь, она сама причинила себе все

те страдания, которые раньше переживала из-за ожидания наказания со стороны матери. Три использованных ею механизма не смогли предохранить ее Я от постоянного состояния напряжения и бдительности, не принесли Я облегчения от налагаемых на него непомерных и мучительных чувств, приносящих пациентке столько страданий.

Сравним эти процессы с соответствующими процессами при истерии или неврозе навязчивости. Предположим, что проблема в каждом случае остается той же самой: как овладеть ненавистью к матери, развивающейся на основе зависти к пенису. Истерия решает ее при помощи вытеснения. Ненависть к матери вытесняется из сознания, и любые ее возможные производные, которые стремятся войти в Я, энергично отбрасываются. Агрессивные импульсы, связанные с ненавистью, и сексуальные импульсы, связанные с завистью к пенису/могут быть трансформированы в телесные симптомы, если пациент обладает способностью обращения и если этому благоприятствуют соматические условия. В других случаях Я защищает себя от реактивации исходного конфликта, развивая фобию и избегая возможностей затруднения. Это накладывает ограничения на его деятельность, заставляя избегать любой ситуации, которая может привести к возвращению вытесненных импульсов.

В неврозах навязчивости, как и в истериях, ненависть к матери и зависть к пенису вначале вытесняются. Затем Я принимает меры безопасности против их возвращения при помощи формирования реакций. Ребенок, бывший агрессивным по отношению к матери, развивает по отношению к ней исключительную нежность и заботится о ее безопасности; зависть и ревность трансформируются в бескорыстие и заботу о других. Создавая навязчивые ритуалы и меры предосторожности, ребенок защищает любимого человека от любой вспышки своих агрессивных импульсов, а при помощи чрезмерного строгого морального кодекса он контролирует проявление своих сексуальных импульсов.

У ребенка, овладевающего своими детскими конфликтами в описанной выше истерической или навязчивой форме, патология выражена сильнее, чем у описанной выше пациентки. Осуществившееся вытеснение лишает таких детей контроля над частью их аффективной жизни. У них исходные отношения с матерью и братьями и не менее важное отношение к своей собственной женственности были изъяты из дальнейшей сознательной ассимиляции и оказались навязчиво и бесповоротно зафиксированы в реактивном изменении, которое претерпело Я. Большая часть их активности затрачивается на поддержание антикатексисов, которые должны впоследствии обеспечить безопасность вытеснения, и эта трата энергии проявляется в торможении и сокращении других видов жизненной активности. Но Я ребенка, разрешившего свои конфликты при помощи вытеснения, при всех патологических последствиях этого находится в покое. Оно страдает вторично, от последствий невроза, вызванного вытеснением. Но оно, по крайней мере в пределах истерии обращения или невроза навязчивости, обуздано своей тревожностью, избавилось от чувства вины и удовлетворило свою потребность в наказании. Разница заключается в том, что, если Я использует вытеснение, формирование симптомов избавляет его от задачи овладения своими конфликтами, тогда как, если Я использует другие способы защиты, оно по-прежнему должно решать эту проблему.

На практике использование вытеснения в противоположность иным способам защиты встречается реже, чем сочетание двух различных способов у одного и того же индивида. Это хорошо иллюстрирует история пациентки, также страдавшей в раннем детстве от острой зависти к пенису, в данном случае—по отношению к отцу. Сексуальные фантазии этого периода достигли своего максимума в возникшем у нее желании откусить пенис отца. В этот момент Я воздвигло свою защиту. Шокирующая мысль была вытеснена. Она была замещена своей противоположностью — общим непринятием кусания, которое вскоре развилось в трудности при еде, сопровождаемые истерическим чувством отвращения. Одной частью заторможенного импульса—той, которая была представлена в оральной фантазии,—удалось овладеть. Но

агрессивное содержание, т.е. желание нанести ущерб своему отцу или замещающему его лицу, осталось в сознании до тех пор, пока с развитием Сверх-Я моральное чувство Я не отвергло этот импульс. При помощи механизма замещения, который более подробно я опишу позже, побуждение причинить вред трансформировалось в своеобразную удовлетворенность и неприязнательность. Мы видим, что два последовательных способа защиты сформировали субстрат истерии, на который наложилось специфическое изменение Я, не имеющее сами по себе патологического характера.

Впечатление, созданное этими примерами, подтверждается и в других случаях, когда мы детально рассматриваем результат воздействия различных защитных механизмов. Теоретически вытеснение может быть подведено под общее понятие защиты и рядоположено другим конкретным способам. Однако с точки зрения эффективности по сравнению со всеми остальными оно занимает уникальную позицию. Оно достигает большего в количественном отношении, т. е. оно способно справиться с мощными инстинктивными импульсами, перед лицом которых остальные защитные механизмы оказываются неэффективными. Оно действует лишь единожды, хотя антикатексис, осуществляемый для обеспечения вытеснения, является постоянным формированием и требует постоянной затраты энергии. Другие механизмы, напротив, должны вновь приводиться в действие всякий раз, когда возрастает инстинктивная энергия. Но вытеснение не только самый эффективный, это еще и самый опасный механизм. Отъединение от Я, наступающее вследствие изоляции сознания от всего хода инстинктивной и аффективной жизни, может полностью разрушить целостность личности. Так вытеснение становится основой формирования компромисса и невроза. Последствия других способов защиты не менее серьезны, но, даже приобретая острую форму, они все же в большей мере остаются в пределах нормы. Они проявляются в многочисленных изменениях, диспропорциях и искажениях Я, которые частично сопровождают, а частично замещают невроз.

Предложения к хронологической классификации. Даже после того, как мы определили, что вытеснение занимает среди способов защиты Я исключительную позицию по отношению ко всем остальным, нам не перестает казаться, что мы объединили под одним названием разнородные явления. Такие способы защиты, как изоляция и уничтожение, стоят бок о бок с истинно инстинктивными процессами типа регрессии, обращения и оборота против себя. Некоторые из них служат для овладения большим количеством инстинктов или аффектов, а другие—для овладения лишь малыми их количествами. Соображения, определяющие выбор со стороны Я того или иного механизма, остаются неясными. Возможно, вытеснение используется главным образом при борьбе с сексуальными желаниями, тогда как другие способы могут быть более пригодны для борьбы против инстинктивных сил различного рода, в частности против инстинктивных импульсов. Возможно также, что эти другие способы лишь завершают то, что оставило незавершенным вытеснение, или же имеют дело с нежелательными мыслями, возвращающимися в сознание при неудавшемся вытеснении*. Возможно также, что каждый защитный механизм вначале формируется для овладения конкретными инстинктивными побуждениями и связан, таким образом, с конкретной фазой детского развития **.

В приложении к «Торможениям, симптомам и тревожности», на которое я уже не раз ссылалась, содержится предварительный ответ на эти вопросы. «Возможно, что до расщепления на Я и Оно и до формирования Сверх-Я психический аппарат использует различные способы защиты из числа тех, которыми он пользуется уже после достижения этих стадий организации» (S.Freud, 1926, p. 164). Это можно раскрыть следующим образом. Вытеснение состоит в извлечении, или исторжении, мысли или аффекта из сознательного Я- Бессмысленно говорить о вытеснении, когда Я все еще слито с Оно. Точно так же мы можем предположить, что проекция и интроекция были способами, зависевшими от дифференции Я от внешнего мира. Исторжение мыслей или аффектов из Я и их изгнание во внешний мир могут принести Я облегчение лишь

тогда, когда Я научилось отличать себя от этого мира. Таким же образом интроекция из внешнего мира в Я не может обогатить его до тех пор, пока не имеется ясного различия между тем, что принадлежит одному, и тем, что принадлежит другому. Но ситуация, без сомнения, не так проста. В случае проекции и интроекции исходные моменты крайне сложны (S.Freud, 1913) ***. Сублимация, т.е. замещение инстинктивной цели в соответствии с высшими социальными ценностями, означает принятие или, по крайней мере, знание этих ценностей, что, в свою очередь, предполагает существование Сверх-Я. Соответственно защитные механизмы вытеснения и сублимации могут быть использованы лишь относительно поздно в процессе развития, тогда как время использования проекции и интроекции зависит от принятой теоретической точки зрения

* Я повторяю здесь предположение, выдвинутое Жанной Лемпл-де-Гроот во время обсуждения в Венском обществе.

** В соответствии с предложением Хелен Дойч

*** Ср. с позицией английской школы психоанализа, на которую я ссылаюсь.

Такие процессы, как регрессия, обращение и борьба против себя самого, повидимому, не зависят от стадии, достигнутой психической структурой, и являются столь же древними, как сами инстинкты, или, по меньшей мере, столь же древними, как конфликт между инстинктивными импульсами и любыми препятствиями, с которыми они могут встретиться на пути к удовлетворению. Нас не должно удивлять, что это самые ранние защитные механизмы, используемые Я. Однако предлагаемая хронологическая классификация противоречит тому полученному в опыте факту, что самым ранним проявлением невроза, с которым мы сталкиваемся у маленьких детей, оказываются истерические симптомы, связь которых с вытеснением не подлежит сомнению, при этом истинно мазохистские явления, возникающие в результате оборота инстинкта против себя, встречаются в раннем детстве очень редко. В соответствии с теорией английской школы психоанализа интроекция и проекция, которые, с нашей точки зрения, должны быть приписаны тому периоду, когда Я уже отдифференцировалось от внешнего мира, являются теми самыми процессами, при помощи которых развивается структура Я и без которых дифференциация никогда бы не осуществилась. Эти различия во мнениях выявляют тот факт, что хронология психических процессов остается одним из самых темных мест в аналитической теории. Это хорошо видно на примере дискуссии о том, когда формируется индивидуальное Сверх-Я. Таким образом, классификация защитных механизмов по их положению во времени неизбежно подвергается всем тем сомнениям, которые и сегодня связаны с хронологическими моментами в анализе. По-видимому, лучше будет прекратить попытки такой их классификации и вместо этого детально исследовать ситуации, провоцирующие защитные реакции.

V. Ориентация защитных процессов в соответствии с источником тревоги и опасности

Инстинктивные опасности, от которых защищается Я, всегда одни и те же, но могут изменяться причины, по которым Я ощущает конкретное вторжение инстинкта опасным.

Мотивы защиты от инстинктов.

а) Тревожность Сверх-Я в неврозах взрослых. Защитная ситуация, с которой мы больше всего знакомы в анализе и знания о которой наиболее полны,— это та, которая формирует основу невроза у взрослых.

Она заключается в том, что некоторые инстинктивные желания стремятся проникнуть в сознание и при помощи Я достичь удовлетворения. Я не противостоит этому, но Сверх-Я протестует. Я подчиняется высшему образованию и послушно вступает в борьбу против

инстинктивного импульса со всеми последствиями, которые влечет за собой такая борьба. Характерным для этого процесса является то, что само Я не рассматривает импульс, с которым оно борется, как опасный.

Мотив, побуждающий защиту, исходно не является его собственным. Инстинкт рассматривается как враждебный потому, что Сверх-Я запрещает его удовлетворение, и если он достигнет своей цели, то несомненно вызовет затруднения в отношениях между Я и Сверх-Я.

Следовательно, Я взрослого невротика боится инстинкта потому, что оно боится Сверх-Я. Его защита мотивирована тревогой Сверх-Я.

Пока наше внимание приковано к защите от инстинкта, воздвигнутой взрослым невротиком, мы будем рассматривать Сверх-Я как грозную силу. В этом контексте оно выступает как исток всех неврозов. Сверх-Я—интриган, мешающий Я прийти к дружественному взаимопониманию с инстинктами. Сверх-Я воздвигает идеальный стандарт, в соответствии с которым сексуальность запрещается, а агрессия объявляется антисоциальной. Оно требует такой степени отказа от сексуальности и ограничения агрессии, которая не совместима с психическим здоровьем. Я полностью лишено своей независимости и сведено к роли инструмента для выполнения желаний Сверх-Я; в результате оно становится враждебным по отношению к инстинктам и не способным к наслаждению. Исследование ситуации защиты в таком виде, как она выступает в неврозе взрослых, побуждает нас в нашей терапевтической работе уделять очень большое внимание анализу Сверх-Я. Уменьшение его силы, снижение его требовательности или—как осмеливаются утверждать некоторые—его полное уничтожение должно облегчить состояние Я и ослабить невротический конфликт, по меньшей мере в одном направлении. Это представление о Сверх-Я как об источнике всякого невротического зла дает большие надежды на профилактику неврозов. Если невроз возникает вследствие требовательности Сверх-Я, тогда те, кто воспитывает детей, должны лишь избегать всего, что может привести к формированию исключительно требовательного Сверх-Я. Они должны следить за тем, чтобы их воспитательные методы, которые затем интернализуются Сверх-Я, были мягкими, родительский пример, который Сверх-Я усваивает при помощи процесса идентификации, должен быть выражением их реальных человеческих слабостей и толерантной установки по отношению к инстинктам, вместо того чтобы быть претензией на сверхстрогий моральный кодекс, который невозможно применить на практике. Наконец, агрессивность ребенка должна иметь выход во внешний мир, для того чтобы она не стала вредоносной и не обернулась вовнутрь, в результате чего она наделяет Сверх-Я чертами жестокости. Если воспитанию это Удается, то мы должны предположить, что выходящие в жизнь человеческие существа будут свободны от тревожности, избавлены от неврозов, способны к наслаждению и не будут раздираемы внутренними конфликтами. Однако на практике воспитатели обнаружили, что надежда искоренить невроз из человеческой жизни иллюзорна*, а с теоретической точки зрения она рассыпается, как только мы делаем следующий шаг в аналитическом исследовании.

* Наиболее бескомпромиссным выразителем этой точки зрения является Вильгельм Райх (1935), однако его мнение разделяется многими.

б) Объективная тревога в детском неврозе. Исследование защиты в детском неврозе говорит нам о том, что Сверх-Я вовсе не является необходимым фактом в формировании невроза. Взрослые невротики стремятся отразить свои сексуальные и агрессивные желания, чтобы избежать конфликта со Сверх-Я. Маленькие дети точно так же обходятся со своими инстинктивными импульсами, чтобы не нарушать запретов своих родителей. Я маленького ребенка, как и Я взрослого, сражается с инстинктами не добровольно; его защита побуждается не собственными чувствами по этому поводу. Я видит в инстинктах опасность потому, что те,

кто воспитывает ребенка, запретили их удовлетворение и вторжение инстинкта влечет за собой ограничения и наказание или угрозу наказания. Страх кастрации приводит маленького ребенка к такому же результату, как угрызения совести у взрослого невротика; детское Я боится инстинктов потому, что оно боится внешнего мира. Его защита от них мотивирована страхом перед внешним миром, т. е. объективной тревогой.

Когда мы обнаруживаем, что объективная тревога развивает в детском Я те же самые фобии, неврозы навязчивости, истерические симптомы и невротические черты, как и у взрослого вследствие активности Сверх-Я, мы, естественно, начинаем ниже оценивать могущество Сверх-Я. Мы понимаем, что то, что мы ему приписали, должно принадлежать самой тревоге. В формировании невроза, по-видимому, неважно, с чем связана эта тревога. Будь то страх перед внешним миром или страх перед Сверх-Я, существенно то, что защитный процесс порождается тревогой. Симптомы, входящие в сознание как конечный результат этого процесса, не позволяют нам определить, какой тип тревоги в Я породил их.

Если мы исследуем эту вторую защитную ситуацию — защиту от инстинктов по мотиву объективной тревоги,— мы оценим как очень значимое то влияние, которое внешний мир оказывает на детей, а соответственно мы еще раз почувствуем надежду на эффективную профилактику неврозов. Замечено, что в наши дни маленькие дети страдают от такой высокой степени объективной тревоги, которая вовсе не является необходимой. Наказания, которые, как они боятся, будут применены к ним, если они удовлетворят свои инстинкты, на современной стадии цивилизации совершенно устарели. Кастрация больше не практикуется в качестве наказания за запретные сексуальные слабости, а акты агрессии больше не наказываются увечьем. Но в то же время в наших воспитательных методах сохраняется отдаленное сходство с варварскими наказаниями прежних времен, вполне достаточное для того, чтобы вызвать смутные опасения и страхи. Оптимисты считают, что можно будет избежать этих внушений угрозы кастрации и насильственных мер, даже и сегодня присутствующих если и не в используемых нынче дисциплинарных методах, то в манере поведения и в интонациях взрослых. Те, кто стоят на этой точке зрения, считают, что связь между современным воспитанием и этими древними страхами наказания может быть наконец разорвана. В результате, говорят они, объективная тревога ребенка уменьшится и наступит радикальное изменение в отношениях между его Я и инстинктами, которое будет означать, что наконец будет уничтожена основа детских неврозов.

в) Инстинктивная тревога (страх перед силой инстинктов). Однако сейчас, как и ранее, психоаналитический опыт разрушает перспективу успешной профилактики. Человеческое Я по самой своей природе не является плодородной почвой для беспрепятственного удовлетворения инстинкта. Под этим я имею в виду, что Я дружелюбно по отношению к инстинктам, лишь пока оно мало отдифференцировано от Оно. Когда Я переходит от первичных ко вторичным процессам, от принципа удовольствия к принципу реальности, оно становится, как я уже показала, враждебной для инстинктов территорией. Его недоверие к их требованиям сохраняется всегда, но в нормальных условиях оно едва заметно. Я обращает свой взгляд на гораздо более ожесточенную борьбу, которую ведут на его территории Сверх-Я и внешний мир против импульсов Оно. Однако, если Я чувствует, что высшие защитные силы его покинули, или если требования инстинктивных импульсов становятся чрезмерными, его молчаливая враждебность по отношению к инстинктам возрастает до состояния тревоги. «Нельзя уточнить, чего опасается Я со стороны внешнего мира и со стороны либидозной опасности: мы знаем, что это страх быть подавленным и уничтоженным, но он не может быть «схвачен» аналитически» (Фрейд, 1923, р. 57)*. Роберт Вельдер описывает это как опасность того, что целостная организация Я может быть разрушена или затоплена (Вельдер, 1936, р. 48). Влияние этой тревоги, испытываемой Я из-за силы инстинктов, в точности таково же, как и оказываемое

тревогой Сверх-Я или объективной тревогой, которые мы исследовали. Защитные механизмы приводятся в действие против инстинктов со всеми уже знакомыми результатами в формировании неврозов и невротических характеристик. У детей вызванная таким образом защита лучше всего может быть исследована в тех случаях, когда прикладываются значительные усилия для устранения с помощью воспитательных мер аналитического характера и самого терапевтического анализа причин объективной тревоги и тревоги сознания, которые в противном случае остаются скрытыми. В дальнейшей жизни мы можем наблюдать их в полной силе, когда внезапное вторжение инстинктивной энергии угрожает нарушить баланс психической организации, что в норме происходит при физиологических изменениях, в подростковом возрасте и в климактерическом периоде, а также в силу патологических причин— в начале одного из периодических приступов, возникающих при психозах.

* См. также

«Торможение, симптомы и тревожность» (Фрейд, 1926, р. 94), где нас предупреждают об опасности переоценки роли Сверх-Я в вытеснении и подчеркивают важность количественных факторов, таких, как чрезмерная степень стимуляции.

Дополнительные мотивы защиты от инстинкта. К уже упомянутым трем сильным мотивам защиты от инстинкта (тревога Сверх-Я, объективная тревога, тревога вследствие силы инстинктов) следует добавить те, которые возникают в последующей жизни из потребности Я в синтезе. Взрослое Я требует определенной гармонии между своими импульсами, вследствие чего возникает ряд конфликтов, исчерпывающе описанных Александером (1934). Это конфликты между противоположными тенденциями, такими, как гомосексуальность и гетеросексуальность, пассивность и активность и т. д. Какой из двух противоположных импульсов будет отвергнут, а какой принят или какой компромисс будет достигнут между ними в каждом индивидуальном случае, определяется тем количеством энергии, которое несет каждый из них.

Первые два из рассмотренных нами мотивов защиты (тревога Сверх-Я и объективная тревога) имеют, кроме того, общий источник. Если инстинкт может достичь удовлетворения, несмотря на противодействие Сверх-Я или внешнего мира, результатом будет, конечно же, первичное удовольствие, но также и вторичное неудовольствие, как следствие либо чувства вины, исходящего из бессознательного, либо наказаний, налагаемых внешним миром. Таким образом, когда удовлетворение инстинкта отвергается на основании одного или другого из этих двух мотивов, воздвигается защита в соответствии с принципом реальности. Ее основная цель— избежать этого вторичного неудовольствия.

Мотивы защиты от аффектов. Точно те же причины, которые лежат в основе защиты Я от инстинктов, лежат и в основе его защиты от аффектов. Когда Я стремится защититься от инстинктивных импульсов на основании одного из указанных мною мотивов, оно обязано также отвергнуть аффекты, связанные с инстинктивными процессами. Природа этих аффектов несущественна: они могут быть приятными, болезненными или опасными для Я. Это неважно, поскольку Я не позволено испытать их такими, каковы они в действительности. Если аффект связан с запретным инстинктивным процессом, его судьба решена заранее. Одного того, что он с ним связан, достаточно, чтобы насторожить Я против него.

Таким образом, основания защиты против аффекта лежат попросту в конфликте между Я и инстинктом. Имеется, однако, другая, более примитивная связь между Я и аффектами, не имеющая аналога в отношении Я к инстинктам. Удовлетворение инстинкта исходно всегда является чем-то приятным. Но аффект может быть исходно либо приятным, либо болезненным, в зависимости от своей природы. Если Я не имеет ничего против конкретного инстинктивного процесса и не отвергает аффекта на этом основании, его установка по отношению к

инстинктивному процессу будет полностью определяться принципом удовольствия Я будет приветствовать приятные аффекты и защищаться от болезненных. И даже когда, вытесняя инстинкт, Я побуждается тревогой и чувством вины к защите от аффекта, мы все еще можем видеть следы отбора в соответствии с принципом удовольствия. Я все еще в большей степени готово отринуть аффекты, связанные с запретными сексуальными импульсами, если эти аффекты неприятны, например: горе, вожделение, печаль. Наряду с этим Я может дольше сопротивляться запрету в случае позитивных аффектов просто потому, что они приятны, или может короткое время выносить их, когда они внезапно врываются в сознание.

Эта простая защита против исходно болезненных аффектов соответствует защите против исходно болезненных стимулов, навязываемых Я внешним миром. Мы увидим позже, что способы, используемые детьми в таких примитивных формах защиты, подчиняющихся принципу удовольствия, сами более примитивны по своей природе.

Подтверждение наших выводов в аналитической практике. Факты, которые приходится тщательно собирать и связывать между собой в теоретическом изложении, к счастью, без большого труда могут быть продемонстрированы при анализе наших пациентов. Когда при помощи анализа мы обращаем защитный процесс, мы обнаруживаем различные факторы, вызвавшие его к жизни. Мы можем оценить количество энергии, затраченное на вытеснение, по силе того сопротивления, с которым мы встречаемся, пытаясь извлечь вытесненное. Точно так же мы можем сделать заключение о мотиве, лежащем в основе защиты пациента от инстинктивного импульса, на основании строения его психики, когда мы вновь вводим этот импульс в сознание. Если мы снимаем невротическую защиту, установленную по настоянию Сверх-Я, у анализируемого возникает чувство вины, т. е. он испытывает тревогу Сверх-Я. Если же защита была установлена под давлением со стороны внешнего мира, он чувствует объективную тревогу. Если, анализируя ребенка, мы оживляем отвергнутые им болезненные аффекты, он испытывает то же самое сильное неудовольствие, которое заставило его Я прибегнуть к защитным мерам. Наконец, если мы вмешиваемся в защитный процесс, мотивированный страхом пациента перед силой его инстинктов, происходит именно то, чего стремилось избежать его Я: производные Оно, до сего времени подавленные, прокладывают себе путь на территорию Я, где встречают лишь незначительное сопротивление.

Соображения относительно психоаналитической терапии. Этот обзор защитных процессов дает нам ясное представление о возможных направлениях аналитической терапии» В анализе происходит обращение защитных процессов, отвергнутым инстинктивным импульсам или аффектам прокладывается путь обратно в сознание» и Я и Сверх-Я предоставляется возможность поладить с ними на лучшей основе. Прогноз разрешения психических конфликтов наиболее благоприятен, когда мотивом защиты от инстинкта была тревога Сверх-Я. Здесь конфликт является чисто эндопсихическим, и согласие между разными инстанциями может быть достигнуто, особенно если Сверх-Я стало более доступным рассудку с помощью анализа идентификации, на которых оно основано, и присвоенной им агрессивности. Когда, таким образом, снижается страх Я перед Сверх-Я, ему больше нет необходимости прибегать к защите, в результате которой наступают патологические последствия.

Но даже и в тех случаях, когда защита в детском неврозе мотивирована объективной тревогой, аналитическая терапия имеет хорошие шансы на успех. Простейший метод—который согласуется с принципами анализа — заключается для аналитика в том, чтобы, после того как он изменил защитные процессы в психике ребенка, попытаться повлиять на реальность, т.е. на тех, кто занимается воспитанием ребенка, с тем, чтобы понизить объективную тревогу, в результате чего Я принимает менее суровую установку по отношению к инстинктам и не должно более предпринимать столь больших усилий для их отвержения. В других случаях анализ показывает, что различные тревоги, которые привели к возникновению защиты, связаны

с Давно минувшей ситуацией. Я признает, что больше нет никакой необходимости бояться ее. Или же обнаруживается, что источник кажущейся объективной тревоги лежит в преувеличенных, незрелых и искаженных представлениях о реальности, основанных на первобытных ситуациях, некогда актуальных, но более несуществующих. Анализ демаскирует эту «объективную тревогу» и показывает, что она представляет собой продукт фантазии, против которого не стоит осуществлять защитные операции.

Когда Я предприняло защитные меры против аффекта, чтобы избежать неудовольствия, то для их снятия, если мы хотим достичь стойкого результата, нужно еще что-то помимо анализа. Ребенок должен научиться выдерживать все большее и большее количество неудовольствия, не прибегая к защитным механизмам. Следует учесть, однако, что с теоретической точки зрения задача преподнести ему этот урок стоит не перед анализом, а перед воспитанием.

Единственное патологическое состояние, плохо поддающееся анализу,— это защита, основанная на страхе пациента перед силой собственных инстинктов. В подобных случаях существует опасность того, что мы разрушим защиту Я, не будучи в состоянии немедленно прийти к нему на помощь. В ходе анализа мы всегда успокаиваем пациента, который боится допустить в сознании импульсы своего Оно, говоря ему, что, будучи осознанными, они менее опасны и легче поддаются контролю, чем когда они бессознательны. Единственная ситуация, в которой эти обещания могут оказаться ложными,— это та, в которой защита осуществлена потому, что пациент боится силы своих инстинктов. В случаях наиболее суровой борьбы Я с целью предохранить себя от того, чтобы быть затопленным Оно, как, например, при периодических обострениях; психоза, наиболее существенны количественные отношения. Единственное, в чем нуждается Я в таком конфликте,— это подкрепление. В той мере, в какой анализ может укрепить Я, вводя в сознание бессознательное содержание Оно, он и здесь имеет терапевтический эффект. Но в той мере, в какой введение в сознание бессознательных действий Я нарушает его защитные процессы и делает их неэффективными, результатом анализа оказывается ослабление Я и усиление патологического процесса.

Примеры избегания объективного неудовольствия и объективной опасности
(предварительные стадии защиты)

ОТРИЦАНИЕ В ФАНТАЗИИ.

Все способы защиты, открытые анализом, служат единственной цели — помочь Я в его борьбе с инстинктивной жизнью. Они мотивированы тремя основными типами тревоги, которой подвержено Я,— инстинктивной тревогой, объективной тревогой и тревогой сознания. Кроме того, простой борьбы конфликтующих импульсов уже достаточно для того, чтобы запустить защитные механизмы.

Психоаналитическое исследование проблем защиты развивалось следующим образом: начавшись с конфликтов между Оно и образованиями Я (как это показано в истерии, невротизме, навязчивости и т.д.), оно перешло затем к борьбе между Я и Сверх-Я (в меланхолии), после чего обратилось к изучению конфликтов между Я и внешним миром (например, в детской фобии животных, обсуждающейся в «Торможениях, симптомах и тревожности»). Во всех этих конфликтах Я индивида стремится отвергнуть часть своего собственного Оно. Таким образом, инстанция, воздвигающая защиту, и вторгающаяся сила, которая отвергается, всегда остаются теми же самыми; изменяются лишь мотивы, побуждающие Я предпринимать защитные меры. В конечном счете все эти меры направлены на то, чтобы обеспечить безопасность Я и уберечь его от переживания неудовольствия.

Однако Я защищается не только от неудовольствия, исходящего изнутри. В том же самом

раннем периоде, когда Я знакомится с опасными внутренними инстинктивными стимулами, оно также переживает неудовольствие, источник которого находится во внешнем мире. Я находится в тесном контакте с этим миром, дающим ему объекты любви и те впечатления, которые фиксирует его восприятие и ассимилирует его интеллект. Чем больше значимость внешнего мира как источника удовольствия и интереса, тем выше и возможность пережить исходящее от него неудовольствие. Я маленького ребенка все еще живет в соответствии с принципом удовольствия; оно еще не скоро научится выносить неудовольствие. В это время индивид еще слишком слаб для того, чтобы активно противостоять внешнему миру, защищаться от него при помощи физической силы или изменять его в соответствии со своей собственной волей; как правило, ребенок еще слишком слаб физически для того, чтобы убежать, а его понимание еще так ограничено, что не может увидеть неизбежное в свете разума и подчиниться ему. В этот период незрелости и зависимости Я, помимо того, что оно предпринимает усилия по овладению инстинктивными стимулами, стремится всеми способами защитить себя от объективного неудовольствия и грозящих ему опасностей.

Поскольку теория психоанализа основана на изучении неврозов, естественно, что аналитические наблюдения были сначала сосредоточены на внутренней борьбе между инстинктами и Я, следствием которой являются невротические симптомы. Усилия детского Я избежать неудовольствия, непосредственно сопротивляясь внешним впечатлениям, принадлежат к области нормальной психологии. Их последствия могут быть важными для формирования Я и характера, но они не патогенны. Когда эта конкретная функция упоминается в клинических аналитических работах, она никогда не рассматривается как основной предмет исследования, а, скорее, как побочный продукт наблюдения.

Вернемся к фобии животных Маленького Ганса. Это клинический пример одновременных защитных процессов, направленных соответственно вовнутрь и наружу. Мы говорили, что в основе невроза маленького мальчика лежат импульсы, связанные с эдиповым комплексом *. Он любит свою мать и из ревности принимает агрессивную установку по отношению к отцу, которая вторично вступает в конфликт с его нежной привязанностью к нему. Эти инстинктивные импульсы возбуждают его страх кастрации, который он переживает как объективную тревогу, и тогда запускаются различные защитные механизмы против инстинктов.

См. описание в «Торможениях, симптомах и тревожности».

Его невроз использует методы замещения (отца на вызывающее страх животное) и обращения его собственной угрозы своему отцу, т.е. превращение ее в тревогу, чтобы не испытывать самому угрозы со стороны отца. Наконец искажение истинной картины довершается регрессией на оральный уровень (мысль о том, что его покусает). Эти механизмы прекрасно выполняют свою цель отвержения инстинктивных импульсов: запретная любовь к своей матери и опасная агрессивность по отношению к своему отцу исчезли из сознания. Его страх кастрации, связанный с отцом, превратился в симптом страха перед лошадьми, но в соответствии с механизмом фобии Маленький Ганс из-за бегает приступов страха при помощи невротического торможения — он отказывается выходить из дома.

В анализе Маленького Ганса эти защитные механизмы должны были быть обращены. Его инстинктивные импульсы были освобождены от искажений, и его страх был отделен от мысли о лошадях и прослежен до реального объекта—его отца, после чего он был обсужден, ослаблен, и было показано, что он не имеет объективного основания. После этого нежная привязанность мальчика к своей матери смогла ожить и отразиться в сознательном поведении, поскольку теперь, когда страх кастрации исчез, его чувство по отношению к ней больше не было опасным. После того как его страх был рассеян, исчезла необходимость регрессии, к которой этот страх

его привел, и он смог вновь достичь фаллического уровня развития либидо. Невроз ребенка был исцелен.

На этом закончим разговор о превратностях защитных процессов, направленных против инстинктов.

Но даже и после того, как аналитическая интерпретация позволила инстинктивной жизни Маленького Ганса обрести ее нормальный ход, его психические процессы некоторое время все еще оставались нарушенными. Он постоянно сталкивался с двумя объективными фактами, с которыми никак не мог примириться. Его собственное тело (в особенности пенис) было меньшим, чем у его отца, и отец для него выступал как противник, над которым он не надеялся одержать верх. Таким образом, оставалась объективная причина для зависти и ревности. Кроме того, эти аффекты распространялись также на его мать и маленькую сестру; он завидовал им, потому что, когда мать удовлетворяла физические потребности ребенка, обе они испытывали удовольствие, тогда как он оставался в роли простого наблюдателя. Вряд ли можно ожидать от пятилетнего ребенка уровня осознания и рассудительности, достаточного для того, чтобы избавиться от этих объективных фрустраций, утешив себя обещаниями удовлетворения в некотором отдаленном будущем, или чтобы принять это неудовольствие, как он принял факты своей детской инстинктивной жизни после того, как он осознанно признал их.

Из детального описания истории Маленького Ганса, приведенного в «Анализе фобии пятилетнего мальчика» (Фрейд, 1909), мы узнаем, что в действительности финал этих объективных фрустраций был совершенно иным. В конце анализа Ганс связал воедино две мечты: фантазию о том, чтобы иметь много детей, за которыми бы он ухаживал и купал в ванной, и фантазию о слесаре, который клещами откусывает у Ганса ягодицы и пенис с тем, чтобы дать ему большие и лучшие. Аналитику (который был отцом Ганса) нетрудно опознать в этих фантазиях выполнение двух желаний, которые никогда не были реализованы в действительности. У Ганса теперь есть—по крайней мере в воображении—такой же половой член, как у отца, и дети, с которыми он может делать то же, что его мать делает с его маленькой сестрой.

Еще даже до того, как он породил эти фантазии, Маленький Ганс расстался со своей агорафобией, и теперь, с этим новым психическим достижением, он наконец обрел душевное равновесие. Фантазии помогли ему примириться с реальностью, точно так же как невроз помог ему прийти к согласию со своими инстинктивными импульсами. Отметим, что сознательное понимание неизбежного не играло здесь никакой роли. Ганс отрицал реальность посредством своей фантазии; он трансформировал ее в соответствии со своими собственными целями и выполнением своих собственных желаний; тогда, и только тогда, он смог принять ее.

Изучение защитных процессов в ходе анализа Маленького Ганса показывает, что судьба его невроза была определена начиная с того момента, когда он сместил свою агрессивность и тревогу с отца на лошадей. Однако это впечатление обманчиво. Такая замена человеческого объекта животным сама по себе не является невротическим процессом; она часто случается в нормальном развитии детей, и ее последствия у разных детей существенно различаются.

Например, семилетний мальчик, которого я анализировала, развлекался следующей фантазией. У него был ручной лев, который всех пугал и никого, кроме него, не любил. Он приходил по его зову и следовал за ним как собачонка, куда бы он ни шел. Мальчик присматривал за львом, кормил его и ухаживал за ним, а вечером устраивал ему постель у себя в комнате. Как это обычно бывает с мечтами, повторяющимися изо дня в день, главная фантазия стала основой многочисленных приятных эпизодов. Например, была особая мечта, в которой он приходил на маскарад и говорил всем, что лев, которого он привел с собой,— это всего лишь его переодетый друг. Это было неправдой, поскольку «переодетый друг» был в действительности его львом. Мальчик наслаждался, представляя, как бы все перепугались, если

бы узнали его секрет. В то же время он чувствовал, что реальных оснований для страха окружающих нет, поскольку, пока он держал льва под своим контролем, тот был безвредным.

Из анализа маленького мальчика легко можно было увидеть, что лев замещал отца, которого он, подобно Маленькому Гансу, ненавидел и боялся как реального соперника по отношению к своей матери. У обоих детей агрессивность трансформировалась в тревогу и аффект был перенесен с отца на животное. Но последующие способы обращения с этими аффектами были у них различны. Ганс использовал свой страх перед лошадьми как основу невроза, т.е. он заставил себя отказаться от своих инстинктивных желаний, интернализировал весь конфликт и в соответствии с механизмом фобии избегал провоцирующих ситуаций. Мой пациент устроил дело более удобным для себя образом. Подобно Гансу в фантазии о слесаре, он просто отрицал болезненный факт и в своей фантазии о льве обращал его в его приятную противоположность. Он называл животное, на которое смещен страх, своим другом, и сила льва, вместо того чтобы быть источником страха, теперь находилась в распоряжении мальчика. Единственным указанием на то, что в прошлом лев был объектом тревоги, являлась тревога других людей, как это описано в воображаемых эпизодах*.

А вот другая фантазия на тему животных, принадлежащая десятилетнему пациенту. В определенный период жизни этого мальчика животные играли исключительно важную роль; он проводил часы в мечтах, в которых фигурировали животные, и даже записывал некоторые из воображаемых эпизодов. В своей фантазии он' имел огромный цирк и тоже был укротителем льва. Самых свирепых животных, которые на воле были смертельными врагами, он обучал жить вместе. Мой маленький пациент укрощал их, т.е. он сначала обучал их не нападать друг на друга, а затем не нападать на людей. Укрощая животных, он никогда не пользовался хлыстом, а выходил к ним безоружным.

Все эпизоды, в которых фигурируют животные, концентрируются в следующей истории. Однажды во время представления, в котором они все участвовали, сидевший среди публики разбойник внезапно направил на мальчика пистолет. Все звери немедленно ринулись на его защиту и вырвали разбойника из толпы, не нанеся вреда никому другому. Дальнейший ход фантазии относился к тому, как звери — из преданности своему хозяину — наказали разбойника. Они держали его в плену, погребали его и с триумфом воздвигали над ним огромную башню из своих собственных тел. Затем они уводили его в свое логово, где он должен был провести три года. Перед тем как в конце концов отпустить его, много слонов, выстроившись в ряд, били его своими хоботами, а стоявший последним грозил ему поднятым пальцем (!) и предупреждал его, чтобы он никогда больше так не делал. Разбойник обещал это. «Он никогда больше так не сделает, пока мои звери со мной». После описания всего того, что звери сделали разбойнику, следовало любопытное завершение этой фантазии, содержащее уверение в том, что, пока он был их пленником, они кормили его очень хорошо, так что он даже не ослаб.

* Берта Борнштейн описывает фантазии семилетнего мальчика, в которых сходным образом добрые животные превращались в злых. Каждый вечер ребенок расставлял игрушечных зверей вокруг своей постели как охраняющих божеств, но воображал, что ночью они действуют заодно с чудовищами, которые хотят напасть на него (1936).

У моего семилетнего пациента фантазия о льве была явным указанием на отработку амбивалентной установки по отношению к отцу. Фантазия о цирке идет в этом отношении значительно дальше. При помощи того же самого процесса обращения внушающий страх реальный отец превращен в защищающих зверей из фантазии, но опасный отцовский объект вновь возникает в образе разбойника. В истории со львом было неясно, от кого в

действительности замещающий отца лев защищает ребенка; обладание львом в основном возвышало мальчика в глазах других людей. Но в фантазии о цирке ясно, что сила отца, воплощенная в диких зверях, служила защитой от самого отца. Подчеркивание того, что раньше звери были дикими, означает, что в прошлом они были объектами тревоги. Их сила и ловкость, их хоботы и поднятый палец очевидно связаны с отцом. Ребенок уделяет этим признакам большое внимание: в своей фантазии он изымает их у отца, которому он завидует, и, присвоив их себе, становится лучше его. Таким образом, их роли обращаются. Отец предупрежден, «чтобы он больше так не делал», и вынужден просить прощения. Замечательно то, что обещание безопасности для мальчика, которое звери в конце концов вырвали у отца, зависит от того, что мальчик по-прежнему будет ими владеть. В «постскриптуме» относительно питания разбойника возобладал другой аспект амбивалентного отношения к отцу. Совершенно очевидно, что мечтатель чувствует необходимость успокоить себя относительно того, что, несмотря на все агрессивные действия, за жизнь его отца можно не беспокоиться.

Темы, появляющиеся в мечтах этих двух мальчиков, вовсе не являются их исключительной особенностью: они обычны для сказок и других детских историй*. В связи с этим мне вспоминается история об охотнике и зверях, встречающаяся в фольклоре и сказках. Охотник был несправедливо обижен злым королем и изгнан из своего дома в лесу. Когда ему наступило время покинуть дом, он с грустью и тоской в сердце шел последний раз по лесу. Он встречал поочередно льва, тигра, пантеру, медведя и т. д.

* Здесь вспоминается тема зверей-помощников, встречающаяся в мифах и обсуждающаяся время от времени в психоаналитической литературе, однако под другими углами зрения, нежели предлагаемый нами. О. Ранк 1914.

Каждый раз он целился в зверя из ружья, и каждый раз, к его удивлению, зверь начинал говорить и просил сохранить ему жизнь:

«Охотник, пощади, не убивай,
Я двух детенышей тебе отдам!» *

Охотник соглашался на выкуп и продолжал свой путь вместе с отданными ему детенышами. В конце концов он собрал огромное количество молодых хищников и, поняв, что у него теперь есть грозное войско, которое будет сражаться за него, направился с ними в столицу и пошел к королевскому замку. Перепуганный король исправил совершенную по отношению к охотнику несправедливость и, кроме того, движимый страхом, отдал ему половину королевства и выдал за него замуж свою дочь.

Очевидно, что сказочный охотник воплощает сына, находящегося в конфликте со своим отцом. Борьба между ними разрешается своеобразным, окольным путем. Охотник удерживается от того, чтобы отомстить взрослому хищному животному, которое представляет собой первое замещение отца. В качестве вознаграждения он получает детенышей, в которых воплощена сила этих животных. При помощи этой вновь обретенной силы он побеждает своего отца и принуждает его дать ему жену. Реальная ситуация обращена еще раз: сильный сын сталкивается со своим отцом, который, испугавшись этой демонстрации силы, подчиняется ему и выполняет все его желания. Приемы, используемые в сказке, совершенно те же самые, что и в фантазии моего пациента о цирке.

Помимо историй о животных мы находим в детских сказках другое соответствие фантазиям моего маленького пациента о льве. Во многих книжках для детей,— пожалуй, наиболее яркими примерами являются истории из «Маленького лорда Фаунтлероя»** и «Маленького полковника»***—есть маленький мальчик или девочка, которым, в противоположность всем ожиданиям, удается «приручить» несдержанного взрослого человека,

который могуществен или богат и которого все боятся. Только ребенок может тронуть его сердце и завоевать его любовь, хотя всех остальных он ненавидит. Наконец, старик, которого никто не может контролировать и который не может контролировать сам себя, подчиняется влиянию и контролю маленького ребенка и даже начинает делать добро другим людям.

Эти сказки, как и фантазии о животных, доставляют удовольствие за счет полного обращения реальной ситуации. Ребенок выступает как человек, который не только владеет сильной отцовской фигурой (лев) и контролирует ее, так что он превосходит всех вокруг; он также и воспитатель, который постепенно преобразует зло в добро. Мои читатели вспомнят, что лев и первой фантазии был обучен не нападать на людей и что звери владельца цирка должны были прежде всего научиться контролировать свои агрессивные импульсы, направленные друг на друга и на людей. В этих детских историях страх, связанный с отцом, смещается точно так же, как и в фантазиях с животными. Он выдает себя в страхе других людей, которых ребенок успокаивает, но этот замещающий страх является дополнительным источником удовольствия.

В двух фантазиях Маленького Ганса и в фантазиях о животных других моих пациентов способ, при помощи которого можно избежать объективного неудовольствия и объективной тревоги, очень прост. Я ребенка отказывается осознавать некоторую неприятную реальность. Прежде всего он поворачивается к ней спиной, отрицает ее и в воображении обращает нежелательные факты. Так «злой» отец становится в фантазии защищающим животным, в то время как беспомощный ребенок становится обладателем могущественных замещений отца. Если трансформация успешна и благодаря фантазии ребенок становится нечувствительным к данной реальности, Я спасено от тревоги и у него нет необходимости прибегать к защитным мерам против инстинктивных импульсов и к формированию невроза.

Этот механизм относится к нормальной фазе в развитии детского Я, но когда он возникает в последующей жизни, то указывает на развитую стадию психического заболевания. В некоторых острых спутанных психотических состояниях Я пациента ведет себя по отношению к реальности именно таким образом. Под влиянием шока, такого, как внезапная утрата объекта любви, оно отрицает факты и заменяет невыносимую реальность некоторой приятной иллюзией.

Когда мы сопоставляем детские фантазии с психотическими иллюзиями, то начинаем видеть, почему человеческое Я не может более экстенсивно использовать этот механизм — одновременно столь простой и столь эффективный — отрицания существования объективных источников тревоги и неудовольствия. Способность Я отрицать реальность совершенно не совместима с другой его функцией, высоко им ценимой, — его способностью опознавать объекты и критически проверять их реальность. В раннем детстве эта несовместимость еще не оказывает возмущающего влияния. У Маленького Ганса, владельца льва и хозяина цирка функция проверки реальности была совершенно не нарушена. Конечно же, они не верили действительно в существование своих зверей или в свое превосходство над отцами. Интеллектуально они были полностью способны отличить фантазию от факта. Но в сфере аффекта они аннулировали объективно болезненные факты и осуществили гиперкатексис фантазии, в котором эти факты были изменены, так что удовольствие, получаемое от воображения, возобладало над объективным неудовольствием.

Трудно сказать, в какой момент Я утрачивает способность преодолевать значительные количества объективного неудовольствия при помощи фантазии. Мы знаем, что даже во взрослой жизни мечты все еще могут играть свою роль, иногда расширяя границы слишком узкой реальности, а иногда полностью обращая реальную ситуацию. Но во взрослой жизни мечта — всегда игра, род побочного продукта лишь с небольшим либидозным катексисом. Она позволяет, самое большее, овладеть некоторой частью дискомфорта или достичь иллюзорного облегчения от какого-либо незначительного неудовольствия. По-видимому, исходная

значимость мечты как способа защиты против объективной тревоги утрачивается с окончанием раннего периода детства. Во всяком случае мы полагаем, что способность к проверке реальности объективно подкрепляется, так что она может закрепиться даже в сфере аффекта; мы знаем также, что в дальнейшей жизни потребность Я в синтезе делает возможным сосуществование противоположностей; возможно также, что привязанность зрелого Я к реальности вообще сильнее, чем у детского Я, так что по самой природе вещей фантазия перестает столь высоко цениться, как в ранние годы. В любом случае ясно, что во взрослой жизни удовлетворение инстинктивного импульса через фантазию уже не безвредно. По мере роста катексиса фантазия и реальность становятся несовместимыми: должно быть либо одно, либо другое. Мы знаем также, что проникновение импульса Оно в Я и его удовлетворение там посредством галлюцинации представляют собой для взрослого психотическое расстройство. Я, которое пытается уберечься от тревоги, избавиться от инстинктов и избежать невроза, отрицая реальность, перегружает этот механизм. Если это происходит во время латентного периода, то разовьется какая-либо аномальная черта характера, как в случае с двумя мальчиками, истории которых я приводила. Если это происходит во взрослой жизни, отношения Я к реальности будут глубоко поколеблены*.

Мы еще не знаем точно, что происходит во взрослом Я, когда оно выбирает иллюзорное удовлетворение и отказывается от функции проверки реальности. Оно освобождает себя от внешнего мира и полностью перестает регистрировать внешние стимулы. В инстинктивной жизни такая нечувствительность ко внутренним стимулам может быть достигнута единственным путем—посредством вытеснения.

* Напомню читателю, что отношение механизма отрицания к психическому заболеванию и к формированию характера обсуждалось разными авторами. Хелен Дейч (1933) показывает значение этого процесса в генезисе хронической гипомании. Бертрам Левин (1932) описывает, как этот же самый механизм используется вновь сформированным наслаждающимся Я пациента с гипоманией. Анни Ангель (1934) отмечает связь между отрицанием и оптимизмом.

В течение нескольких лет детское Я может избавляться от нежелательных фактов, отрицая их и сохраняя при этом ненарушенной способность к проверке реальности. Ребенок полностью использует эту возможность, не замыкаясь при этом в сфере идей и фантазии, поскольку он не только мыслит, но и действует. Он использует самые разные внешние объекты, драматизируя свое обращение реальной ситуации. Отрицание реальности, без сомнения, также является одним из многих мотивов, лежащих в основе детской игры в целом и исполнения роли в частности.

Я вспоминаю маленькую книжечку стихов английского писателя, в которой великолепно описано сосуществование фантазии и факта в жизни маленького ребенка. Это книга «Когда мы были маленькими» А. А. Милна. В детской ее трехлетнего героя есть четыре стула. Когда он сидит на первом из них, он — путешественник, плывущий ночью по Амазонке. На втором он — лев, пугающий рычанием свою няню. На третьем он — капитан, ведущий свой корабль через море. Но на четвертом, на высоком детском стульчике, он пытается притвориться самим собой, т.е. маленьким мальчиком. Нетрудно увидеть замысел автора: элементы, из которых создается приятный мир фантазии, готовыми идут ребенку в руки, но его задача и его достижение заключаются в том, чтобы признать и усвоить факты реальности.

Интересна готовность взрослых использовать тот же самый механизм в своем взаимодействии с детьми. Большая часть удовольствия, которое они доставляют ребенку, основана на таком же отрицании реальности. Сплошь и рядом даже маленькому ребенку говорят о том, «какой он большой мальчик», и вопреки очевидным фактам утверждают, что он так же силен, «как папа», так же умен, «как мама», храбр, «как солдат», или крепок, как его

«старший брат». Более естественным является использование взрослыми такого обращения фактов, когда они хотят успокоить ребенка. Взрослые уверяют его, когда он ушибся, что «теперь уже лучше», или что еда, которую он ненавидит, «совсем не плохая», или, когда он огорчен чьим-то уходом, мы говорим ему, что он или она «скоро придет». Некоторые дети усваивают эти утешающие формулы и используют стереотипные фразы для описания того, что болезненно для них. Например, маленькая девочка двух лет имеет привычку, когда бы ее мать ни вышла из комнаты, сообщать об этом факте механическим бормотанием: «Мама скоро придет». Другой ребенок привык возвещать жалобным голосом всякий раз, когда он должен был принять невкусное лекарство, «любит его, любит его» — часть фразы, при помощи которой няня пыталась заставить его поверить, что капли вкусные.

Многие подарки, приносимые ребенку взрослыми гостями, способствуют той же иллюзии. Маленькая сумочка или крошечный зонтик должны помочь маленькой девочке изобразить «взрослую леди»; тросточка, различное игрушечное оружие позволяют маленькому мальчику подражать мужчине. Даже куклы, помимо того, что они используются во всяких других играх, создают иллюзию материнства, а железные дороги, машинки и кубики не только служат для выполнения различных желаний и обеспечивают возможность сублимации, но и создают в умах детей приятную фантазию о том, что они могут контролировать мир. Здесь мы переходим от собственно процессов защиты и избегания к процессам обусловливания детской игры — предмету, который исчерпывающе обсуждался с различных точек зрения академической психологией.

Все это дает новое основание для разрешения многолетнего конфликта между различными методами воспитания детей (Фребель против Монтессори). Реальная проблема заключается в том, в какой мере задачей воспитания должно быть поощрение детей даже младшего возраста к тому, чтобы они направили все свои усилия на ассимиляцию реальности, и в какой-то мере допустимо поощрять их отгораживаться от реальности и создавать мир фантазии.

Позволяя детям уходить в фантазии, при помощи которых они преобразуют болезненную реальность в ее противоположность, взрослые делают это при определенных строгих условиях. Предполагается, что дети будут удерживать действие своей фантазии в строго определенных границах. Ребенок, который только что был конем или слоном, расхаживал на четвереньках и ржал или трубил, должен быть готов по первому зову занять свое место за столом и быть спокойным и послушным. Укротитель львов должен быть готов подчиниться своей няне, а путешественник или пират должен послушно идти в постель, когда самые интересные вещи в мире взрослых только начинаются. Снисходительное отношение взрослого к механизму отрицания у ребенка исчезает в тот момент, когда ребенок перестает осуществлять переход от фантазии к реальности с готовностью, без всякой задержки или заминки, или когда он пытается подчинить свое реальное поведение фантазиям, — точнее говоря, в тот момент, когда фантазия ребенка перестает быть игрой и становится автоматизмом или навязчивостью.

Одна маленькая девочка, которую я имела возможность наблюдать, не могла примириться с фактом различия между полами. У нее были старший и младший братья, и сравнение себя с ними было для нее постоянным источником острого неудовольствия, побуждавшего девочку как-то защититься от него или «проработать» его. В то же самое время эксгибиционизм играл существенную роль в развитии ее инстинктивной жизни, и ее зависть к пенису и желание иметь его приобрели форму желания иметь что-то, что она могла бы показывать, как и ее братья. Из того, что происходит в таких случаях с другими детьми, мы знаем, что существуют различные способы, при помощи которых она могла бы удовлетворить это желание. Например, желание показывать что-нибудь могло быть перенесено с гениталий на ее остальное прелестное тело. Или она могла развить у себя интерес к красивой одежде и стать «хвастливой». Или она могла

заняться физическими упражнениями и гимнастикой для замещения акробатики гениталий ее братьев. Она же выбрала кратчайший путь. Она отвергла тот факт, что у нее нет пениса, и тем самым избавила себя от необходимости находить замещение; с этого времени она стала страдать навязчивым стремлением демонстрировать несуществующий орган. В физической сфере эта навязчивость выражалась в том, что она поднимала юбку и демонстрировала себя. Смыслом этого было: «Посмотрите, какая у меня есть отличная штука!» В повседневной жизни она при каждой возможности звала других, чтобы они пришли и посмотрели на что-то, чего там вообще не было *: «Иди посмотри, сколько яиц снесли куры!», «Послушайте, вон машина с дядей!» На самом деле не было ни яиц, ни машины, которую все нетерпеливо ждали. Вначале ее родные встречали эти шутки смехом и аплодисментами, но внезапное и повторяющееся разочарование в конце концов стало приводить ее братьев и сестер к потокам слез. Можно сказать, что ее поведение в это время находилось на грани между игрой и навязчивостью.

* Ср. с

введенным С. Радо (1933) понятием «желания пениса» у маленькой девочки, которое он описывает как галлюцинаторное воспроизводство виденного ею мужского члена.

Еще более явно этот же самый процесс виден у семилетнего укротителя львов из предыдущей главы. Как показал анализ, его фантазии представляют собой не компенсацию остатков неудовольствия и тревоги, а попытку целиком овладеть острым страхом кастрации. У него сформировалась привычка отрицания, вплоть до того, что он больше не мог удерживаться на уровне своего желания трансформировать объекты тревоги в дружественные существа, которые бы защищали его или повиновались ему. Он удвоил свои усилия; тенденция преуменьшать все, что пугает его, возросла. Все, что возбуждало тревогу, становилось для него объектом осмеяния, а поскольку все вокруг него было источником тревоги, весь мир приобрел черты абсурдности. Его реакцией на постоянное давление страха кастрации было не менее постоянное высмеивание. Вначале это производило шутовское впечатление, но навязчивый характер этого проявлялся в том, что мальчик был свободен от тревоги лишь тогда, когда шутил, а когда он пытался подойти к внешнему миру более серьезно, то расплачивался за это приступами тревоги.

Как правило, мы не видим ничего ненормального в маленьком мальчике, который хочет быть взрослым мужчиной и играет «в папу», позаимствовав для этого отцовскую шляпу и тросточку. Во всяком случае, это очень знакомая фигура. Мне рассказали, что это было излюбленной игрой одного из моих маленьких пациентов, который, когда я познакомилась с ним, впадал в исключительно плохое настроение, когда он видел необычно высокого или сильного мужчину. У него была привычка надевать отцовскую шляпу и разгуливать в ней. Пока никто не мешал ему, он был спокоен и счастлив. Точно так же во время летних каникул он, изображая взрослого, расхаживал с набитым рюкзаком на спине. Разница между ним и маленьким мальчиком, который играет во взрослого, заключается в том, что мой маленький пациент играл всерьез, и, когда его заставляли снять шляпу — во время еды или при укладывании в постель, — он реагировал на это тревогой и плохим настроением.

Получив шапку, похожую на «настоящую», маленький мальчик воспроизвел поведение, обычно связанное со шляпой его отца. Он повсюду таскал ее с собой, конвульсивно теребя ее в руках, если ее не разрешалось надеть. Естественно, он постоянно обнаруживал, что хорошо бы использовать руки для других целей. Однажды, когда он тревожно озирался вокруг, не зная, куда деть шапку, он обратил внимание на передний карман своих брюк. Он немедленно засунул туда шапку, освободил руки и к своему огромному облегчению понял, что теперь ему не нужно больше расставаться со своим сокровищем. Шапка очутилась в том месте, которому она всегда принадлежала по своему символическому значению: она оказалась в непосредственной

близости от его гениталий.

В приведенном описании я несколько раз, за неимением лучшего слова, описывала поведение этих детей как навязчивое. Для поверхностного наблюдателя оно действительно очень похоже на симптомы невроза навязчивости. Если, однако, мы пристальнее рассмотрим действия детей, то увидим, что они не являются навязчивыми в точном смысле этого слова. Их структура отлична от того, что характерно для невротических симптомов в целом. Верно, что, как и в случае формирования невротических симптомов, приводящий к навязчивым действиям процесс начинается с некоторой объективной фрустрации или разочарования, но возникающий при этом конфликт не интернализуется: он сохраняет свою связь с внешним миром. Защитная мера, к которой прибегает Я, направлена не против инстинктивной жизни, а непосредственно на внешний мир, причинивший фрустрацию. Так же как при невротическом конфликте восприятие запретных инстинктивных стимулов отвергается при помощи вытеснения, детское Я прибегает к отрицанию, чтобы не осознавать определенные болезненные впечатления, поступающие извне. При неврозе навязчивости вытеснение обеспечивается с помощью формирования реакции, содержащей обращение вытесненного инстинктивного импульса (симпатия вместо жестокости, застенчивость вместо эксгибиционизма). Аналогично и в детских ситуациях, описанных мною, отрицание реальности дополняется и подтверждается, когда в своих фантазиях, словах или действиях ребенок обращает реальные факты. Поддержание навязчивого формирования реакций требует постоянного расхода энергии, который мы называем антикатексисом. Подобная затрата необходима и для того, чтобы Я ребенка могло поддерживать и драматизировать его приятные фантазии. Мужественность братьев маленькой девочки, чей случай я описывала, постоянно выставлялась перед ней напоказ; с не меньшей регулярностью она отвечала утверждением: «Мне тоже есть что показать».

Зависть маленького мальчика в случае с шапкой постоянно возбуждалась мужчинами, которых он видел вокруг себя, и он упорно представал перед ними со шляпой, шапкой или рюкзаком, которые считал надежным доказательством собственной мужественности. Любое внешнее вмешательство в такого рода поведение дает такой же результат, как и помеха протеканию действительно навязчивой деятельности. Нарушается тщательно сохранявшееся равновесие между отвергавшейся тенденцией и защитной силой; внешний стимул, который отрицался, или инстинктивный стимул, который был вытеснен, стремится проложить себе путь в сознание и вызывает в Я чувства тревоги и неудовольствия.

Способ защиты посредством отрицания в слове и действии подвержен таким же ограничениям во времени, как и те, что я обсуждала в предыдущей главе в связи с отрицанием в фантазии*. Он может быть использован, лишь пока он способен сосуществовать со способностью к проверке реальности, не нарушая ее. Организация зрелого Я становится объединенной на основе синтеза; способ отрицания отбрасывается и используется вновь лишь в том случае, когда отношение к реальности серьезно нарушено и функция проверки реальности приторможена. Например, в психотических иллюзиях кусок дерева может представлять объекты любви, к которым пациент стремится или которые он утратил, так же как дети используют подобные вещи для того, чтобы защитить себя**. Единственным возможным исключением в неврозе является «талисман» навязчивых невротиков, но я не собираюсь углубляться в дискуссию относительно того, представляет ли собой этот предмет, столь драгоценный для пациентов, защиту от внутренних запретных импульсов или внешних враждебных сил, или же в нем сочетаются оба типа защиты.

*

«Деперсонализация» в детской игре, которую я не буду здесь детально анализировать, находится между «отрицанием в слове и действии» и «отрицанием в фантазии».

** Ср. с понятием скотомизации у Р. Лафорга 1928).

Скотомизация в психоанализе метафорически означает образование психических «слепых пятен», т. е. областей, в границах которых мы не можем оценить ничего, что вступает в противоречие с нашим Я.— Прим. ред.

Способ отрицания в слове и действии подвержен и второму ограничению, не относящемуся к отрицанию в фантазии. В своих фантазиях ребенок всемогущ. До тех пор пока он никому их не сообщает, никто не может в них вмешаться. Однако драматизация фантазий в слове и действии требует подмостков во внешнем мире. Таким образом, использование ребенком этого механизма внешне ограничено тем, в какой мере окружающие соглашаются с его драматизацией, так же как внутренне оно ограничено мерой совместимости с функцией проверки реальности. Например, в случае мальчика с шапкой успешность его защитных усилий целиком зависит от разрешения надевать ее дома, в школе и в детском саду. Однако люди вообще судят о нормальности или ненормальности таких защитных механизмов не по их внутренней структуре, а по степени их заметности. Пока навязчивость маленького мальчика имела форму хождения в шапке, у него был «симптом». Его считали странным ребенком, и всегда оставалась опасность, что у него отберут вещь, которая защищала его от тревоги. В следующий период жизни его стремление к защите становится менее заметным. Он откладывает рюкзак и головной убор и ограничивается тем, что носит в кармане карандаш. С этого времени он считается нормальным. Он адаптировал свой механизм к своему окружению, или, по крайней мере, он скрыл его и не позволяет ему вступать в конфликт с требованиями других людей. Но это не значит, что произошли какие-либо изменения во внутренней тревожной ситуации. В успешности отрицания у себя страха кастрации он не менее навязчивым образом зависит от наличия при нем карандаша, и если он потеряет его или не будет иметь при себе, то будет страдать от приступов тревоги и неудовольствия в точности так же, как и раньше.

Судьба тревоги иногда определяется терпимостью других людей по отношению к таким защитным мерам. Тревога может на этом остановиться и остаться ограниченной исходным «симптомом», или, если попытка защиты оказалась неудачной, она может развиваться дальше, приводя к внутреннему конфликту, к тому, что защитная борьба оборачивается против инстинктивной жизни, а тем самым к развитию настоящего невроза. Но было бы опасно пытаться предотвратить детский невроз, соглашаясь с отрицанием реальности ребенком. При чрезмерном использовании оно представляет собой механизм, который провоцирует в Я искажения, эксцентричность и идиосинкразии, от которых трудно избавиться после окончания периода примитивного отрицания.

Наше сравнение механизмов отрицания и вытеснения, формирования фантазии и формирования реакции обнаружило параллелизм в способах, используемых Я для избегания неудовольствия, исходящего от внешних и внутренних источников. Такой же параллелизм мы обнаруживаем, исследуя другие, более простые защитные механизмы. Способ отрицания, на котором основана фантазия об обращении реальных фактов в их противоположность, используется в ситуациях, в которых невозможно избежать неприятного внешнего воздействия. Когда ребенок становится старше, его большая свобода физического перемещения и возросшая психическая активность позволяют его Я избегать таких стимулов, и ему уже не нужно выполнять столь сложную психическую операцию, как отрицание. Вместо того чтобы воспринимать болезненное впечатление, а затем аннулировать его, лишая его катексиса, Я может вообще отказаться от встречи с опасной внешней ситуацией. Оно может пуститься в бегство и тем самым в прямом смысле слова «избежать» возможности неудовольствия. Механизм избегания настолько примитивен и естествен и, кроме того, настолько нераздельно связан с нормальным развитием Я, что нелегко в целях теоретического обсуждения отделить его от обычного контекста и рассмотреть изолированно.

Когда я анализировала маленького мальчика, обозначенного в предыдущей главе как «мальчик с шапкой», я могла наблюдать, как его избегание неудовольствия развивается по этим линиям. Однажды, когда он был у меня дома, он нашел маленький альбом для рисования, который ему очень понравился. Он принялся с энтузиазмом заполнять страницы цветным карандашом, и ему понравилось, когда я стала делать то же самое. Однако вдруг он посмотрел на то, что я делаю, остановился и явно огорчился. В следующий момент он положил карандаш, пододвинул альбом (до того ревниво охраняемый) ко мне, встал и сказал: «Делай сама; я лучше посмотрю». Очевидно, когда он посмотрел на мой рисунок, он поразил его как более красивый, более искусный или в чем-то еще превосходящий его собственный; это сравнение потрясло его. Он немедленно решил, что больше не будет со мной соревноваться, поскольку результаты этого неприятны, и отказался от деятельности, которая секундой раньше доставляла ему удовольствие. Он принял роль зрителя, который ничего не делает и которому поэтому не нужно сравнивать свои успехи с чьими-то чужими. Накладывая на себя это ограничение, ребенок избегает повторения неприятного впечатления.

Этот случай был не единичным. Игра со мной, которую он не смог выиграть, переводная картинка, которая была не так хороша, как моя,— короче говоря, все, что он не мог сделать так же хорошо, как я, оказывалось достаточным для такой же резкой смены настроения. Ребенок переставал получать удовольствие от того, что он делал, переставал это делать и, по-видимому, автоматически утрачивал к этому интерес.

При этом его поглощали занятия, в которых он чувствовал свое превосходство надо мной, и он готов был заниматься ими бесконечно. Было естественно, что, когда он первый раз пошел в школу, он вел себя там в точности так же, как и со мной. Он отказывался присоединяться к другим детям в игре или занятиях, в которых не чувствовал себя уверенно. Он ходил от одного ребенка к другому и «смотрел». Его способ овладевать неудовольствием, обращая его во что-то приятное, изменился. Он ограничил функционирование своего Я и в ущерб своему развитию уходил от любой внешней ситуации, которая могла привести к возникновению того типа неудовольствия, которого он больше всего боялся. Лишь когда мальчик оказывался среди более младших детей, он отказывался от этих ограничений и принимал активное участие в их занятиях.

В детских садах и школах, устроенных на современный лад, когда классному обучению уделяется меньше внимания, чем самостоятельно выбранной индивидуальной работе, дети, похожие на моего маленького мальчика с шапкой, совсем не редки. Учителя говорят, что появилась новая группа детей, промежуточная между теми, кто умен, заинтересован и прилежен, с одной стороны, и теми, кто интеллектуально пассивен и кого трудно заинтересовать и вовлечь в работу, с другой. Этот новый тип на первый взгляд не может быть отнесен ни к одной из привычных категорий неуспевающих учеников. Хотя такие дети явно умны, хорошо развиты и популярны среди школьных товарищей, их невозможно заставить принять участие в систематических играх или уроках. Несмотря на то что используемый в школе метод основан на тщательном избегании критики и порицания, дети ведут себя так, словно их запугивают. Малейшее сравнение их достижений с достижениями других детей лишает работу в их глазах всякой ценности. Если им не удастся выполнить задачу или конструктивную игру, они отказываются повторить попытку. В результате они остаются пассивными и отказываются занимать любое место или участвовать в любом занятии, ограничиваясь наблюдением за работой других. Их безделье имеет вторичный антисоциальный эффект, потому что, скучая, они начинают ссориться с детьми, поглощенными работой или игрой.

Контраст между хорошими способностями и малой продуктивностью этих детей заставляет думать, что они невротически заторможены и что нарушение, от которого они

страдают, основано на процессах и содержаниях, знакомых нам из анализа истинных торможений. В обоих случаях картина свидетельствует об одинаковом отношении к прошлому. В обоих случаях симптом связан не со своим реальным объектом, но с чем-то, что в настоящем замещает какой-то доминировавший в прошлом интерес. Например, когда ребенок заторможен в счете или мышлении, или взрослый—в речи, или музыкант—в игре, реальная деятельность, которой они избегают,— это не мыслительная работа с понятиями или числами, не произнесение слов, не касание струн смычком или клавиш пианино пальцами. Сами по себе эти виды деятельности для Я безвредны, но они оказались связанными с прошлой сексуальной активностью, которую человек отринул; теперь же они представляют ее, и, став таким образом «сексуализированными», они являются объектом защитных операций Я. Точно так же у детей, защищающихся от неудовольствия, которое они испытывают при сравнении их достижений с достижениями других, чувство, о котором идет речь, является замещающим. Размер больших достижений другого человека означает (или, по крайней мере, означает это у моих пациентов) размер гениталий, больших, чем их собственные, и дети завидуют этому. Кроме того, когда их поощряют соревноваться со сверстниками, это напоминает о безнадежном соперничестве, имевшем место на эдиповой фазе развития, или приводит к неприятному осознанию различий между полами.

В одном отношении, однако, два вида нарушений различаются. С одной стороны, дети, которые настаивают на том, чтобы играть роль зрителей, вновь обретают свои способности к работе, если изменяются условия, в которых они должны работать. С другой стороны, истинные торможения не меняются, и перемены во внешней среде их практически не затрагивают. Маленькая девочка, относящаяся к первой группе, по внешним причинам вынуждена была некоторое время не ходить в школу, где она привыкла «смотреть». Ее учили дома, и она под видом игры овладела знаниями, которые оставались для нее закрытой книгой, пока она находилась с другими детьми. Я знаю похожий случай полного поворота у другой маленькой девочки семи лет. Она вернулась в школу, успев перед этим позаниматься с частным репетитором. Во время этих домашних уроков ее поведение было нормальным и не обнаруживалось ни малейших признаков торможения, но она не могла достичь столь же хороших результатов в школе, где преподавание велось по тем же направлениям. Таким образом, эти две девочки могли учиться лишь при условии, что их достижения не будут сравниваться с достижениями других детей, точно так же, как мальчик, которого я анализировала, мог играть только с младшими, но не со старшими детьми. Внешне эти дети ведут себя так, словно действия, о которых идет речь, подвержены как внутреннему, так и внешнему торможению. В действительности, однако, задержка осуществляется автоматически и происходит тогда, когда в результате конкретной деятельности возникает неприятное ощущение. Психическая ситуация этих детей похожа на ту, которая, как показано в исследованиях женственности, характерна для маленьких девочек на определенном поворотном этапе их развития (Фрейд 1933, р. 118, 119). Независимо от какого бы то ни было страха наказания или угрызений совести маленькая девочка в определенный период своей жизни занимается клиторической мастурбацией, ограничивая тем самым свои мужские стремления. Ее самолюбие унижено, когда она сравнивает себя с мальчиками, которые лучше вооружены для мастурбации, и она не хочет, чтобы ей снисхождением постоянно напоминали о ее ущербности.

Было бы неверно полагать, что такие ограничения накладываются на Я только с целью избежать неудовольствия, вытекающего из осознания своей неполноценности по сравнению с другими, т. е. из разочарования и обескураженности. В анализе десятилетнего мальчика я наблюдала такое ограничение деятельности как переходный симптом, имевший целью избежать непосредственной объективной тревоги. Но у этого ребенка была противоположная причина для тревоги. На определенной стадии своего анализа он стал блестящим футболистом. Его

доблесть была признана большими мальчиками в его школе, и к его огромному удовольствию они позволили ему присоединиться к ним в их играх, хотя он был намного младше их. Вскоре он рассказал следующий сон. Он играл в футбол, и большой мальчик ударил по мячу с такой силой, что мой пациент вынужден был перепрыгнуть через него, чтобы не быть сбитым. Он проснулся с чувством тревоги. Интерпретация сна показала, что гордость от того, что его приняли в игру большие мальчики, быстро обернулась тревогой. Он боялся, что они позавидуют его игре и станут агрессивными по отношению к нему. Ситуация, которую он сам создал, играя так хорошо, и которая вначале была источником удовольствия, стала источником тревоги. Та же самая тема вскоре вновь появилась в фантазии, когда он собирался ложиться спать. Ему показалось, что он видит, как другие мальчики пытаются отбить ему ноги большим футбольным мячом. Мяч с силой летел в него, и он поджимал ноги, чтобы уберечь их. Мы уже обнаружили в анализе этого мальчика, что ноги имеют для него особое значение. Круглым путем ольфакторных ощущений и представлений о негибкости и хромоте ноги стали представлять пенис. Сон к фантазия сдержали его страсть к игре. Его игра ухудшилась, и вскоре восхищение им исчезло. Смыслом этого отступления было: «Вам уже не нужно отбивать мне ноги, потому что я теперь не так хорошо играю».

Но процесс не окончился ограничением Я в одном направлении. Когда мальчик перестал играть, он внезапно развил другую сторону своих способностей — всегда имевшуюся у него склонность к литературе и написанию сочинений. Он начал читать мне стихи, некоторые из которых сочинил сам, принес мне короткие рассказы, написанные, когда ему было всего семь лет, и строил честолюбивые планы литературной карьеры. Футболист превратился в писателя. Во время одного из аналитических сеансов он построил график, чтобы проиллюстрировать свое отношение к различным мужским профессиям и хобби. В середине была большая жирная точка, обозначавшая литературу, в кружке вокруг нее находились различные науки, а практические профессии были обозначены более удаленными точками. В одном из верхних углов страницы, близко к краю, стояла маленькая точка. Она обозначала спорт, который совсем недавно занимал в его мыслях такое важное место. Маленькая точка была способом выразить то исключительное презрение, которое он теперь питал к спортивным играм. Было поучительно видеть, как за несколько дней при помощи процесса, напоминающего рационализацию, его осознанная оценка различных видов деятельности изменилась под влиянием тревоги. Литературные достижения мальчика в это время были поистине удивительными. Когда он перестал отличаться в играх, в функционировании его Я образовался разрыв, который был заполнен сверхизобилием продукции в другом направлении. Как и можно было ожидать, анализ показал, что в основе тревоги, связанной с мыслью о том, что старшие мальчики могут отомстить ему, лежала реактивация его соперничества с отцом.

Маленькая девочка десяти лет отправилась на свой первый бал, полная радостных предчувствий. Она надела новое платье и туфли, о которых долго мечтала, и с первого взгляда влюбилась в самого красивого и элегантного мальчика на балу. Случилось так, что, хотя он был ей совершенно незнаком, его звали так же, как и ее. Вокруг этого факта она соткала фантазию о том, что между ними есть тайная связь. Она делала ему авансы, но не встретила поддержки. В действительности, когда они танцевали вместе, он смеялся над ее неуклюжестью. Разочарование было одновременно и ударом, и унижением. С этого времени она стала избегать балов, утратила интерес к одежде и не хотела учиться танцевать. Некоторое время она получала удовольствие, глядя на то, как танцуют другие дети, не присоединяясь к ним и отказываясь от всех приглашений. Постепенно она стала относиться к этой стороне своей жизни с презрением. Но, как и маленький футболист, она компенсировала себе такое ограничение своего Я. Отказавшись от женских интересов, она стала выделяться интеллектуально и этим круглым путем в конце концов завоевала признание многих мальчиков своего возраста. Позже в анализе выяснилось,

что отпор, полученный ею от мальчика, которого звали так же, как и ее, означал для нее повторение травматического переживания раннего детства. Элементом ситуации, от которого убегало ее Я, как и в тех случаях, что я описывала раньше, была не тревога и не чувство вины, а интенсивное неудовольствие, вызванное неуспешным соревнованием.

Рассмотрим теперь различие между торможением и ограничением Я. Человек, страдающий от невротического торможения, защищает себя от перехода в действие некоторого запретного инстинктивного импульса, т. е. от высвобождения неудовольствия через некоторую внутреннюю опасность. Даже когда, как при фобиях, тревога и защита кажутся связанными с внешним миром, он на самом деле боится своих собственных внутренних процессов. Он избегает ходить по улицам, чтобы не подвергаться некогда осаждавшим его соблазнам. Он избегает вызывающего у него тревогу животного, чтобы защитить себя не от самого животного, а от тех агрессивных тенденций внутри себя, которые эта встреча может возбудить, и от их последствий. При этом в ограничении Я неприятные внешние впечатления в настоящем отвергаются, потому что они могут оживить сходные впечатления, бывшие в прошлом. Возвращаясь к нашему сравнению между механизмами вытеснения и отрицания, мы можем сказать, что различие между торможением и ограничением Я заключается в следующем: в первом случае Я защищается от своих собственных внутренних процессов, во втором — от внешних стимулов.

Из этого фундаментального различия следуют и другие различия между этими двумя психическими ситуациями. За каждой невротически заторможенной активностью лежит инстинктивное желание. Упрямство, с которым каждый отдельный импульс Оно стремится достичь своей цели, превращает простой процесс торможения в фиксированный невротический симптом, который представляет собой постоянный конфликт между желанием Оно и защитой, воздвигнутой Я. Пациент растрчивает в этой борьбе свою энергию; его импульсы Оно с небольшими изменениями присоединяются к желанию считать, говорить публично, играть на скрипке или чем-нибудь еще, тогда как Я в это время с не меньшим упорством препятствует или, по крайней мере, искажает выполнение его желания.

Когда ограничение Я осуществляется вследствие объективной тревоги или неудовольствия, такой фиксации на прерываемой деятельности не происходит. Здесь подчеркивается не сама деятельность, а неудовольствие или удовольствие, которое она вызывает. В погоне за удовольствием и в усилиях избежать неудовольствия Я использует все свои способности. Оно прекращает те виды деятельности, которые высвобождают неудовольствие и тревогу, и не хочет больше заниматься ими. Забрасывается вся область интересов, и, если опыт Я был неудачным, оно направляет всю свою энергию на достижение чего-либо прямо противоположного. Примером этому может служить маленький футболист, обратившийся к литературе, и маленькая танцовщица, чье разочарование привело к тому, что она стала отличницей. Конечно, в этих случаях Я не создало новых способностей; оно просто использовало те, которыми уже обладало.

Как метод избегания неудовольствия, ограничение Я, подобно различным формам отрицания, не относится исключительно к психологии неврозов, а представляет собой нормальную стадию в развитии Я. Когда Я молодо и пластично, его уход от одной области деятельности иногда компенсируется превосходством в другой, на которой оно концентрируется. Но когда оно стало ригидным или уже приобрело интолерантность к неудовольствию, став таким образом навязчиво фиксированным на способе избегания, такой уход карается нарушенным развитием. Сдавая одну позицию за другой, оно становится односторонним, утрачивает слишком много интересов и может добиться лишь небольших достижений.

В теории воспитания важность решимости детского Я избежать неудовольствия оценена

недостаточно, и это привело к провалу ряда воспитательных экспериментов в недавнем прошлом. Современный метод заключается в том, чтобы давать растущему Я ребенка большую свободу действий и особенно позволять ему свободно выбирать виды деятельности и интересы. Идея состоит в том, что таким образом Я лучше разовьется и сможет быть достигнута сублимация в различных формах. Но дети в подростковом возрасте могут придавать большее значение избеганию тревоги и неудовольствия, чем прямому или косвенному удовлетворению инстинкта. Во многих случаях при отсутствии внешнего руководства выбор ими занятия определяется не их конкретными талантами и способностями к сублимации, а надеждой обезопасить себя как можно быстрее от тревоги и неудовольствия. К удивлению воспитателя, результатом свободы выбора в таких случаях оказывается не расцвет личности, а обеднение Я.

Такие защитные меры против объективного неудовольствия и опасности, как те три, которые я использовала в этой главе в качестве иллюстрации, представляют собой со стороны детского Я профилактику невроза — профилактику, которую оно предпринимает на свой собственный страх и риск. Для того чтобы избежать страдания, оно препятствует развитию тревоги и деформирует само себя. Кроме того, защитные меры, которые оно усваивает, — будь то бегство от физической доблести к интеллектуальным достижениям, или упорная решимость женщины быть на равной ноге с мужчинами, или ограничение деятельности общением только с более слабыми — в дальнейшей жизни подвержены всем видам нападений извне. Человек может оказаться вынужденным изменить свой образ жизни из-за какой-нибудь катастрофы, такой, как утрата объекта любви, болезнь, бедность или война, и тогда Я опять столкнется с исходной ситуацией тревоги. Утрата привычной защиты от тревоги может, подобно фрустрации какого-то привычного удовлетворения инстинкта, стать непосредственной причиной невроза.

Дети еще в такой степени зависимы от других людей, что такие возможности формирования невроза могут быть созданы или устранены в зависимости от действий взрослых. Ребенок, который ничему не учится в школе со свободным методом преподавания и проводит время просто наблюдая или рисуя, при строгом режиме становится «заторможенным». Жесткое настаивание других людей на какой-либо неприятной деятельности может заставить его зафиксироваться на ней, но тот факт, что он не может избежать неудовольствия, заставляет его искать новые способы овладения этим чувством. Однако даже полностью развернутое торможение или симптом могут быть изменены, если обеспечена внешняя защита. Мать, чья тревога возбуждена и чье самолюбие унижено при виде дефекта своего ребенка, будет защищать и охранять его от неприятных внешних ситуаций. Но это означает, что ее отношение к симптому ребенка в точности такое же, как у больного фобией к своим приступам тревоги: искусственно ограничивая свободу действий ребенка, она позволяет ему убежать и избежать страдания. Совместные усилия матери и ребенка по обеспечению безопасности ребенка от тревоги и неудовольствия, по всей видимости, приведут к исчезновению симптомов, столь характерных для детских неврозов. В таких случаях невозможно объективно оценить тяжесть симптоматики ребенка до тех пор, пока он не будет лишен своей защиты.

В. Примеры Двух типов защиты

IX

ИДЕНТИФИКАЦИЯ С АГРЕССОРОМ

Вскрыть защитные механизмы, к которым обычно прибегает Я, бывает относительно легко, когда каждый из них исподльзуются раздельно и лишь в случае конфликта с какой либо опасностью. Когда мы обнаруживаем отрицание мы знаем это реакция на какую либо опасность; когда имеет место вытеснение, Я борется с инстинктивным стимулом. Сильное внешнее сходство между торможением и ограничением Я с меньшей уверенностью позволяет говорить, являются ли процессы частью внешнего или внутреннего конфликта. дело обстоит

намного сложнее, когда защитные механизмы сочетаются или когда один и тот же механизм используется то против внешней, то против внутренней силы. Прекрасной иллюстрацией обоих этих трудностей является процесс идентификации. Поскольку это один из факторов развития Сверх-Я, он участвует в овладении инстинктом. Но, как я надеюсь показать ниже, бывают случаи, когда идентификация сочетается с другими механизмами, образуя одно из наиболее мощных орудий Я в его действиях с внешними объектами, возбуждающими тревогу.

Август Айхорн рассказывает, что, когда он консультировал школьный комитет, ему пришлось иметь дело с учеником начальной школы, которого привели к нему из-за привычки гримасничать. Учитель жаловался на то, что поведение мальчика, когда его ругали или порицали, было ненормальным. Он начинал при этом корчить такие гримасы, что весь класс взрывался от смеха. Учитель считал, что либо мальчик насмехается над ним, либо лицо у него дергается из-за какого-нибудь тика. Его слова тут же подтвердились, потому что мальчик начал гримасничать прямо на консультации, но, когда учитель, мальчик и психолог оказались вместе, ситуация разъяснилась. Наблюдая внимательно за обоими, Айхорн увидел, что гримасы мальчика были просто карикатурным отражением гневного выражения лица учителя и бессознательно копировали его лицо во время речи. Своими гримасами он ассимилировался, или идентифицировался, с угрожающим внешним объектом.

Мои читатели вспомнят случай с маленькой девочкой, которая пыталась при помощи магических жестов справиться с унижением, связанным с завистью к пенису. Этот ребенок сознательно и целенаправленно использовал механизм, к которому мальчик прибегал неосознанно. Дома она боялась проходить через темный зал из страха перед привидениями. Однако внезапно она обнаружила способ, позволявший ей делать это: она пробегала через зал, выделявая различные странные жесты. Девочка с триумфом сообщила своему младшему брату секрет того, как она справилась со своей тревогой. «Можно не бояться, когда идешь через зал,— сказала она,— нужно лишь представить себе, что ты то самое привидение, которое должно тебе встретиться». Так обнаружилось, что ее магические жесты представляют собой движения, которые, по ее мнению, должно делать привидение.

Мы можем рассматривать такой вид поведения у двух описанных мною детей как идиосинкразию, но в действительности для примитивного Я это один из наиболее естественных и распространенных типов поведения, давно известный тем, кто исследует примитивные способы вызывать и изгонять духов и примитивные религиозные церемонии. Кроме того, существует много детских игр, в которых посредством превращения субъекта в угрожающий объект тревога превращается в приятное чувство безопасности. Это— новый подход к изучению игр с перевоплощением, в которые так любят играть дети.

Однако физическая имитация антагониста представляет собой ассимиляцию лишь одного элемента сложного переживания тревоги. Нам известно из наблюдения, что имеются и другие элементы, которыми необходимо овладеть. Шестилетний пациент, на которого я уже ссылаюсь, должен был несколько раз посетить зубного врача. Вначале все шло замечательно. Лечение не причиняло ему боли, он торжествовал и потешался над самой мыслью о том, что кто-то может этого бояться. Но в один прекрасный день мой маленький пациент явился ко мне в на редкость плохом настроении. Врач сделал ему больно. Он был раздражен, недружелюбен и вымещал свои чувства на вещах в моей комнате. Его первой жертвой стал кусок индийского каучука. Он хотел, чтобы я дала ему его, а когда я отказалась, он взял нож и попытался разрезать его пополам. Затем он пожелал большой клубок бечевки. Он хотел, чтобы я и его отдала ему, и живо обрисовал мне, какие замечательные поводки он сделает из нее для своих животных. Когда я отказалась отдать ему весь клубок, он снова взял нож и отрезал большой кусок бечевки, но не использовал его. Вместо этого через несколько минут он начал резать бечевку на мелкие кусочки. Наконец он отбросил клубок и обратил свое внимание на карандаши—начал без устали

затачивать их, ломая кончики и затачивая снова. Было бы неправильно сказать, что он играл «в зубного врача». Реального воплощения врача не было. Ребенок идентифицировался не с личностью агрессора, а с его агрессией.

В другой раз этот маленький мальчик пришел ко мне сразу после того, как с ним случилось небольшое происшествие. Он участвовал в игре во дворе школы и на всем ходу налетел на кулак учителя физкультуры, который тот как раз случайно выставил перед собой. Губа у него была разбита, лицо залито слезами, и он пытался спрятать и то и другое, закрывая лицо руками. Я попыталась утешить и успокоить его. Он ушел от меня очень расстроенным, но на следующий день появился снова, держась очень прямо, и был вооружен до зубов. На голове у него была военная каска, на боку—игрушечный меч, а в руке— пистолет. Увидев, что я удивлена этой перемене, он сказал мне просто: «Я хотел, чтобы все это было у меня с собой, когда я буду играть с вами». Однако он не стал играть; вместо этого он сел и написал письмо своей матери: ' «Дорогая мамочка, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пришли мне перочинный нож, который ты мне обещала, и не жди до Пасхи!» В этом случае мы тоже не можем сказать, что для того, чтобы овладеть тревожным переживанием предыдущего дня, он воплотил в себе учителя, с которым столкнулся. В данном случае он не имитировал и его агрессию.. Оружие и форма, будучи мужскими атрибутами, явно символизировали силу учителя и, подобно атрибутам отца в фантазиях о животных, помогли ребенку идентифицироваться с мужественностью взрослого и тем защититься от нарциссического унижения или от реальных неудач.

Приведенные примеры иллюстрируют знакомый нам процесс. Ребенок интроецирует некоторые характеристики объекта тревоги и тем самым ассимилирует уже перенесенное им переживание тревоги. Здесь механизм идентификации или интроекции сочетается с другим важным механизмом. Воплощая агрессора, принимая его атрибуты или имитируя его агрессию, ребенок преобразуется из того, кому угрожают, в того, кто угрожает. В «По ту сторону принципа удовольствия» (З.Фрейд, 1920) детально обсуждается значение такого перехода от пассивной к активной роли как средства ассимиляции неприятного или травматического опыта в детстве. «Если доктор смотрел у ребенка горло или произвел небольшую операцию, то это страшное происшествие, наверно, станет предметом ближайшей игры, но нельзя не заметить, что получаемое при этом удовольствие проистекает из другого источника. В то время как ребенок переходит от пассивности переживания к активности игры, он переносит это неприятное, которое ему самому пришлось пережить, на товарища по игре и мстит таким образом тому, кого этот последний замещает» (З.Фрейд, р. 17). То, что истинно относительно игры, истинно также и относительно другого поведения детей. В случае мальчика, корчившего гримасы, и девочки, практиковавшей магию, не ясно, что в конце концов стало с угрозой, с которой они идентифицировались, но в случае плохого настроения другого мальчика агрессия, принятая от зубного врача и учителя физкультуры, была направлена против всего мира в целом. Этот процесс трансформации еще больше поражает нас своей необычностью, когда тревога связана не с каким-то событием в прошлом, а с чем-то ожидаемым в будущем. Я вспоминаю мальчика, имевшего привычку яростно трезвонить входным звонком детского дома, в котором он жил. Как только дверь открывалась, он начинал громко бранить горничную за то, что она так долго не открывала и не слышала звонка. В промежутке между звонком и приступом ярости он испытывал тревогу, как бы его не отругали за его невоспитанность—за то, что он звонит слишком громко. Он набрасывался на служанку, прежде чем она успевала пожаловаться на его поведение. Горячность, с которой он бранил ее,— профилактическая мера — указывала на интенсивность его тревоги. Принятая им агрессивность была направлена на конкретного человека, от которого он ожидал агрессии, а не на какое-либо замещение. Обращение ролей нападающего и подвергающегося нападению было в данном случае доведено до своего

логического завершения.

Женни Вельдер дала яркое описание этого процесса у пятилетнего мальчика, которого она лечила*. Когда анализ подошел вплотную к материалу, касающемуся мастурбации и связанных с ней фантазий, мальчик, до того застенчивый и заторможенный, стал невероятно агрессивным. Его обычно пассивное отношение исчезло, и от его женственных черт не осталось и следа. Во время анализа он заявлял, что он рычащий лев, и нападал на аналитика. Он носил с собой прут и играл в Крэмпуса**, т. е. стегал им направо и налево, когда шел по лестнице у себя дома, а также в моей комнате. Его бабушка и мать жаловались, что он пытается ударить их по лицу. Беспокойство матери достигло предела, когда он принялся размахивать кухонными ножами. Анализ показал, что агрессивность ребенка не может считаться указанием на то, что было снято торможение каких-то его инстинктивных импульсов. До высвобождения его мужских стремлений было еще далеко. Он просто страдал от тревоги. Введение в сознание и необходимое признание его более ранней и недавней сексуальной активности возбудили в нем ожидание наказания. Согласно его опыту, взрослые сердились, когда обнаруживали, что ребенок занимается такими вещами. Они кричали на него, отпускали ему пощечины или били его розгой; возможно, они могли бы даже что-то отрезать у него ножом.

* Устное сообщение на Венском семинаре по лечению детей (см.: К. ****, 1946).

** Черт, сопровождавший св. Николая и наказывавший непослушных детей.

Когда мой маленький пациент принял на себя активную роль, рыча, как лев, и размахивая прутком и ножом, он драматизировал и предвосхищал наказание, которого так боялся. Он интроецировал агрессию 'взрослых, в чьих глазах ощущал себя виноватым, и, сменив пассивную роль на активную, направил свои собственные агрессивные действия против этих самых людей. Каждый раз, когда мальчик оказывался на грани сообщения мне того, что он считал опасным материалом, его агрессивность возрастала. Но, как только его запретные мысли и чувства были высказаны, обсуждены и интерпретированы, ему стал не нужен прут Крэмпуса, который до этого он неизменно таскал с собой, и он оставил его у меня дома. Его навязчивое стремление бить других исчезло вместе с исчезновением тревожного ожидания того, что побьют его самого. «Идентификация с агрессором» представляет собой нормальную стадию развития Сверх-Я. Когда два мальчика, чьи случаи я описала, идентифицировались с угрозой наказания, исходящей от старших, они сделали важный шаг к формированию Сверх-Я: они интернализировали критику другими их поведения. Когда ребенок постоянно повторяет этот процесс интернализации и интроецирует качества людей, ответственных за его воспитание, присваивая их характеристики и мнения, он постоянно поставляет материал, из которого может формироваться Сверх-Я. Но в это время ребенок еще не признает всем сердцем эту организацию. Интернализованная критика не сразу становится самокритикой. Как мы видели на приведенных мною примерах, она еще отделена от собственного предосудительного поведения ребенка и оборачивается назад, во внешний мир. При помощи нового защитного процесса идентификация с агрессором сменяется активным нападением на внешний мир.

Рассмотрим более сложный пример, который, возможно, прольет свет на это новое развитие защитного процесса. Один мальчик на пике своего эдипова комплекса использовал этот конкретный механизм для овладения фиксацией на своей матери. Его прекрасные отношения с ней были нарушены взрывами негодования. Он укорял ее страстно и по самым разным поводам, но одно странное обвинение фигурировало постоянно; он упорно жаловался на ее любопытство. Легко увидеть первый шаг в проработке его заторможенных аффектов. В его воображении мать знала о его либидозном чувстве к ней и с возмущением отвергала его авансы. Ее возмущение активно воспроизводилось в его собственных взрывах негодования по отношению к ней.

Однако в противоположность пациенту Женни Вельдер он упрекал ее не вообще, а конкретно в любопытстве. Анализ показал, что это любопытство было элементом инстинктивной жизни не его матери, а его собственной. Из всех составляющих инстинктов, входящих в его отношения с ней, скопофилическим* импульсом овладеть было труднее всего. Обращение ролей было полным. Он принял на себя возмущение своей матери, а ей взамен приписал свое собственное любопытство.

На некоторых фазах сопротивления молодая пациентка горько упрекала аналитика в скрытности. Она жаловалась на то, что аналитик слишком скрытна, приставала к ней с личными вопросами и очень расстраивалась, если не получала ответа. После этого упреки прекращались, но вскоре начинались вновь, всегда одним и тем же стереотипным, по-видимому, автоматизированным образом. В этом случае мы также можем выделить в психическом процессе две фазы. Время от времени по причине торможения, мешавшего ей выговориться, пациентка сознательно сама вытесняла очень личный материал. Она знала, что нарушает основное правило анализа, и ожидала, что аналитик будет упрекать ее. Она интроецировала вымышленный упрек и, приняв активную роль, принялась упрекать аналитика. Ее фазы агрессии в точности совпадали во времени с фазами скрытности. Она критиковала аналитика как раз за то, в чем сама чувствовала себя виноватой. Ее собственное скрытное поведение воспринималось как предосудительное поведение со стороны аналитика.

У другой молодой пациентки периодически случались вспышки невероятной агрессивности. Объектами этих вспышек были я, ее родители и другие менее близкие ей люди. В особенности она жаловалась на две вещи. Во-первых, во время этих фаз у нее было такое чувство, что люди скрывают от нее что-то, известное всем, кроме нее, и ее мучило желание узнать, что же это такое.

* Скопофилия—влечение к подглядыванию за половым актом или обнаженным представителем избранного пола.—Прим. ред.

Во-вторых, она была глубоко разочарована недостатками всех своих друзей. Как и в предыдущем случае, когда периоды, в которые пациентка скрывала материал, совпадали с периодами жалоб на скрытность аналитика, у этой пациентки агрессивные фазы наступали автоматически, как только ее вытесненные фантазии о мастурбации, не осознаваемые ею самой, готовы были всплыть в ее сознании. Осуждение ею собственных объектов любви соответствовало порицанию, которого она ожидала от них из-за своей детской мастурбации. Она полностью идентифицировалась с этим осуждением и обернула его против внешнего мира. Тайна, которую все от нее скрывали, была тайной ее собственной мастурбации, которую она хранила не только от других, но и от себя. Здесь также агрессивность пациентки соответствует агрессивности других людей, а ее тайна является отражением ее собственного вытеснения.

Эти три примера дали нам некоторое представление об истоках этой фазы в развитии функционирования Сверх-Я. Даже после того как внешняя критика была интроецирована, угроза наказания и допущенный проступок все еще не соединились в психике пациента. В то время как критика интернализуется, проступок экстернализуется. Это означает, что механизм идентификации с агрессором дополняется другой защитной мерой, а именно проекцией вины. Я, которое при помощи защитного механизма проекции развивается в этом направлении, интроецирует авторитеты, критике которых оно подвержено, и включает их в Сверх-Я. После этого оно становится способным проецировать запретные импульсы вовне. Его нетерпимость по отношению к другим людям опережает строгость по отношению к себе. Я узнает, что достойно порицания, но защищается от неприятной самокритики при помощи этого защитного механизма. Сильное негодование по поводу чужих неправильных поступков —

предшествование и замещение чувства вины по отношению к самому себе. Негодование Я возрастает автоматически, когда близится восприятие его собственной вины. Эта стадия развития Сверх-Я представляет собой предварительную фазу нравственности. Истинная нравственность начинается тогда, когда интернационализованная критика, теперь включенная в предъявляемую Сверх-Я норму, совпадает с восприятием своего собственного проступка со стороны Я. Начиная с этого момента строгость Сверх-Я обращается вовнутрь, а не наружу, и человек становится не столь нетерпимым к другим людям. Но, достигнув этой стадии своего развития, Я должно выдерживать острейшее неудовольствие, причиняемое самокритикой и чувством вины.

Вполне возможно, что многие люди задерживаются на промежуточной стадии развития Сверх-Я и никогда не завершают интернализации процесса критики. Хотя они и воспринимают свою собственную вину, тем не менее продолжают оставаться весьма агрессивными по отношению к другим людям. В таких случаях поведение Сверх-Я по отношению к другим столь же безжалостно, как и поведение Сверх-Я по отношению к собственному Я пациента при меланхолии. По-видимому, когда развитие Сверх-Я таким образом заторможено, преждевременно начинают развиваться меланхолические состояния.

«Идентификация с агрессором» представляет собой, с одной стороны, предварительную фазу развития Сверх-Я, а с другой — промежуточную стадию развития паранойи. Она сходна с первой механизмом идентификации, а со второй — механизмом проекции. В то же время идентификация и проекция представляют собой нормальные виды деятельности Я, и их результаты существенно различаются в зависимости от того материала, к которому они применены.

Конкретное сочетание интроекции и проекции, которое мы обозначили термином «идентификация с агрессором», может рассматриваться как нормальное лишь в той мере, в какой Я использует этот механизм в своем конфликте с авторитетом, т. е. в своих попытках совладать с объектом тревоги. Это защитный процесс, который перестает быть безобидным и становится патологическим, когда он направлен на любовную жизнь человека. Когда муж перемещает на жену свое собственное стремление к неверности, а затем страстно упрекает ее в неверности, в действительности он интроецирует упреки жены и проецирует часть своего Оно. Его намерение, однако, заключается в защите себя не от агрессии извне, а от разрушения своей позитивной либидозной фиксации на ней возмущающими внешними силами. Соответственно отличается и результат. Вместо агрессивного отношения к бывшему внешнему противнику пациент развивает навязчивую фиксацию на своей жене, и эта фиксация приобретает форму проецируемой ревности.

Когда механизм проекции используется как защита от гомосексуальных любовных импульсов, он сочетается еще и с другими механизмами. Обращение (в этом случае обращение любви в ненависть) дополняет то, что начали интроекция и проекция, и результатом оказывается развитие параноидальных иллюзий. В любом случае — при защите против гетеросексуальных или гомосексуальных любовных импульсов — проекция больше не является произвольной. Выбор места для своих бессознательных импульсов со стороны Я определяется «наличным материалом, в котором проявляются аналогичные бессознательные импульсы партнера».

С теоретической точки зрения анализ процесса «идентификации с агрессором» помогает нам различать способы употребления конкретных защитных механизмов; на практике это позволяет нам отличать приступы тревоги в переносе от вспышек агрессии. Когда анализ вносит в сознание пациента истинные бессознательные агрессивные импульсы, сдерживаемый аффект будет искать выход через отреагирование в переносе. Но если в основе его агрессии лежит то, что, как он предполагает, является нашей критикой, стремление «дать ей практический выход»

и «отреагировать» ее не окажет на агрессию ни малейшего влияния. Агрессия возрастает, пока бессознательные импульсы остаются запретными, и исчезает, как у маленького мальчика, который признался в своей мастурбации, лишь с исчезновением страха перед наказанием и перед Сверх-Я.

Х. ФОРМА АЛЬТРУИЗМА

Механизм проекции нарушает связь между идеационными представлениями опасных инстинктивных импульсов и Я. В этом он очень напоминает процесс вытеснения. Другие защитные процессы, такие, как смещение, обращение или борьба против себя самого, влияют на сам инстинктивный процесс; вытеснение и проекция в основном предотвращают его осознание. При вытеснении нежелательная идея отбрасывается обратно в Оно, тогда как при проекции она смещается во' внешний мир. Другим моментом, в котором проекция сходна с вытеснением, является то, что она не связана ни с какой конкретной тревожной ситуацией, но в равной мере может быть мотивирована объективной тревогой, тревогой Сверх-Я и инстинктивной тревогой. Авторы английской школы психоанализа утверждают, что в первые месяцы жизни, еще до всякого вытеснения, ребенок уже проецирует свои первые агрессивные импульсы и что этот процесс чрезвычайно важен для формирующегося у ребенка представления об окружающем мире и для направления, в котором развивается его личность.

Во всяком случае, использование механизма проекции весьма естественно для Я маленьких детей в ранний период развития. Они используют его как способ отрицания своих собственных действий и желаний, когда те становятся опасными, и для возложения ответственности за них на какую-то внешнюю силу. «Чужой ребенок», животное, даже неодушевленные предметы могут быть использованы детским Я для того, чтобы избавиться от своих собственных недостатков. Для него естественно постоянно избавляться таким образом от запретных импульсов и желаний, полностью возлагая их на других людей. Если эти желания влекут за собой наказание со стороны старших, Я выставляет в качестве мальчика для битвы тех людей, на которых оно их спроецировало; если же проекция была вызвана чувством вины, то вместо того, чтобы критиковать себя, Я обвиняет других. В любом случае оно отделяет себя от своих действий и в своих суждениях о них проявляет крайнюю нетерпимость.

Механизм проекции нарушает наши человеческие отношения, когда мы проецируем нашу собственную ревность и приписываем другим людям наши собственные агрессивные действия. Но он может также действовать и иным образом, позволяя нам формировать дружеские привязанности и тем самым укреплять наши отношения друг с другом. Эта нормальная и менее заметная форма проекции может быть названа «альтруистическим подчинением» * наших собственных инстинктивных импульсов в пользу других людей.

Ниже следует пример того, что я имею в виду. Молодая гувернантка сообщила в ходе анализа, что в детстве она была одержима двумя идеями — хотела иметь красивую одежду и много детей. В своих мечтах она была почти полностью поглощена картиной осуществления этих двух желаний. Но она хотела и многого другого — иметь и делать все то, что имели и делали ее друзья, бывшие намного старше; в действительности она хотела все делать лучше них и хотела, чтобы ею восхищались за ее ум. Ее вечный крик «И я!» бесконечно надоел старшим членам семьи. Он свидетельствовал о ее желаниях, которые были одновременно острыми и ненасыщаемыми.

Что больше всего поражало в ней взрослой—так это ее скромный характер и непритязательность требований к жизни. Когда она пришла на анализ, она была незамужней и бездетной, а ее одежда—поношенной и неброской. Она не проявляла зависти и честолюбия и соревновалась с другими людьми лишь в том случае, если ее вынуждали к этому внешние

обстоятельства.

* термин был предложен Эдвардом Бибрингом

Первое впечатление было таким, что, как это часто бывает, она развилась в прямо противоположном направлении, нежели этого можно было ожидать по ее детству, а ее желания были вытеснены и замещены в сознании формированием реакций (скромность вместо стремления к восхищению и неприязнательность вместо честолюбия). Можно было ожидать, что причина вытеснения лежит в запрете сексуальности, распространяясь с ее эксгибиционистских импульсов и желания иметь детей на всю инстинктивную жизнь.

Но в то время, когда я познакомилась с ней, в ее поведении были особенности, противоречившие такому впечатлению. Когда ее жизнь была изучена более детально, стало ясно, что ее исходные желания проявились таким образом, который был бы невозможен, если бы имело место вытеснение. Отрицание ее собственной сексуальности не уничтожило в ней живого интереса к любовной жизни ее подруг и коллег. Она с энтузиазмом занималась сватовством, и ей доверялось много любовных историй. Хотя она и не проявляла никакой заботы о своей собственной одежде, она живо интересовалась одеждой своих друзей. Сама бездетная, она была предана чужим детям, на что указывала и выбранная ею профессия. Она была чрезвычайно озабочена тем, чтобы у ее друзей была красивая одежда, чтобы ими восхищались и чтобы у них были дети. Точно так же, несмотря на свое собственное скромное поведение, она проявляла честолюбие в отношении мужчин, которых она любила, и с чрезвычайным интересом следила за их карьерой. Было похоже на то, что ее собственная жизнь была полностью лишена интересов и желаний; вплоть до времени анализа в ней практически не случалось никаких событий. Вместо того чтобы стремиться к достижению собственных целей, она растрчивала всю свою энергию на сочувствие людям, о которых заботилась. Она жила жизнью других людей вместо того, чтобы иметь какие-либо переживания в своей собственной.

Анализ ее отношений с матерью и отцом в детстве ясно обнаружил природу происшедшей с ней внутренней трансформации. В результате ее раннего отказа от инстинкта сформировалось исключительно строгое Сверх-Я, которое сделало для нее невозможным удовлетворение ее собственных желаний. Ее желание иметь пенис, с ответвлениями в форме честолюбивых мужских фантазий, было запрещено, равно как и ее женское желание показаться своему отцу голой или в красивой одежде и завоевать его восхищение. Но эти импульсы не были вытеснены: она нашла замещения во внешнем мире для размещения каждого из них. Тщеславие подруг дало опору для проекции ее собственного тщеславия, а ее либидозные желания и честолюбивые фантазии также были размещены во внешнем мире. Она спроецировала свои запретные инстинктивные импульсы на других людей точно так же, как и пациенты, которых я описывала в предыдущей главе. Единственное различие заключается в том, как потом обращались с этими импульсами. Пациентка не отделяла себя от своих замещений, а идентифицировалась с ними. Она демонстрировала сочувствие желаниям других людей и чувствовала наличие необычайно сильной связи между этими людьми и собой. Ее Сверх-Я, осуждавшее конкретный инстинктивный импульс, когда он был связан с ее собственным Я, оказывалось неожиданно терпимым к нему в других людях. Она удовлетворяла свои инстинкты, соучаствуя в их удовлетворении другими, используя для этой цели механизмы проекции и идентификации *. Установка на скромность и запрет ее собственных импульсов привели к тому, что сама она словно исчезала, когда речь шла об удовлетворении тех же самых желаний после того, как они были спроецированы на других. Таким образом, ее отказ от своих собственных инстинктивных импульсов в пользу других людей имеет эгоистическое значение, но ее поведение, стремящееся удовлетворить импульсы других, не может быть названо иначе как альтруистическое.

Такая передача своих собственных желаний другим людям была характерна для всей ее жизни и очень ясно прослеживалась в анализе маленьких изолированных инцидентов. Например, в возрасте тринадцати лет она тайно влюбилась в друга своей старшей сестры, который ранее был объектом ее ревности.

* Ср. с понятием «сочувствующей» идентификации и комментариями П. Федерна по этому поводу 1936).

Ей представлялось, что временами он предпочитает ее сестре, и она всегда надеялась, что он как-нибудь даст ей понять, что любит ее. Однажды, как это уже бывало не раз, случилось так, что ею пренебрегли. Молодой человек неожиданно позвонил вечером и пригласил ее сестру на прогулку. В анализе пациентка очень отчетливо вспомнила, как, вначале будучи парализованной от разочарования, она вдруг начала суетиться, приносить все, чтобы сделать сестру «красивой» для прогулки, и нетерпеливо помогать ей подготовиться. Занимаясь этим, пациентка почувствовала себя совершенно счастливой и совсем забыла, что развлекаться идет не она, а ее сестра. Она спроецировала свое желание любви и стремление к восхищению на свою соперницу и, идентифицировавшись с объектом своей зависти, наслаждалась выполнением своего желания.

Она проходила через тот же самый процесс, когда дело касалось не исполнения желания, а, скорее, его фрустрации. Она любила давать детям, за которыми ухаживала, разные вкусные вещи. Однажды мать отказала своему ребенку в каком-то лакомстве. Хотя сама пациентка была к лакомствам равнодушна, отказ матери ее страшно возмутил. Она пережила фрустрацию желания ребенка так, словно оно было ее собственным, точно так же как в другом случае она наслаждалась исполнением желаний своей сестры. Очевидно, что то, что она делала для других людей, давало ей возможность беспрепятственно реализовывать собственные желания.

Эта последняя черта проявляется даже еще ярче в переживаниях другой пациентки. Молодая женщина, бывшая в очень дружеских отношениях со своим свекром, очень странно прореагировала на смерть свекрови. Вместе с другой женщиной из семьи она взялась распорядиться вещами покойной. В отличие от всех остальных моя пациентка отказалась взять себе хоть одну вещь. Вместо этого она отложила одно пальто в подарок отсутствовавшей в то время кузине. Сестра свекрови хотела отрезать от пальто меховой воротник и взять его себе; и тут пациентка, которая до этого была безразличной и незаинтересованной, впала в бешеную ярость. Всю ярость своей обычно заторможенной агрессии она обратила на свою тетку и настояла на том, что ее протеже получит то, что она хотела ей отдать. Анализ этого инцидента показал, что пациентка не взяла ничего из вещей свекрови из-за чувства вины. Взять что-нибудь символизировало для нее исполнение желания занять место свекрови рядом со свекром. Поэтому она отказалась от всех своих притязаний и от желания стать наследницей своей «матери» в пользу кузины. Сделав это, однако, она почувствовала всю силу желания и смогла настоять на его реализации, чего бы она никогда не сделала, если бы речь шла о ней самой. Сверх-Я, столь беспощадно относившееся к ее собственному инстинктивному импульсу, санкционировало желание, когда оно перестало быть связанным с собственным Я пациентки. Когда дело касалось выполнения желания другого человека, агрессивное поведение, которое до этого обычно тормозилось, вдруг стало приемлемым для Я.

Обратив внимание на такое сочетание проекции и идентификации, используемое в целях защиты, мы можем увидеть в повседневной жизни множество случаев, подобных описанным мною. Например, молодая девушка, мучившаяся сомнениями по поводу собственного замужества, делала все, что могла, чтобы устроить помолвку своей сестры. Пациент, который страдал от навязчивого торможения и не мог истратить на себя ни копейки, не колебался в щедрых тратах на подарки. Другая пациентка, которую ее тревога удерживала от путешествия,

оказалась неожиданно настойчивой в советах друзьям предпринять его. Во всех этих случаях идентификация пациента с другом, сестрой, получателем подарка выдает себя неожиданным теплым чувством связи между ними, которое сохраняется до тех пор, пока косвенным образом не будет удовлетворено его собственное желание. Шутки о «сводничестве старых дев» и о «надоедливых наблюдателях, для которых ни одна ставка не является слишком высокой» *, неувядаемы. Передача своих собственных желаний другому человеку и попытка таким косвенным образом обеспечить безопасность их удовлетворения, без сомнения, сродни тому интересу и удовольствию, которые получает человек, наблюдая за игрой, в которой сам он не делает ставок.

Этот защитный процесс служит двум целям. С одной стороны, он позволяет человеку проявлять дружеский интерес к удовлетворению инстинктов других людей и, таким образом, косвенно и несмотря на запрет Сверх-Я удовлетворять свои собственные; с другой стороны, он высвобождает заторможенную активность и агрессию, исходно предназначенные для обеспечения удовлетворения инстинктивных желаний в их первичной связи с самим собой. Пациентка, которая не может и пальцем пошевелить для удовлетворения своих собственных оральных импульсов, может чувствовать негодование при отказе матери удовлетворить своего ребенка, т.е. при ограничении оральных импульсов кого-то другого. Для невестки, для которой унаследование имущества покойной запретно, допустимо защищать символические права другого со всей силой собственной агрессии. Служащий, который никогда не осмелится попросить о повышении зарплаты для себя, осаждает руководителя требованиями в защиту интересов своего коллеги. Анализ таких ситуаций показывает, что истоки этого защитного процесса лежат в конфликте ребенка с властью родителей по поводу определенных форм удовлетворения инстинкта. Агрессивные импульсы, направленные против матери и сдерживавшиеся все время, пока дело касалось удовлетворения собственных желаний человека, высвобождаются, когда желания являются чьими-то чужими. Наиболее знакомым представителем такого типа личности является человек, занимающийся благотворительностью, который с крайней агрессивностью и энергией требует денег у одной группы людей для того, чтобы отдать их другой. По-видимому, крайним выражением этого является случай убийцы, который во имя угнетаемого убивает угнетателя. Объектом, на который направляется высвободившаяся агрессия, неизменно оказывается представитель власти, принуждавшей человека в детстве к отказу от инстинкта.

Различные факторы определяют выбор объекта, во имя которого происходит отказ от инстинктивных импульсов. Возможно, что восприятия запретного импульса в другом человеке оказывается достаточно для того, чтобы указать Я на возможность проекции. В случае пациентки, распределявшей имущество свекрови, тот факт, что замещающая фигура не была близкой родственницей, являлся гарантией безопасности желания самой пациентки, представлявшего собой ее кровосмесительные импульсы. В большинстве случаев замещающий объект ранее был объектом зависти. Альтруистичная гувернантка в моем первом примере сместила собственные честолюбивые мечты на своих друзей-мужчин, а свои либидозные желания — на подруг. Первые пришли на смену ее привязанности к отцу и старшему брату, которые оба были объектами ее зависти к пенису, а последние представляли сестру, на которую в более позднем периоде детства эта зависть была смещена в форме зависти к ее красоте. "Пациентка чувствовала, что, будучи девочкой, она не сможет реализовать своих честолюбивых стремлений, и в то же время она не была достаточно красивой для того, чтобы привлекать внимание мужчин. Разочаровавшись в себе, она сместила свои желания на объекты, которые, как она чувствовала, лучше приспособлены для их удовлетворения. Ее друзья-мужчины косвенно достигали в профессиональной жизни того, чего ей самой было никогда не достичь а ее более красивые подруги делали то же самое в области любви. Ее альтруистический отказ был

способом преодолеть испытываемое ею нарциссическое унижение.

Отказ от инстинктивных желаний в пользу объекта, более подходящего для их реализации, часто определяет отношение девушки к мужчине, которого она выбирает для того, чтобы он замещал ее—в ущерб истинной связи с объектом. На основании такой «альтруистической» привязанности она ожидает, что он реализует планы, которые, как она считает, она сама не может реализовать из-за своего пола: например, она хочет, чтобы он стал студентом, или приобрел определенную профессию, или стал вместо нее знаменитым или богатым. В таких случаях эгоизм и альтруизм могут смешиваться в самых различных пропорциях. Мы знаем, что родители иногда навязывают своим детям собственные жизненные планы — одновременно и альтруистически, и эгоистически.

Дело обстоит так, словно они хотят через ребенка, которого они считают более подходящим для этой цели, вырвать у жизни исполнение желаний, которых им самим реализовать не удалось. Возможно, что даже наиболее альтруистическое отношение матери к своему сыну во многом определяется таким отказом от своих собственных желаний в пользу объекта, чей пол делает его «более подходящим» для реализации. И действительно, жизненный успех мужчины существенно компенсирует отказ женщин его семьи от их собственных мечтаний.

Наиболее тонкое и детальное исследование такого альтруистического отречения мы можем найти в пьесе Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак». Герой этой пьесы—историческая фигура, французский дворянин 17 в., поэт и гвардейский офицер, известный своим умом и храбростью, но не имевший успеха у женщин из-за огромного носа. Он пылко влюбился в свою прекрасную кузину Роксану, но, зная о своем уродстве, отказался от всякой надежды завоевать ее сердце.

Вместо того чтобы, используя свое замечательное искусство фехтовальщика, держать на расстоянии всех соперников, он отказывается от своих надежд на ее любовь в пользу человека, более красивого, чем он сам.

Совершив эту жертву, он обращает свою силу, храбрость и ум на службу этому более удачливому любовнику и делает все, что в его силах, чтобы помочь ему добиться цели. Кульминацией пьесы является ночная сцена под балконом женщины, которую любят оба мужчины. Сирано подсказывает своему сопернику слова, которыми тот должен завоевать ее. Затем он в темноте занимает его место и говорит вместо него, забывая в пылу своего ухаживания о том, что ухаживает-то не он. Обратившись к своей позиции уступившего он возвращается лишь в последний момент, когда просьба Кристиана, красавца-любовника, удовлетворена и он забирается на балкон, чтобы поцеловать свою любимую. Сирано становится все более и более преданным своему сопернику и в бою больше старается спасти его жизнь, чем свою. Когда эта замещающая фигура отнята у него смертью, он чувствует, что ему нельзя ухаживать за Роксаной. То, что поэт описывает в «альтруизме» Сирано нечто большее, чем странную любовную историю, ясно из параллели, которую он проводит между любовной жизнью Сирано и его судьбой как поэта. Точно так же как Кристиан ухаживает за Роксаной при помощи писем Сирано, такие писатели, как Корнель, Мольер и Свифт, заимствуют целые сцены из его неизвестных произведений, укрепляя тем самым свою славу. В пьесе Сирано смиряется с этой судьбой. Он в равной мере готов уступить свои слова как Кристиану, который красивее его, так и Мольеру, который гениальнее, чем он. Внешний дефект поэта—необыкновенно длинный нос,—вызывающий, по его мнению, к нему презрение, заставляет Сирано де Бержерака думать, что другие больше подходят для реализации его мечтаний, чем он сам.

В заключение рассмотрим понятие альтруистического отречения еще с одной стороны, а именно в его отношении к страху смерти. Тому, кто широко проецирует свои инстинктивные

импульсы на других людей, этот страх незнаком. В момент опасности его Я не беспокоится за свою собственную жизнь. Вместо этого оно испытывает исключительную озабоченность и тревогу за жизни своих объектов любви. Наблюдения показывают, что эти объекты, безопасность которых так важна для него, суть замещающие фигуры, на которые он сместил свои инстинктивные желания.

Например, молодая гувернантка, чей случай я описывала, испытывала чрезвычайно большую тревогу за своих подруг во время их беременности и родов. В пьесе, на которую я ссылаюсь, Сирано в бою ставит безопасность Кристиана выше своей собственной. Было бы ошибкой полагать, что речь здесь идет о вытесненном соперничестве, прорвавшемся в желании смерти, которое затем вытесняется. Анализ показывает, что как тревога, так и ее отсутствие исходят из того, что человек считает свою собственную жизнь достойной сохранения лишь при наличии возможности удовлетворения собственных инстинктов. Когда он отрекается от своих импульсов в пользу других людей, их жизни становятся для него дороже, чем своя собственная. Смерть замещающей фигуры означает — как смерть Кристиана означала для Сирано — утрату всякой надежды на удовлетворение.

Лишь после анализа, заболев, молодая гувернантка обнаружила, что мысль о смерти для нее болезненна. К ее собственному удивлению, она обнаружила, что горячо стремится прожить достаточно долго для того, чтобы успеть обставить свой новый дом и сдать экзамен, который обеспечит ее профессиональное продвижение. Ее дом и экзамен означали, хотя и в сублимированной форме, выполнение инстинктивных желаний, которые анализ позволил ей еще раз связать с собственной жизнью*.

* Существует явное сходство между ситуацией альтруистического отречения и условиями, определяющими мужскую гомосексуальность. Гомосексуалист отрекается от своих притязаний на любовь матери к младшему брату, которому он ранее завидовал. Правда, он сам удовлетворяет это притязание, принимая материнскую позицию, т. е. наслаждаясь как активной, так и пассивной стороной отношений между матерью и сыном. Трудно определить, в какой мере этот процесс включен в описанные мною различные формы альтруистического отречения. И Сирано, и альтруистичная молодая гувернантка должны были получать удовольствие от этого механизма еще даже до того, как они косвенным образом получили удовольствие от успехов своих замещающих фигур. Восторг, испытываемый ими, когда они дают и помогают, показывает, что отречение само по себе является удовлетворением инстинкта. Как и в процессе идентификации с агрессором, пассивность трансформируется в активность, нарциссическое унижение компенсируется чувством силы, связанным с ролью благодетеля, а пассивное переживание фрустрации компенсируется активным дарованием счастья другим.

Открытым остается вопрос о том, существует ли истинно альтруистическое отношение к своему ближнему, в котором удовлетворение своего собственного инстинкта вообще не имеет места даже в замещенной или сублимированной форме. Во всяком случае, проекция и идентификация не являются единственными способами обретения позиции, имеющей все признаки альтруизма; например, другой — и более легкий — путь к той же самой цели заключается в различных формах мазохизма.

Защита, мотивированная страхом перед силой инстинктов. (на примере явления пубертата)
Я и Оно В период полового созревания.

Из всех периодов человеческой жизни, в которых инстинктивные процессы обретают первостепенную важность, период полового созревания всегда привлекал наибольшее

внимание. Психические явления, свидетельствовавшие о наступлении полового созревания, долгое время были предметом психологического исследования. В неаналитических работах мы находим много замечательных описаний изменений, происходящих в характере в эти годы, нарушений психического равновесия и в первую очередь непонятных и непримиримых противоречий, появляющихся в психической жизни. Подростки исключительно эгоистичны, считают себя центром Вселенной и единственным предметом, достойным интереса, и в то же время ни в один из последующих периодов своей жизни они не способны на такую преданность и самопожертвование. Они вступают в страстные любовные отношения — лишь для того, чтобы оборвать их так же внезапно, как и начали. С одной стороны, они с энтузиазмом включаются в жизнь сообщества, а с другой — они охвачены страстью к одиночеству. Они колеблются между слепым подчинением избранному ими лидеру и вызывающим бунтом против любой и всяческой власти. Они эгоистичны и материалистичны и в то же время преисполнены возвышенного идеализма. Они аскетичны, но внезапно погружаются в распущенность самого примитивного характера. Иногда их поведение по отношению к другим людям грубо и бесцеремонно, хотя сами они невероятно ранимы. Их настроение колеблется между сияющим оптимизмом и самым мрачным пессимизмом. Иногда они трудятся с неиссякающим энтузиазмом, а иногда медлительны и апатичны.

Официальная психология стремится объяснить эти явления двумя различными путями. В соответствии с одной теорией этот сдвиг в психической жизни происходит из-за химических изменений, т.е. представляет собой прямое следствие начала функционирования половых желёз. Это, так сказать, простое психическое сопровождение физиологических изменений. Другая теория отвергает всякое представление о такой связи между физическим и психическим. В соответствии с ней революция, происходящая в психической сфере, является просто знаком того, что индивид достиг психической зрелости, точно так же как одновременно происходящие физические изменения свидетельствуют о физической зрелости. Подчеркивается, что тот факт, что психические и физические процессы появляются одновременно, не доказывает наличия причинно-следственной связи между ними. Таким образом, вторая теория утверждает, что психическое развитие полностью независимо от процессов, происходящих в железах, и от инстинктивных процессов. Эти два направления психологической мысли сходятся в одном: оба они считают, что не только физические, но и психические явления периода полового созревания исключительно важны для развития индивида и что именно здесь лежит начало и исток сексуальной жизни, способности любить и характера в целом.

В отличие от академической психологии психоанализ до настоящего времени не обнаруживал склонности концентрироваться на психологических проблемах периода полового созревания, хотя в других случаях он очень часто использует противоречия в психической жизни как исходный пункт для своих исследований. Если исключить несколько работ, в которых было заложено основание исследования периода полового созревания (З.Фрейд, 1905; Е. Джонс, 1923; С. Бернфельд, 1923), можно сказать, что авторы-психоаналитики в основном пренебрегали этим периодом и уделяли больше внимания другим стадиям развития. Причина этого очевидна. Психоанализ не разделяет взгляда, согласно которому сексуальная жизнь человека начинается в период полового созревания. В соответствии с нашей теорией у сексуальной жизни есть две исходные точки. Впервые она начинается на первом году жизни. В раннем сексуальном периоде, а не в периоде полового созревания осуществляются критические шаги в развитии, проходят важные прегенитальные фазы сексуальной организации, развиваются и приводятся в действие различные сложные инстинкты и определяется нормальность или аномальность индивида, его способность или неспособность любить. Изучая этот ранний период, мы ожидаем получить знания об истоках и развитии сексуальности, которые академическая психология надеется приобрести в результате исследования периода полового

созревания. Период полового созревания—лишь одна из фаз в развитии человеческой жизни. Это — первое повторение детского сексуального периода; второе повторение наступает в климактерическом периоде. Каждый сексуальный период — это возобновление и воскрешение того, что уже было пройдено. Конечно же, помимо этого, каждый из них вносит в сексуальную жизнь человека что-то свое. Благодаря тому факту, что физическая сексуальная зрелость наступает в период полового созревания, генитальность в этом периоде выступает на первый план и генитальные тенденции преобладают над прегенитальными составляющими инстинктами. В климактерическом периоде, когда физические сексуальные функции ослабевают, генитальные импульсы вспыхивают в последний раз и прегенитальным импульсам вновь воздается должное.

До сих пор в психоаналитических работах рассматривалось в основном сходство между этими тремя периодами выраженной сексуальности в человеческой жизни. Наиболее тесно они сходны друг с другом в количественном соотношении между силой Я и силой инстинктов. В каждом случае — в раннем детском периоде, в периоде полового созревания и в климактерическом периоде — относительно сильное Оно противостоит относительно слабому Я. Мы можем, таким образом, сказать, что это — периоды, в которых Оно сильно, а Я ослаблено. Кроме того, имеется большое качественное сходство по одному из двух факторов в отношениях между Оно и Я в эти три периода. Оно человека в течение всей жизни в основном остается одним и тем же. Верно, что инстинктивные импульсы способны к изменению, когда они вступают в столкновение с Я и с требованиями внешнего мира. Но внутри самого Оно не происходит никаких или почти никаких изменений, за исключением продвижения от прегенитальных к генитальным инстинктивным целям.

Сексуальные желания, готовые при любом подкреплении либидо преодолеть вытеснение, равно как и связанные с ними катексисы объектов и фантазии, очень мало различаются в детстве, в периоде полового созревания, во взрослой жизни и в климактерическом периоде. Мы видим, таким образом, что в основе качественного сходства между тремя периодами в жизни человека, в которых возрастает либидо, лежит относительная неизменность Оно.

Намного меньше внимания психоаналитики уделяли различиям между этими периодами. Эти различия возникают из-за второго фактора в отношениях между Оно и Я, а именно способности человеческого Я к изменению. Неизменность Оно уравнивается изменчивостью Я. Рассмотрим в качестве примера Я в раннем детстве и Я в период полового созревания. В эти периоды оно различается по объему, содержанию, своим знаниям и способностям, отношениям и тревогам. Соответственно в конфликтах с инстинктами Я в различные периоды использует различные защитные механизмы. Можно ожидать, что более детальное рассмотрение различий между ранним детством и периодом полового созревания прольет свет на формирование Я, так же как исследование сходства между этими периодами проливает свет на инстинктивную жизнь.

Как при исследовании инстинктивных процессов, так и при исследовании Я более поздний этап развития может быть понят на основе предшествующего. Прежде чем мы сможем объяснить те нарушения, которым Я подвержено в период полового созревания, мы должны понять сущность ситуации, в которой находится Я в раннем детстве. У маленького ребенка конфликт между Я и Оно имеет свои специфические особенности. Требования удовлетворения инстинктов, возникающие из желаний, характерных для оральной, анальной и фаллической фаз, чрезвычайно настоятельны, а аффекты и фантазии, связанные с эдиповым комплексом и комплексом кастрации, очень интенсивны, в то время как противостоящее им Я находится еще в процессе формирования и пока еще слабо и неразвито. Однако маленький ребенок не существо с необузданными инстинктами, и при обычных обстоятельствах он не осознает давления инстинктивной тревоги. Во внешнем мире, например в оказываемых на него воспитательных

воздействиях, слабое Я ребенка имеет могущественного союзника в борьбе против его инстинктивной жизни. Не возникает такой ситуации, в которой Я должно мериться своими слабыми силами с намного более сильными инстинктивными импульсами, которым, оставшись наедине с ними, Я неизбежно уступит. Мы не оставляем ребенку времени осознать собственные желания и оценить свою силу или слабость по отношению к своим инстинктам. Отношение ребенка к Я попросту диктуется ему обещаниями и угрозами со стороны других людей, другими словами—надеждой на любовь и ожиданием наказания.

Под таким внешним влиянием маленькие дети в течение нескольких лет приобретают способность контролировать свою инстинктивную жизнь, но невозможно определить, какая часть этого достижения должна быть отнесена за счет их Я, а какая — за счет прямого давления внешних сил. Если в этой конфликтной ситуации Я ребенка встает на сторону внешних влияний, о ребенке говорят, что он «хороший». Если Я встает на сторону Оно и борется с ограничениями удовлетворения инстинктов, налагаемыми воспитанием, то он «плохой». Наука, посвятившая себя детальному исследованию таких колебаний детского Я между Оно и внешним миром,— это педагогика. Она стремится найти способы укрепления связи между воспитывающими силами и Я в целях более успешного овладения инстинктами.

Но у маленького ребенка имеется еще и эндопсихический конфликт, который недостижим для воспитания. Внешний мир очень рано устанавливает свое представительство в психике ребенка в форме объективной тревоги. Само по себе появление такой тревоги еще не служит доказательством формирования более высокой инстанции — сознания или Сверх-Я — внутри Я, но оно является его предвестником. Объективная тревога представляет собой предвосхищение страдания, которое может быть наложено на ребенка в качестве наказания внешними силами, своего рода «предвосхищающее страдание», которое управляет поведением Я, вне зависимости от того, наступает ли ожидаемое наказание. С одной стороны, сила этой тревоги соответствует опасному или угрожающему поведению тех, с кем контактирует ребенок. С другой стороны, она подкрепляется оборачиванием инстинктивных процессов против себя, часто сочетается с треногой, порождаемой в фантазии, и не учитывает объективных изменений, так что ее связь с реальностью становится еще слабее. Несомненно, в психике маленького ребенка настоятельные инстинктивные требования конфликтуют с острой объективной тревогой, и симптомы детского невроза представляют собой попытки разрешить этот конфликт. Исследование и описание этой внутренней борьбы — спорная для ученых территория; некоторые считают, что это область педагогики, тогда как мы уверены, что подобные явления принадлежат к области теории неврозов.

В ситуации, в которой находится Я маленького ребенка, есть и другая особенность, которая никогда не воспроизводится в дальнейшей жизни. Во всех более поздних защитных ситуациях обе противоборствующие стороны уже присутствуют: инстинкт сталкивается с более или менее стойким Я, с которым он должен прийти к соглашению. Но у маленьких детей Я является продуктом самого конфликта, и та сторона Я, которая в дальнейшей жизни будет выполнять задачу овладения инстинктами, в этом раннем периоде лишь зарождается под совместным давлением инстинктивных требований Оно и внешней по своему происхождению объективной тревоги. Можно сказать, что Я «делается по мерке» *, т.е. прекрасно приспособлено к сохранению равновесия между двумя силами: побуждением инстинкта и давлением извне. Мы считаем первый детский период прошедшим, когда эта сторона формирования Я достигает определенной стадии. Я заняло ту позицию, которую намеревалось занять в борьбе с Оно. Я решило, в какой пропорции оно будет настаивать на удовлетворении и отказе в удовлетворении инстинкта, разрешая свои различные конфликты. Я приучило себя к определенной отсрочке в удовлетворении своих желаний. Методы защиты, которые оно предпочитает, несут на себе печать объективной тревоги. Можно сказать, что между Оно и Я установился *modus vivendi*,

которого отныне придерживаются оба.

*

Ультрасовременные воспитательные методы могут быть описаны как попытка подогнать внешний мир «по мерке» для ребенка.

В течение нескольких лет ситуация меняется. Наступает период латентности с физиологически обусловленным спадом силы инстинктов, и в защитной войне, которую ведет Я, наступает перемирие. Я теперь имеет возможность посвятить себя другим задачам и приобретает новые содержания, знания и способности. В то же время Я становится сильнее по отношению к внешнему миру; оно уже не так беспомощно и податливо и не считает внешний мир столь всемогущим, как раньше. Его отношение к внешним объектам постепенно изменяется, и Я преодолевает эдипову ситуацию. Прекращается полная зависимость от родителей, и на смену любви к объекту начинает приходить идентификация. Все больше и больше интроецируются принципы, предлагаемые ребенку его родителями и учителями,— их желания, требования и идеалы. В его внутренней жизни внешний мир уже проявляется не только в форме объективной тревоги. Он создал внутри Я постоянное образование, в котором воплощены требования окружающих его людей и которое мы называем Сверх-Я. Одновременно с этим развитием происходят изменения в детской тревоге. Страх перед внешним миром принимает не такие угрожающие размеры и постепенно уступает место страху перед новыми представителями старой силы — тревоге Сверх-Я, тревоге сознания и чувству вины. Это означает, что в борьбе за овладение инстинктивными процессами Я латентного периода приобрело нового союзника. Тревога сознания порождает защиту от инстинктов в латентном периоде, так же как она порождалась объективной тревогой в раннем детстве. Как и раньше, трудно определить, какой объем обретенного в подростковом возрасте контроля над инстинктами должен быть отнесен за счет самого Я, а какой — за счет мощного воздействия Сверх-Я.

Но передышка, предоставляемая периодом латентности, длится недолго. Едва лишь борьба между двумя антагонистами, Я и Оно, завершается этим временным перемирием, как условия соглашения резко меняются из-за подкрепления одной из сражающихся сторон. Физиологический процесс, отмечающий достижение физической половой зрелости, сопровождается стимуляцией инстинктивных процессов, которая проявляется в психической сфере в форме притока либидо. Отношение, установившееся между силами Я и Оно, разрушается, с трудом достигнутое психическое равновесие опрокидывается, и в результате внутренние конфликты между двумя образованиями возобновляются.

Вначале мало что можно сказать относительно Оно. Интервал между-латентностью и пубертатом— так называемый предпубертатный период — в основном является подготовительным к физической сексуальной зрелости. В это время качественных изменений в инстинктивной жизни не происходит, но возрастает количество инстинктивной энергии. Это возрастание не ограничено сексуальной жизнью. В распоряжении Оно имеется большое количество либидо, и оно, не делая различий, насыщает либидинальной энергией все доступные импульсы Оно. Агрессивные импульсы усиливаются до полной неуправляемости, голод становится обжорством, а непослушание латентного периода превращается в подростковое криминальное поведение. Оральные и анальные интересы, долго остававшиеся скрытыми, вновь выступают на поверхность. Привычка к чистоте, старательно вырабатывавшаяся в период латентности, уступает место удовольствию от грязи и беспорядка, а вместо скромности и доброжелательности появляются эксгибиционистские тенденции, грубость и жестокость по отношению к животным. Сформированные реакции, казавшиеся твердо установившимися в структуре Я, грозят разлететься на куски. В то же время в сознании возникают старые, исчезнувшие тенденции. Эдиповы желания реализуются в форме фантазий и мечтаний, в

которых они претерпевают лишь небольшие изменения; у мальчиков идея кастрации, а у девочек зависть к пенису вновь становятся центром интересов. Во вторгающихся силах очень мало новых элементов. Их натиск в основном еще раз выносит на поверхность знакомое содержание ранней детской сексуальности маленького ребенка.

Но возрожденная таким образом детская сексуальность сталкивается уже с другими условиями. Я раннего детского периода было неразвитым и неопределенным, податливым и пластичным под влиянием Оно; в предпубертатном периоде, напротив, оно твердо и крепко. Я уже знает себя самого. Детское Я могло внезапно взбунтоваться против внешнего мира и вступить в союз с Оно для достижения удовлетворения инстинктов, но если это сделает Я подростка, то оно оказывается вовлеченным в конфликт со Сверх-Я. Его прочно установившееся отношение к Оно, с одной стороны, и к Сверх-Я, с другой,— то, что мы называем характером,—делает Я нестигаемым. Я знает только одно желание: сохранить характер, развившийся в латентном периоде, восстановить прежнее соотношение между своими собственными силами и силами Оно и ответить на большую настоятельность инстинктивных требований удвоенными усилиями, направленными на свою защиту. В этой борьбе за сохранение неизменным своего собственного существования Я, мотивированное в равной мере объективной тревогой и тревогой сознания, использует без различия все те способы защиты, к которым оно уже прибегало в детстве и в латентном периоде. Я вытесняет, смещает, отрицает, обращает инстинкты и оборачивает их против себя; оно продуцирует фобии и истерические симптомы и сдерживает тревогу при помощи навязчивого мышления и поведения. Если мы рассмотрим эту борьбу за главенство между Я и Оно, то поймем, что все тревожные явления предпубертатного периода соответствуют различным фазам конфликта. Возросшая активность фантазии, возвраты к прегенитальному (т.е. перверзному) сексуальному удовлетворению, агрессивное или криминальное поведение означают частичные успехи Оно, тогда как проявление различных форм тревоги, развитие аскетических черт, акцентуация невротических симптомов и торможений означают более сильную защиту, т. е. частичный успех Я.

С достижением телесной сексуальной зрелости, собственно начала пубертата, происходят дальнейшие изменения, на сей раз качественного характера. До сих пор усиление: инстинктивного катексиса носило общий, недифференцированный характер; теперь ситуация меняется (во всяком случае, у мальчиков): генитальные импульсы становятся более насыщенными либидозной энергией. В психической сфере это означает, что либидозный катексис отбирается у прегенитальных импульсов и концентрируется на генитальных чувствах, целях и мыслях об объектах. Таким образом, генитальность приобретает возросшую психическую значимость, тогда как прегенитальные тенденции отодвигаются на задний план. Первым результатом оказывается явное улучшение ситуации. Ответственные за воспитание подростка взрослые, ранее озабоченные и озадаченные прегенитальным характером его инстинктивной жизни в предпубертатном периоде, теперь с облегчением отмечают, что весь хаос грубости, агрессивности и перверзного поведения испарился, как дурной сон. Пришедшая ему на смену генитальная маскулинность оценивается гораздо более благоприятно и снисходительно, даже когда она переходит границы социальной условности. Однако это физиологическое, спонтанное исцеление прегенитальности, результат происходящего в пубертате естественного процесса, во многом разочаровывает. Благоприятная компенсация возможна, но лишь в случаях, до сих пор характеризовавшихся вполне определенными прегенитальными фиксациями. Например, мальчик с пассивной и женственной установкой внезапно переключается на мужественно-активную позицию, когда либидозный катексис переносится на гениталии. Но это не означает, что страх кастрации и конфликты, породившие его женственную установку, разрешены или разрушены. Они просто временно перекрыты возрастом генитального катексиса. Когда давление инстинктов, столь возросшее в пубертате,

возвращается к своему нормальному уровню во взрослой жизни, тревога и конфликты, по всей вероятности, появятся вновь неизменными и будут вредить его мужественности. Это справедливо также для оральной и анальной фиксаций, которые временно становятся менее значимыми при возрастании либидо в пубертате. Однако впоследствии они оказываются столь же значимыми, как и ранее, и старое патогенное притяжение этих прегенитальных формаций будет в последующей жизни столь же большим. Кроме того, в пубертате может не быть компенсирующего эффекта, когда в детстве и предпубертатном периоде доминировали не оральные и анальные, а фаллические интересы (это касается мальчиков с тенденцией к фаллическому эксгибиционизму). В таких случаях возрастание генитального либидо в пубертате не только не снимает нарушения, но усиливает его.. Не происходит спонтанного исцеления и с детской перверзией: напротив, наблюдается крайне неприятная акцентуация патологической ситуации. Фаллические тенденции возносятся на такую высоту, что генитальная маскулинность пациента чрезмерно преувеличивается и становится неконтролируемой.

Эта оценка нормальности или аномальности конкретных инстинктивных целей зависит, однако, от ценностных стандартов, относящихся ко взрослой жизни, и имеет мало или не имеет ничего общего с Я подростка. Идет внутренний защитный конфликт, и этим ценностям уделяется мало внимания. В подростковом возрасте отношение Я к Оно исходно определяется количественными, а не качественными характеристиками. Проблема заключается не в удовлетворении или фрустрации того или иного инстинктивного желания, а в природе психической структуры в детстве и в подростковом возрасте. Существует две крайности, которыми может закончиться конфликт. Либо Оно, ставшее теперь сильным, может одолеть Я, и в этом случае от предшествующего характера индивида не останется и следа, и вхождение во взрослую жизнь будет отмечено разгулом удовлетворения инстинктов. Либо может победить Я, и тогда характер индивида, выработавшийся в латентном периоде, установится раз и навсегда. Когда это происходит, импульсы Оно подростка заключаются в тесные границы, предписанные инстинктивной жизни ребенка. Возрастающее либидо не может быть использовано, и для того, чтобы держать его под контролем, необходимо постоянное действие антикатексиса, защитных механизмов и симптомов. Помимо того, что в результате уродуется инстинктивная жизнь, то, что победоносное Я становится жестко фиксированным, постоянно вредит индивиду. Образования Я, которые без уступок сопротивляются натиску пубертата, обычно на всю жизнь остаются негибкими, неприступными и неспособными к исправлению в соответствии с изменяющимися требованиями реальности.

Логично предположить, что перерастание конфликта в ту или другую из этих крайностей или его счастливое разрешение в достижении равновесия между психическими инстанциями и, далее, различные фазы, которые он проходит, определяются количественным фактором, а именно изменениями абсолютной силы инстинктов. Но этому простому объяснению противоречат аналитические наблюдения над процессами, происходящими у индивидов в пубертате. Когда инстинкты становятся сильнее по физиологическим причинам, индивид не обязательно оказывается в их власти; точно так же при ослаблении силы инстинктов Я и Сверх-Я не обязательно начинают играть большую роль, чем Оно. Из исследования невротических симптомов

и предменструальных состояний нам известно, что, когда требования инстинктов становятся более настоятельными, Я побуждается к удвоению своей защитной активности. Когда же требования инстинктов не так настоятельны, опасность, связанная с ними, уменьшается, а с ней уменьшаются и объективная тревога, тревога сознания и инстинктивная тревога Я. За исключением тех случаев, когда Я полностью затоплено Оно, мы обнаруживаем отношение, противоположное описанному. Любое дополнительное давление инстинктивных требований ужесточает сопротивление Я соответствующим инстинктам и усиливает симптомы, торможения

и т. д., основанные на этом сопротивлении, тогда как, если инстинкты становятся менее настоящими, Я делается более покладистым и более склонным к тому, чтобы допустить удовлетворение. Это означает, что абсолютная сила инстинктов в пубертате (которая в любом случае не может быть независимо измерена или оценена) не позволяет прогнозировать конечный исход пубертата. Он определяется относительными факторами: во-первых, силой импульсов Оно, которая обусловлена физиологическими процессами в пубертате; во-вторых, толерантностью или интолерантностью Я по отношению к инстинктам, которые зависят от характера, сформировавшегося в период латентности; в-третьих — и это качественный фактор, который определяет количественный конфликт,— природой и эффективностью имеющихся в распоряжении Я защитных механизмов, варьирующей в зависимости от конституции индивида (т. е. его предрасположенности к истерии или неврозу навязчивости) и направлений его развития.

XII Инстинктивная тревога в пубертатном периоде

Мы уже отмечали, что фазы человеческой жизни, характеризующиеся возрастанием либидо, чрезвычайно важны для аналитического исследования Оно. Благодаря повышенному катексису желания, фантазии и инстинктивные процессы, которые в другие периоды остаются незамеченными: или заключены в бессознательное, всплывают в сознании, преодолевая при необходимости препятствия, поставленные на их пути вытеснением, и становятся доступными для наблюдения, когда они прокладывают себе путь к выходу.

Важно сосредоточить внимание на периодах возросшего либидо и на исследовании Я. Как мы видели, косвенным следствием утепления инстинктивных импульсов является удвоение усилий индивида по овладению инстинктами. Общие тенденции в Я, которые в периоды спокойствия инстинктивной жизни едва заметны, становятся яснее очерченными, и выраженные механизмы Я латентного периода или взрослой жизни могут оказаться настолько преувеличенными, что приводят к патологическим искажениям характера. Из различных установок, которые Я может принять по отношению к инстинктивной жизни, выделяются две. Акцентируясь в пубертате, они поражают наблюдателя своей силой и объясняют некоторые из характерных особенностей этого периода. Я имею в виду аскетизм и интеллектуальность в подростковом возрасте.

Аскетизм в подростковом возрасте. Чередясь с инстинктивными крайностями и вторжениями из Оно, а также с другими явно противоречивыми установками, в подростковом возрасте иногда проявляется антагонизм по отношению к инстинктам. По интенсивности этот антагонизм далеко превосходит любое вытеснение, обычное для нормальных условий или для более или менее тяжелых неврозов. По способу своего проявления и широте охвата он меньше сродни симптомам выраженного невротического расстройства, чем аскетизму религиозного фанатика. При неврозе всегда существует связь между вытеснением инстинкта и природой или качеством вытесненного инстинкта. Так, истерики вытесняют генитальные импульсы, связанные с объектными Желаниями эдипова комплекса, но более или менее индифферентны или толерантны в своей установке по отношению к другим инстинктивным желаниям, например анальным или агрессивным импульсам. Навязчивые невротики вытесняют анально-садистские желания, которые вследствие вытеснения становятся носителями их сексуальности, но терпимо относятся к оральному удовлетворению и к эксгибиционистским импульсам, которые у них могут возникнуть, до тех пор, пока они не связаны непосредственно с ядром их невроза. При меланхолии вытесняются в основном оральные тенденции, а пациенты с фобией вытесняют импульсы, связанные с комплексом кастрации.

Ни в одном из этих случаев нет неразличающего отвержения инстинктов, и, анализируя

их, мы всегда обнаруживаем определенную связь между содержанием вытесненного инстинкта и причинами, по которым человек изгоняет его из сознания.

Другая картина предстает перед нами, когда, анализируя подростков, мы исследуем отверженце ими инстинкта. Верно, что и здесь также исходная точка процесса отвержения может быть найдена в инстинктивных образованиях, подверженных особому торможению, например в фантазиях об инцесте предпубертатного периода или возросшей тенденции к онанизму, в которых эти желания находят свою разрядку. Но из этой точки процесс распространяется на всю жизнь.

Как я уже отмечала, подростки озабочены не столько удовлетворением или фрустрацией конкретных инстинктивных желаний, сколько удовлетворением инстинктов или фрустрацией как таковой. Молодые люди, проходящие через ту аскетическую фазу, которую я имею в виду, бегут словно бы от количества, а не от качества своих инстинктов. Они остерегаются наслаждения вообще, и поэтому самой безопасной стратегией для них является встреча наиболее настоятельных желаний максимальным торможением. Каждый раз, когда инстинкт говорит «Я хочу», Я отвечает: «Ты не должен», во многом на манер строгих родителей при раннем обучении ребенка. Это подростковое недоверие к инстинктам имеет опасную тенденцию к распространению; оно может начаться с собственно инстинктивных желаний и распространиться на самые обычные физические потребности. Все мы встречали молодых людей, сурово отвергающих любые импульсы с привкусом сексуальности, избегающих общества сверстников, отказывающихся принимать участие в увеселениях и, как истинные пуритане, не желающих иметь ничего общего с театром, музыкой и танцами. Мы можем понять, что есть связь между отказом от красивой и привлекательной одежды и торможением сексуальности. Но мы начинаем тревожиться, если отказ начинает распространяться на безвредные и необходимые вещи, как в случае, когда молодой человек отказывает себе в самой обычной защите от холода, умерщвляет свою плоть всеми возможными способами и подвергает свое здоровье ненужному риску, не только отвергая конкретные виды орального наслаждения, но «из принципа» сокращая свой дневной рацион до минимума. Мы беспокоимся, когда вместо того, чтобы насладиться долгим ночным сном, этот юноша принуждает себя рано вставать, когда он неохотно смеется или улыбается или когда в крайних случаях он сдерживает дефекацию и мочеиспускание до последней возможности на том лишь основании, что нельзя немедленно уступать всем своим физическим потребностям.

Этот тип отвержения инстинктов отличается от обычного вытеснения еще в одном отношении. При неврозе мы привыкли видеть, что, когда удовлетворение конкретного инстинкта вытесняется, для него находится некоторое замещение. При истерии это достигается обращением, т. е. разрядкой сексуального возбуждения в других телесных зонах или процессах, которые становятся сексуализированными. При неврозах навязчивости имеется замещающее удовольствие на том уровне, на котором осуществилось вытеснение, а при фобиях есть, по крайней мере, некоторый эпиносический * выигрыш. Или же заторможенные формы удовлетворения заменяются на другие способы наслаждения при помощи процесса смещения и формирования реакции, поскольку мы знаем, что истинные невротические симптомы, такие, как истерические приступы, тики, навязчивые действия, привычка к мрачным размышлениям и т. д., представляют собой компромиссы, в которых инстинктивные требования Оно удовлетворяются не менее эффективно, чем требования Я и Сверх-Я. Но в отвержении инстинкта, характерного для подросткового возраста, не остается лазейки для такого замещающего удовлетворения: механизм в этом случае, по всей видимости, иной. Вместо образования компромисса (соответствующего невротическим симптомам) и обычных процессов смещения, регрессии и обращения против себя мы почти неизменно обнаруживаем поворот от аскетизма к излишествам; невзирая на любые внешние ограничения, подросток внезапно

погружается во все то, что он ранее тормозил. По причине своего антисоциального характера такие подростковые эксцессы сами по себе являются нежелательными; тем не менее с аналитической точки зрения они представляют собой временное выздоровление от аскетизма. Когда такого выздоровления не происходит и Я каким-то необъяснимым образом оказывается достаточно сильным для того, чтобы без всяких отклонений удержаться в своем отвержении инстинктов, в результате парализуется витальная активность человека—возникают своеобразные условия, которые следует рассматривать уже не как нормальное явление пубертата, а как психотическое расстройство.

* (синоним)

— использование болезни как средства достижения тех или иных собственных целей.— Прим. ред.

Возникает вопрос: действительно ли оправдано различие между отвержением инстинктов в пубертате и обычными процессами вытеснения? Основой такого теоретического различия является то, что у подростков процесс вытеснения начинается со страха перед количеством инстинктов, а не перед качеством какого-то конкретного импульса и заканчивается не замещающим удовлетворением и образованием компромиссов, а резким наложением или последовательной сменой отказа в удовлетворении инстинктов и инстинктивных эксцессов или, точнее говоря, их чередованием. При этом мы знаем, что при обычном невротическом вытеснении качественный катексис вытесняемого инстинкта является важным фактором и что при неврозе навязчивости обычно возникает чередование торможения и послабления. Тем не менее у нас все еще сохраняется впечатление, что в случае подросткового аскетизма действует более примитивный и менее сложный механизм, чем при собственно вытеснении; возможно, что первый из них представляет собой особый случай или, скорее, предварительную фазу вытеснения.

В аналитических исследованиях неврозов уже давно показано, что человеческой природе свойственно отвержение некоторых инстинктов, в частности сексуальных, независимо от индивидуального опыта. Эта предрасположенность, по-видимому, обусловлена филогенетической наследственностью, своеобразным накоплением, аккумулярованным в результате актов вытеснения, практиковавшихся многими поколениями и лишь продолжаемых, а не заново иницируемых индивидами. Для описания этого двойственного отношения человечества к сексуальной жизни — конституционного отвращения вкупе со страстным желанием — Блейлер ввел термин амбивалентность.

Во время спокойных жизненных периодов исходная враждебность Я по отношению к инстинкту — его страх перед силой инстинктов, как мы его назвали,— есть не более чем теоретическое понятие. Мы предполагаем, что основой неизменно остается инстинктивная тревога, но для наблюдателя она маскируется гораздо более заметными и выступающими явлениями, возникающими из объективной тревоги и тревоги сознания и являющимися результатом ударов, которым подвергался индивид.

По-видимому, внезапное возрастание инстинктивной энергии в пубертате и в других жизненных периодах усиливает исходный антагонизм между Я и инстинктами до такой степени, что он становится активным защитным механизмом. Если это так, то аскетизм пубертатного периода можно рассматривать не как ряд качественно обусловленных деятельностей вытеснения, а просто как проявление врожденной враждебности между Я и инстинктами, которая неразборчива, первична и примитивна.

Интеллектуализации в пубертате. Мы пришли к выводу о том, что в периоды, характеризующиеся возрастанием либидо, общие установки Я могут развиваться в определенные способы защиты. Если это так, то этим можно объяснить и другие изменения, происходящие в Я

в пубертате.

Мы знаем, что большинство изменений этого периода происходит в инстинктивной и аффективной жизни и что Я претерпевает вторичные изменения, когда оно непосредственно участвует в попытке овладеть инстинктами и аффектами. Но это ни в коем случае не исчерпывает возможностей изменения подростка. С возрастом инстинктивной энергии он в большей мере оказывается в их власти; это естественно и не требует дальнейшего объяснения. Подросток также становится более моральным и аскетичным, что объясняется конфликтом между Я и Оно. Но кроме того, он становится более интеллектуальным, и его интеллектуальные интересы углубляются. Вначале мы не видим, каким образом это продвижение в интеллектуальном развитии связано с продвижением в развитии инстинктов и с усилением образований Я в их сопротивлении неистовым атакам, направленным против него.

В целом можно было бы ожидать, что натиск инстинкта или аффекта будет снижать интеллектуальную активность человека. Даже при нормальном состоянии влюбленности интеллектуальные возможности человека снижаются и его рассудок становится менее надежным, чем обычно. Чем более страстно его желание удовлетворить свои инстинктивные импульсы, тем меньше, как правило, он склонен использовать интеллект для их рассудочного исследования и подавления.

На первый взгляд кажется, что в подростковом возрасте все происходит наоборот. Резкий скачок в интеллектуальном развитии молодого человека не менее заметен и неожидан, чем его быстрое развитие в других направлениях. Мы знаем, как часто все интересы мальчиков в латентном периоде сосредоточены на реальных вещах. Некоторые мальчики любят читать об открытиях и приключениях, изучать числа и пропорции или «проглатывать» описания странных животных и предметов, тогда как другие посвящают время механике, от ее простейших до наиболее сложных форм. Общим у этих двух типов является то, что объект, которым они интересуются, должен быть не продуктом фантазии наподобие сказок и басен, доставлявших удовольствие в раннем детстве, а чем-то конкретным, что имеет реальное физическое существование. Когда начинается предпубертатный период, тенденция смены конкретных интересов латентного периода абстрактными становится все более выраженной. В частности, подростки того типа, который Бернфельд описывает как «затянувшийся пубертат», обладают ненасытным желанием думать об абстрактных предметах, размышлять и говорить о них. Часто дружба в этом возрасте основана на желании вместе размышлять и обсуждать эти предметы. Диапазон таких абстрактных интересов и проблем, которые эти молодые люди пытаются разрешить, очень широк. Они обсуждают свободную любовь или замужество и семейную жизнь, свободное существование или приобретение профессии, скитания или оседлую жизнь, анализируют философские проблемы, такие, как религия или свободомыслие, различные политические теории, такие, как революция или подчинение власти, или саму дружбу во всех ее формах. Если, как это иногда бывает при анализе, мы получаем достоверное сообщение о беседах молодых людей или если — что делалось многими исследователями пубертатного периода — мы изучаем дневники и наброски подростков, нас поражают не только широта и свободный размах их мысли, но также степень эмпатии и понимания, их явное превосходство над многими зрелыми мыслителями, а иногда даже мудрость, которую они обнаруживают при рассмотрении самых сложных проблем.

Мы пересматриваем наше отношение, когда обращаемся от рассмотрения самих по себе интеллектуальных процессов подростка к рассмотрению того, как они вписываются в общую картину его жизни. Мы с удивлением обнаруживаем, что эти утонченные интеллектуальные достижения оказывают очень малое — или никакое — влияние на его реальное поведение. Эмпатия подростка, приводящая к пониманию мыслительных процессов других людей, не мешает ему проявлять самое возмутительное безразличие к близким. Его возвышенный взгляд

на любовь и обязательства любящего соседствуют с неверностью и черствостью в многочисленных любовных историях. Тот факт, что его понимание и интерес к структуре общества в подростковом возрасте далеко превосходят его же понимание и интерес в последующие годы, не помогают ему найти свое истинное место в социальной жизни, а многосторонность интересов не предохраняет его от сосредоточенности на одном-единственном предмете — собственной персоне.

Мы понимаем, особенно когда исследуем эти интеллектуальные интересы с помощью анализа, что в данном случае мы имеем дело с чем-то весьма отличным от интеллектуальности в обычном смысле слова. Неверно было бы предполагать, что подросток размышляет о различных ситуациях в любви или о выборе профессии для того, чтобы выработать правильную линию поведения, как это мог бы сделать взрослый или как мальчик в латентном периоде исследует устройство аппарата для того, чтобы суметь разобрать и снова собрать его. Подростковая интеллектуальность больше способствует мечтам. Даже честолюбивые фантазии предпубертатного периода не предназначены для перевода в реальность. Когда мальчик фантазирует о том, что он великий завоеватель, он не чувствует никакой необходимости доказывать свою храбрость и выносливость в реальной жизни. Точно так же он явно получает удовлетворение от самого процесса мышления в ходе рассуждений или обсуждений. Его поведение определяется другими факторами, и на него необязательно оказывают влияние результаты подобной интеллектуальной гимнастики.

Есть и еще один момент, поражающий нас, когда мы исследуем интеллектуальные процессы у подростков. Более пристальное рассмотрение показывает, что интересующие их предметы усиливают конфликты между разными психическими образованиями. И опять проблема заключается в том, как связать инстинктивную сторону человеческой природы с остальной жизнью, как выбрать между практической реализацией сексуальных импульсов и их отвержением, между свободой и ограничением, между восстанием и подчинением власти. Как мы видели, аскетизм, с его запретом инстинктов, в целом не оправдывает надежд подростка. Поскольку опасность вездесуща, он должен выработать много способов для того, чтобы преодолеть ее. Обдумывание инстинктивного конфликта — его интеллектуализация — кажется подходящим способом. При этом аскетическое бегство от инстинкта сменяется поворотом к нему. Но это осуществляется и основном в мышлении и является интеллектуальным процессом. Абстрактные интеллектуальные обсуждения и размышления, которым предаются подростки, — это вовсе не попытки разрешить задачи, поставленные реальностью. Их мыслительная активность есть, скорее, показатель напряженной настороженности по отношению к инстинктивным процессам и перевод того, что они воспринимают, в абстрактное мышление. Философия жизни, которую подростки создают, — а она может заключаться в их требовании произвести революцию во внешнем мире — является на самом деле их реакцией на восприятие новых инстинктивных требований их собственного Оно, грозящих революционизировать всю их жизнь. Идеалы дружбы и вечной преданности — это всего лишь отражение беспокойства Я, обнаружившего исчезновение всех своих новых эмоциональных связей с объектами *. Стремление к руководству и поддержке в часто безнадежной борьбе против своих собственных инстинктов может быть трансформировано в бесхитростную аргументацию относительно неспособности человека к принятию независимых политических решений. Мы видим, таким образом, что инстинктивные процессы переводятся на язык интеллекта. Но причина столь сильной сосредоточенности внимания на инстинктах заключается в том, что осуществляется попытка овладеть ими на ином психическом уровне.

* Я благодарна Маргит Дубовиц из Будапешта за указание на то, что тенденция подростков размышлять о смысле жизни и смерти отражает деструктивную активность в их собственных

душах.

Вспомним, что в аналитической метапсихологии связь аффектов и инстинктивных процессов с вербальными представлениями считается первым и наиболее важным шагом по направлению к овладению инстинктами, который должен быть осуществлен в развитии индивида. Мышление описывается в этих работах как «практическое действие, сопровождающееся перемещением относительно небольших количеств катексиса при меньшей их разрядке» (З. Фрейд, 1911, р. 221). Эта интеллектуализация инстинктивной жизни, попытка овладеть инстинктивными процессами, связывая их с мыслями в сознании, представляет собой одно из наиболее общих, ранних и наиболее необходимых приобретений человеческого Я. Мы рассматриваем ее не как деятельность Я, а как его составную часть.

Может возникнуть впечатление, что явления, включенные нами в понятие «интеллектуализация в пубертате», попросту представляют собой преувеличение общей установки Я в особых условиях внезапного подъема либидо. Лишь возрастание количества либидо привлекает внимание к функции Я, которая в другое время выполняется незаметно и как бы походя. Если это так, то это означает, что усиление интеллектуальности в подростковой возрасте — а возможно также и резкое возрастание интеллектуального понимания психических процессов, которое обычно характерно для приступов психического расстройства, — является просто частью привычного стремления Я к овладению инстинктами при помощи мышления.

Я полагаю, что теперь мы можем сделать вторичное открытие, к которому нас привели рассуждения в этом направлении. Если верно, что неизменным следствием возрастания либидозной заряженности является удвоение усилий Я по интеллектуальной проработке инстинктивных процессов, то это объясняет тот факт, что инстинктивная опасность делает человека умнее. В периоды спокойствия в инстинктивной жизни, когда опасности нет, индивид может позволить себе определенную степень глупости. В этом отношении инстинктивная тревога оказывает знакомое влияние объективной тревоги. Объективная опасность и депривация побуждают человека к интеллектуальным подвигам и изобретательным попыткам разрешить свои трудности, тогда как объективная безопасность и изобилие делают его довольно глупым. Сосредоточение интеллекта на инстинктивных процессах представляет собой аналог бдительности человеческого Я перед лицом окружающих его объективных опасностей.

До сих пор спад интеллекта у маленького ребенка в начале латентного периода объяснялся иначе. В раннем детстве блестящие интеллектуальные достижения детей связаны с исследованием ими тайн пола, а когда этот предмет становится табу, запрет и торможение распространяются на другие области мышления. Не удивительно, что с возобновлением сексуальности в предпубертатном периоде, т. е. с распадом сексуального вытеснения раннего детства, интеллектуальные способности оживают с прежней силой.

Это — обычное объяснение, к которому мы можем теперь добавить еще одно. Возможно, в латентном периоде дети не только не осмеливаются погружаться в абстрактное мышление, но и просто не имеют в этом нужды. Детство и пубертатный период — это периоды инстинктивной опасности, и характеризующий их «интеллект», по меньшей мере, частично помогает человеку преодолеть эту опасность. При этом в латентном периоде и во взрослой жизни ** относительно сильно и может без ущерба для индивида ослабить его усилия по интеллектуализации инстинктивных процессов. В то же время не следует забывать, что эти умственные достижения, особенно в пубертатном периоде, при всей их замечательности и блеске остаются бесплодными. В одном отношении это верно даже для интеллектуальных достижений раннего детства, которыми мы так восхищаемся и которые так высоко ценим. Не надо лишь забывать о том, что детские исследования сексуальности, которые психоанализ считает ярчайшим проявлением интеллектуальной активности ребенка, не приводят к знанию

истинных явлений взрослой сексуальной жизни. Как правило, их результатом является создание детских сексуальных теорий, которые отражают не реальность, а инстинктивные процессы, протекающие в психике ребенка.

Интеллектуальная работа, совершаемая Я в латентном периоде и во взрослой жизни, несопоставимо более серьезна, надежна и, прежде всего, намного теснее связана с действием.

Любовь к объекту и идентификация в пубертатном периоде. Рассмотрим теперь, насколько аскетизм и интеллектуализация, характерные для пубертатного периода, соответствуют нашей схеме классификации защитных процессов в зависимости от тревоги и опасности. Сразу видно, что аскетизм и интеллектуализация попадают в третий тип защиты. Опасность, угрожающая Я, заключается в том, что оно может быть затоплено инстинктами; более всего оно опасается количества инстинктов. Мы полагаем, что эта тревога возникает в ходе развития индивида очень рано. Хронологически она принадлежит к тому периоду, в котором Я постепенно отделяется от недифференцированного Оно. Защитные меры, к которым его заставляет прибегать страх перед силой инстинктов, направлены на поддержание этой дифференциации между Я и Оно и на обеспечение стабильности вновь установившейся организации Я. Задача, которую ставит перед собой аскетизм, заключается в том, чтобы удерживать Оно в определенных границах, попросту налагая запреты; цель интеллектуализации — теснее связать инстинктивные процессы с мыслительным содержанием и тем самым сделать их доступными для сознания и подверженными контролю.

Когда при внезапном возрастании либидо индивид отступает на этот примитивный уровень страха перед силой инстинктов, покой инстинктивных процессов и процессов Я должен быть потревожен. Ниже я опишу две из наиболее важных особенностей пубертатного периода и покажу их связь с этим процессом регрессии Я.

Наиболее примечательные явления в жизни подростков в конечном счете связаны с их отношениями с объектом. Здесь особенно заметен конфликт между двумя противоположными тенденциями. Мы уже видели, что вытеснение, вызванное общей враждебностью по отношению к инстинктам, обычно выбирает для своих первых атак фантазии предпубертатного периода на тему инцеста. Подозрительность и аскетизм Я исходно направлены против фиксации субъекта на всех объектах любви его детства. Результатом этого, с одной стороны, является стремление молодого человека к изоляции; начиная с этого времени он живет с членами своей семьи как с чужими людьми. Но врожденная враждебность Я по отношению к инстинктам направлена не только на его отношение к внешним объектам любви; она направлена также и на его отношения со Сверх-Я. В той мере, в какой Сверх-Я в этом периоде все еще насыщено исходящим от отношений с родителями либидо, оно само рассматривается как подозрительный инцестный объект и становится жертвой последствий аскетизма. Я отчуждается также и от Сверх-Я. Для молодых людей это частичное вытеснение Сверх-Я, отчужденность от части его содержания является одной из величайших неприятностей подросткового периода. Основным следствием разрыва отношений между Я и Сверх-Я становится возрастание опасности, грозящей со стороны инстинктов. Индивид становится асоциальным. До возникновения этого нарушения тревога сознания и чувство вины, возникающие вследствие отношений Я к Сверх-Я, были наиболее сильными союзниками Я в его борьбе против инстинктов. В начале пубертатного периода часто заметны преходящие попытки осуществить сверхнасыщенность всех содержаний Сверх-Я. Возможно, этим объясняется так называемый «идеализм» подростков. Возникает следующая ситуация: аскетизм, сам являющийся следствием возрастания опасности со стороны инстинктов, ведет к разрыву связи со Сверх-Я и тем самым делает неэффективными защитные меры, осуществляемые тревогой Сверх-Я. В результате этого Я еще сильнее отбрасывается на уровень чистой инстинктивной тревоги и характерных для этого уровня примитивных защитных механизмов.

Самоизоляция и разрыв с объектами любви, однако, не являются единственными тенденциями, возникающими в отношении подростков к объектам. Разнообразные новые привязанности занимают место вытесненных фиксаций на детских объектах любви. Иногда индивиды привязываются к молодым людям своего возраста, и в этом случае связь приобретает форму страстной дружбы или влюбленности; иногда они привязываются к старшим, которых признают лидерами и которые явно являются замещением покинутых родительских объектов. Эти отношения любви страстны и исключительны, но кратковременны. Людей выбирают как объекты и покидают безотносительно к их чувствам, а на их место выбирают новых. Покинутые объекты быстро и прочно забываются, но форма привязанности к ним сохраняется в мельчайших деталях и обычно воспроизводится в отношении к новому объекту с точностью, похожей на навязчивость.

Помимо этой поразительной верности объекту любви имеется еще одна особенность отношений с объектом в подростковом возрасте. Подросток стремится не столько обладать объектом в обычном физическом смысле слова, сколько максимально уподобиться человеку, который в данный момент занимает в его привязанностях центральное место.

Непостоянство молодежи общеизвестно. Почерк, речь, прическу, одежду и самые разные привычки она меняет намного легче, чем в любой другой период жизни. Часто одного взгляда на подростка достаточно, чтобы сказать, кто его старший друг, которым он восхищается. Но способность к изменению идет еще дальше. Со сменой одного образца на другой меняются жизненная философия, религиозные и политические взгляды, и, сколь бы часто они ни менялись, подростки всегда в равной мере твердо и страстно убеждены в правоте столь легко принятых ими взглядов. В этом отношении они напоминают тип пациентов, описанный Хелен Дойч в клинической работе по психологии взрослых как пограничный между неврозом и психозом. Она называет их людьми типа «как если бы» («als ob» Tuhus), потому что в каждом новом отношении с объектом они живут так, как если бы они действительно проживали свою собственную жизнь и выражали свои собственные чувства, мнения и взгляды.

У девочки, которую я анализировала, механизм, лежащий в основе этих процессов трансформации, был особенно ясен. Несколько раз за один лишь год она переходила от одной дружбы к другой, от девочек к мальчикам и от мальчиков к пожилой женщине. В каждом случае она не просто становилась безразличной к покинутому объекту любви, но испытывала к нему выраженную и сильную неприязнь, граничащую с презрением, и чувствовала, что любая случайная или неизбежная встреча с ним почти невыносима. После большой аналитической работы мы обнаружили, что эти чувства по отношению к бывшим друзьям вовсе не были ее собственными. Каждый раз, когда девочка меняла объект любви, она считала себя обязанной подстраивать свое поведение и взгляды под поведение и взгляды своего нового друга во всем, связанном с ее внутренней и внешней жизнью. Она начинала переживать не свои собственные эмоции, а эмоции своего нынешнего друга. Неприязнь к людям, которых она раньше любила, в действительности не была ее собственной. При помощи процесса эмпатии она разделяла чувства своего нового друга. Таким образом, она выражала ревность, которую, как она воображала, он чувствовал ко всем, кого она раньше любила, или его (а не ее собственное) презрение к возможным соперникам.

Психологическая ситуация в подобных фазах пубертата может быть описана очень просто. Эта страстная и мимолетная фиксация любви вообще не является отношением к объекту в том смысле, в котором мы используем этот термин, говоря о взрослых. Это — идентификация самого примитивного типа, такая, с какой мы встречаемся при исследовании развития в раннем детстве, еще до существования всякой объектной любви. Таким образом, непостоянство в пубертатном периоде означает не внутренние изменения в любви или убеждениях индивида, а, скорее, утрату личности вследствие изменений в идентификации.

Процесс, выявленный при анализе поведения пятнадцатилетней девочки, возможно, прольет некоторый свет на ту роль, которую играет эта склонность к идентификации. Моя пациентка была очень красивой, очаровательной девочкой и всегда играла заметную роль в своем окружении, но, несмотря на это, ее терзала неистовая ревность к сестре, которая была еще ребенком. В пубертатном периоде пациентка утратила все свои прежние интересы и была охвачена единственным желанием — вызывать любовь и восхищение мальчиков и мужчин, бывших ее друзьями. Она безумно влюбилась — на расстоянии — в мальчика, который был намного старше ее и которого она иногда встречала на вечеринках и на танцах. В это время она написала мне письмо, в котором выражала сомнения и тревоги в связи со своей влюбленностью.

«Пожалуйста, скажите мне,— писала она,— как мне вести себя, когда я встречаю его. Быть ли мне серьезной или веселой? Как я ему больше понравлюсь — если покажу, что умна, или если прикинусь глупой? Что Вы мне посоветуете — говорить все время о нем или говорить и о себе тоже?..» Когда пациентка в следующий раз встретила со мной, я устно ответила на ее вопросы. Я сказала, что, по-видимому, нет необходимости планировать свое поведение заранее. Разве она не сможет в нужный момент быть самой собой и вести себя в соответствии с тем, что она чувствует? Она ответила, что такой способ никогда не сработает, и произнесла длинную речь на тему о необходимости приспособляться к предпочтениям и желаниям других людей. Она сказала, что только так можно быть уверенной в том, что тебя любят, и, несмотря на то, что этот мальчик любил ее, она просто не могла вести себя естественно.

Вскоре после этого пациентка описала фантазию, в которой нарисовала что-то вроде конца света. «Что будет,— спросила она,— если все умрут?» Она прошла по всем своим друзьям и отношениям и наконец вообразила, что осталась одна на всей Земле. Ее голос, выразительность интонаций и детали описания говорили о том, что эта фантазия была выполнением ее желания. Она рассказывала с наслаждением, и фантазия не вызывала у нее никакого беспокойства.

Однако я напомнила девочке о ее страстном желании быть любимой. Днем раньше одной лишь мысли о том, что один из друзей не любит ее, что она теряет его любовь, было достаточно, чтобы погрузить ее в отчаяние. Но кто же будет любить ее, если она будет единственной уцелевшей из всего рода человеческого? Она спокойно отбросила мое напоминание о ее давешних печалях. «В этом случае я буду любить себя сама»,— сказала она, словно освободившись наконец от всех своих тревог, и испустила глубокий вздох облегчения.

Это маленькое, сделанное на одной пациентке аналитическое наблюдение указывает, как мне кажется, на нечто, весьма характерное для некоторых связей с объектом в пубертатном периоде. Разрыв старых отношений, враждебность к инстинктам и аскетизм — все это отвлекает либидо от внешнего мира. Подростку грозит опасность сместить свое объектное либидо с окружающих людей на себя. Так же, как он регрессировал в своем Я, он может регрессировать и в своей либидозной жизни от объектной любви к нарциссизму. Он избегает этой опасности судорожными усилиями, направленными на установление нового контакта с внешними объектами, даже если это может быть сделано только через его нарциссизм, т.е. при помощи ряда идентификаций. В соответствии с таким представлением эмоциональные связи с объектом в подростковом возрасте представляют собой стремление к выздоровлению — и в этом отношении подростки также напоминают психотических больных в тот момент, когда их состояние в очередной раз начинает меняться к худшему.

При описании пубертатного периода я столько раз сравнивала его характеристики с серьезным заболеванием, что (хотя это исследование и не претендует на полноту) мне, видимо, следует сказать несколько слов о нормальности и аномальности происходящих в этот период процессов.

Мы видели, что основой сравнения пубертатного периода с началом обострения

психического заболевания является феномен, приписываемый нами количественным изменениям катексиса. В обоих случаях повышенный либидозный катексис Оно прибавляется к инстинктивной опасности, заставляя Я удваивать свои усилия для защиты любым возможным способом. В психоанализе всегда понимали, что в человеческой жизни из-за этих количественных процессов каждый период возрастания либидо может стать началом невротического или психотического заболевания.

Кроме того, пубертат и обострение психоза напоминают друг друга возникновением примитивных защитных установок, которые мы связываем со страхом Я перед силой инстинктов—тревогой, которая отбрасывает назад больше, чем любая объективная тревога или тревога сознания.

Впечатление о нормальности или аномальности процессов, происходящих в пубертате у каждого отдельного индивида, будет, по-видимому, зависеть от доминирования какой-нибудь из перечисленных мною тенденций или нескольких из них. Аскетический подросток выглядит для нас нормальным до тех пор, пока его интеллектуальные функции свободны и у него есть ряд здоровых связей с объектами. Это же относится и к подросткам, интеллектуализирующим инстинктивные процессы, к подросткам идеалистического типа и к тем, кто безудержно мчится от одной пламенной дружбы к другой. Но если аскетическая установка упорно поддерживается, если процесс интеллектуализации преобладает во всей психической жизни и если отношения к другим людям основаны исключительно на сменяющихся идентификациях, учителю или аналитику будет трудно определить из наблюдения, в какой мере это следует рассматривать как переходную фазу нормального развития, а в какой — уже как патологическую.

Заключение

В этой книге я попыталась классифицировать различные защитные механизмы в соответствии с конкретными провоцирующими тревожность ситуациями, вызывающими их к действию, и проиллюстрировала это рядом клинических случаев. С ростом нашего знания о бессознательной активности Я, по-видимому, станет возможной более точная классификация. Еще остается много неясного относительно исторической связи между типичными переживаниями в индивидуальном развитии и выработкой конкретных типов защиты. Мои примеры указывают на то, что типичные ситуации, в которых Я прибегает к механизму отрицания, связаны с мыслями о кастрации и с утратой объекта любви. Однако альтруистический отказ от инстинктивных импульсов, по-видимому, при определенных условиях является специфическим способом преодоления нарциссического унижения.

При нынешнем состоянии нашего знания мы уже можем с уверенностью говорить о параллелях между защитными мерами Я против внешней и против внутренней опасности. Вытеснение избавляет от производных инстинктов, так же как отрицание разрушает внешние стимулы. Формирование реакции предохраняет Я от возвращения изнутри вытесненных импульсов, тогда как при помощи фантазий, в которые обращена реальная ситуация, поддерживается отказ от поражения извне. Торможение инстинктивных импульсов соответствует ограничению, накладываемому на Я, чтобы избежать неудовольствия, исходящего от внешних источников. Интеллектуализация инстинктивных процессов как мера против опасности, угрожающей изнутри, аналогична постоянной бдительности Я по отношению к опасности, грозящей извне. Все остальные защитные меры, которые, подобно обращению и обороту против человека, производят изменения в самих инстинктивных процессах, имеют свой аналог в попытках Я воздействовать на внешнюю опасность посредством активного изменения условий во внешнем мире. На этой последней стороне активности Я не будем здесь останавливаться подробнее.

Это сравнение параллельных процессов заставляет задать вопрос: каким образом Я разворачивает формы своих защитных механизмов? Строится ли борьба против внешних сил по

образцу борьбы с инстинктами? Или же дело обстоит наоборот — меры, используемые во внешней борьбе, являются прототипом различных защитных механизмов? Выбор между этими двумя альтернативами нелегок. Детское Я переживает натиск инстинктивных и внешних стимулов в одно и то же время; если оно хочет сохранить свое существование, то должно защищаться одновременно с двух сторон. В борьбе с различными видами стимулов, которыми Я должно овладеть, оно приспособливает свои орудия к конкретным нуждам, вооружаясь то против опасности, грозящей изнутри, то против опасности, грозящей снаружи. В какой мере в своей защите от инстинктов Я следует собственным законам, а в какой — подвержено влиянию характера самих инстинктов? Некоторый свет на эту проблему может быть пролит сравнением с аналогичным процессом — процессом искажения сна. Перевод латентных намерений сна в явное его содержание осуществляется под присмотром цензора, т. е. представителя Я во сне. Но сама работа сна не осуществляется Я- Конденсация, замещение и многие странные способы представления, происходящие в снах, — это процессы, характерные для Оно, и используются они в основном в целях искажения. Таким же образом различные защитные меры не являются исключительно делом Я. В той мере, в какой модифицируются сами инстинктивные процессы, используются характерные особенности инстинкта. Например, готовность, с которой эти процессы могут быть замещены, способствует механизму сублимации. При помощи этого механизма Я достигает своей цели — отклонения инстинктивных импульсов от их чисто сексуальной цели на те, которые общество считает более высокими. Кроме того, обеспечивая вытеснение при помощи реактивного образования, Я извлекает выгоду из способности инстинкта к обращению. Мы можем заключить, что защита выдерживает атаку лишь в том случае, если она построена на этой двойной основе, — с одной стороны, на Я, а с другой — на сущностной природе инстинктивных процессов.

Но даже когда мы допускаем, что Я не полностью свободно в создании защитных механизмов, которые оно использует, при исследовании этих механизмов впечатляет величина достижений Я. Само существование невротических симптомов указывает на то, что Я потерпело поражение, а каждый возврат вытесненных импульсов, приводящий к формированию компромисса, показывает, что какой-то план защиты не удался и Я было побеждено. Но Я одерживает победу, когда его защитные меры достигают своей цели, т. е. позволяют ему ограничить развитие тревоги и неудовольствия и так преобразовать инстинкты, что даже в трудных обстоятельствах обеспечивается какая-то степень удовлетворения. А это, в свою очередь, позволяет поддерживать гармоничные отношения между Оно, Сверх-Я и силами внешнего мира.

Содержание

Детский психоанализ. А. Асмолов

А. Теория защитных механизмов

1. Я как точка наблюдения .
2. Применение аналитической техники к исследованию психических образований
3. Защитные действия Я, рассматриваемые как объект анализа . .
4. Защитные механизмы
5. Ориентация защитных процессов в соответствии с источником тревоги и опасности . . .

Б. Примеры избегания объективного неудовольствия и объективной опасности (предварительные стадии защиты) . .

6. Отрицание в фантазии .
7. Отрицание в слове и действии
8. Ограничение Я • .

В. Примеры двух типов защиты

9. Идентификация с агрессором .

10. Форма альтруизма .

Г. Защита, мотивированная страхом перед силой инстинктов (на примере явления пубертата) .

11. Я и Оно в период полового созревания .

12. Инстинктивная тревога В пубертатном периоде

Заключение

Литература